

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

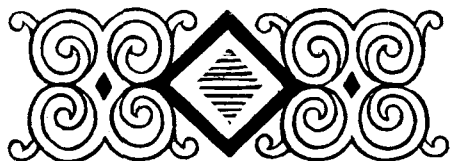
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ЮГО-ОСЕТИНСКИЙ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

НАРТА

ИРОН
АДАЕМОИ
ЭПОС

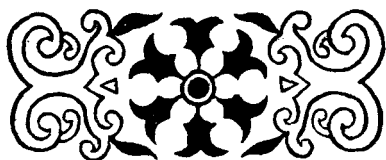

НАРТЫ

ЭПОС

ОСЕТИНСКОГО

НАРОДА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:
В.И. АБАЕВ, Н.Г. ДЖУСОЕВ,
Р.А. ИВНЕВ и Б.А. КАЛОЕВ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1 9 5 7

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

академик *В. П. Волгин* (председатель)

академик *В. В. Виноградов*, академик *М. Н. Тихомиров*,

член-корреспондент АН СССР *Д. Д. Благой*, член-корреспондент

АН СССР *Н. И. Конрад* (заместитель председателя), член-корреспондент

АН СССР *Д. С. Лихачев*, член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказ-*

кин, профессор *И. И. Анисимов*, профессор *С. Л. Утченко*,

кандидат исторических наук *Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь)

Ответственный редактор

В. И. АБАЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Осетинский эпос о героях нартах — один из древнейших в мировой эпической литературе — пользуется широкой известностью.

В основу настоящего издания положено собрание сказаний о нартах, подготовленное и изданное Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом на осетинском языке в 1942 г. в гор. Сталинир¹. Опубликование в серии «Литературные памятники» русского перевода указанного юго-осетинского собрания без привлечения северо-осетинских вариантов оправдано тем, что северо-осетинские собрания уже неоднократно переводились (В. А. Дынный, Ю. Н. Либединским).

Русские подстрочники, которыми пользовался автор русского поэтического изложения Р. А. Ивнев, составлены Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом, принявшим также активное участие в редактировании поэтического перевода.

Переводчик не ставил целью филологическую буквальность, а стремился дать свободный литературный перевод, который, не изменяя духу оригинала, был бы доступен широкому кругу читателей. Легкости восприятия должна способствовать и рифма, которая для осетинского оригинала не характерна.

¹ «Нарты. Осетинский народный эпос». Материал собрали и обработали: Андиев Б., Багаев Э., Ванеев Э., Качмазов И., Плиев Х., Санакоев П., Туганов М., Чочиев Р., Шавлохов М. Под редакцией Качмазова И., Санакоева П., Шавлохова М. Сталинир, 1942.

Филологическая редакция перевода — старшего научного сотрудника Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР Н. Г. Джусоева, послесловие написано старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук СССР В. И. Абаевым и кандидатом исторических наук Б. А. Калоевым, комментарии составлены Б. А. Калоевым, общая редакция — В. И. Абаева.

С Л О В О О Н А Р Т А Х ¹

Здесь собраны древнейшие сказанья
О нартских героических деяньях.
Сказители их завещали миру,
Отдав всю душу звучному фандыру *.
Во времена далекие, седые,
Проникли нарты в небеса впервые.
Они не раз пересекали страны,
Где жили уаиги *-великаны.
В скитаниях не находя покоя,
Они спускались и на дно морское.
К донбетрам * шли, терк-туркам* и гумирам *
Они всегда кончали битвы пиром.
В подземном царстве жили далимоны *.
У всех — свой нрав, у всех — свои законы.
Но вот огонь сверкнул во мгле зарницей,
Чтоб до конца земли распространиться.
И люди, озаренные огнем,
Не в силах были позабыть о нем.
Герои-нарты, мощь огня изведав,
Считать устали славные победы.
Так утверждались нарты на земле,

¹ Звездочками отмечены отдельные слова и выражения, пояснение которых дано в разделе «Комментарии». Звездочка ставится после поясняемого слова или выражения. Комментарии расположены в алфавитном порядке.

С огнем в глазах, со славой на челе.
На пиршествах, в сраженьях, на охоте
Бела их смелость, честь была в почете.
Отвергнув зло, насилие и гнет,
Искал свободы нартовский народ,
Он даже небу бросил смелый вызов —
И ринулся к воздушным далям снизу.
Но в этих битвах, страшных и неравных,
Погибло много нартов достославных.
Как воск на солнце, таяли полки,
Под женский стон, у вспененной реки.
А те, которые в живых остались,
Опять, как прежде, с силами собрались.
Народный дух рождал живое слово,
И крепло мужество в борьбе суровой:
В полях, в ущельях, на вершинах горных
Сражались нарты долго и упорно.

БОРА У ДОНБЕТРОВ

Су́асса был великим предком нартов,
Прославленным героем в деле ратном.
Имел он трех отважных сыновей,
Один другого в подвигах смелей,—
Бора Стальнорожденного, Дзылау,
Болатбарзая,— вышли все на славу.
Не в первый раз Бора под гомон птичий
Помчался в лес охотиться за дичью.
Он одолел крутой подъем легко
И оказался выше облаков.
Лишь первый луч блеснул ему с востока,
Спустился он к шумящему потоку.
Косой песчаной выгибался берег,
Там, на песке, следы остались зверя.
Звериный след вел к бездне первобытной,
Пошел туда охотник любопытный.
Он миновал обочины, овраги,
Шел по земле сухой, лишенной влаги,
Шел по холмам и по засохшим руслам,
Шел по траве, при свете солнца тусклом.
Звериный след манил в глухие дебри,
Охотник шел и проклинал свой жребий.
Исчезло солнце, стал прохладен воздух,
Зажглись на небе золотые звезды.
Бора мечтал об отдыхе в пещере,

Чтоб ранним утром обнаружить зверя.
И в темноте он наугад шагал,
С пути сбиваясь, средь отвесных скал.
Он спотыкался и на камни падал.
Вот на него повеяло прохладой,
И ручейка послышалось журчанье.
Подумал он: «Вот и конец скитанью».
А тьма ночная становилась гуще,
Шумел в горах поток воды бегущей.
Он к озеру внезапно подошел,
Кипевшему, как огненный котел.
И ветер буйный с каждою волной
Вступал в свирепый рукопашный бой.
Бора снял бурку, черную, как ночь,
На землю лег, сон отгоняя прочь.
Забыв про все, он слушал с удивленьем
Огромных волн воинственное пенье.
Когда взобрался на крутую гору,
Окинул даль он удивленным взором:
Вертящийся хрусталь на самом дне
Кремень огромный точит в глубине
И высекает пламенные искры
Движением молниеносно-быстрым.
А озера бушующего дно
Как будто светом дня озарено.
На черный остров, светом озаренный,
Смотрел он долго, как замороженный.
Пытливый взор охотника влекла
Пещера та, что больше всех была.
Дверь золотая вдруг открылась справа.
Семижды семь донбетров величаво
Проследовали из своих покоев.
Шел во главе их старший из героев,
Земли касаясь белой бородой,
Сверкающей жемчужною водой.

Степенно занял он почетный угол.
А остальные молча, друг за другом,
Как подобало, ниже разместились,
И взоры их на старца устремились.
А юноши — их очень много было,
Они блистали красотой и силой, —
Став у столов, заботились о том,
Чтоб угостить всех вкусным шашлыком.
Они не знали на пиру покоя,
Не успевали разносить жаркое,
Густое пиво черное из бочек
(Был цвет его чернее темной ночи).
Поочередно подносили всем
В семи котлах напитков крепких семь.
И пивочерпий первым подал чашу
Тому, кто был из старцев самым старшим.
Месили тесто семь хозяек быстро
В семи арынгах *, словно звезды, чистых.
Из сладких гор поднявшегося теста
Семь пирогов пекли им семь невесток.
И на семи кострах при свете красном
Семь отроков поджаривали мясо.
С горячих шашлыков оленье сало
На угли раскаленные стекало.
То угощение для гостей желанных
Семь юношей разносят неустанно.
А старики медлительно и чинно
Рукою сальной крутят ус свой длинный.
Но вот в пещере появился вестник,
Остановился и застыл на месте:
«О старшие, да будет с вами мир!
О младшие, пусть длится вечно пир!
Надземный гость случайно к нам попал,
Он голоден и, видимо, устал.
На берегу сидит он одиноко

Над озером, в молчании глубоком». Тот, кто здесь был из старцев самым старшим, Поставил вдруг на стол пивную чашу И так промолвил, озаренный светом, Почтительно поднявшимся донбетрам: «Я думаю, что гость наш не простой, В опасный путь выходит лишь герой. Скорей пошлите лодку золотую, Чтоб гость у нас нашел семью родную. Мы для него откроем наши двери. Но помните, что, выходя на берег, Не надо брать оружия никакого, Коль не таите умысла дурного». И семеро отправились тогда Из тех, кто был моложе по годам. На дно они мгновенно опустились, Все двери перед ними растворились, И лодка выйти на простор смогла, И к берегу спокойно подплыла. Собрались с духом юные донбетры И к незнакомцу подошли с приветом. Но голос нарта громом прогремел: «Кто дерзкий вызов бросить мне посмел? Кто хочет первым в бой вступить со мною, Пусть подойдет с отточенной стрелою». И встречею неожиданною встревожен, Бора мгновенно вынул меч из ножен. Донбетры слова вымолвить не могут, Стоят безмолвно, затаив тревогу. Тогда Бора, молчаньем их смущенный, От них отводит меч свой обнаженный: «Коль не таите умысла дурного, Что ж вы боитесь вымолвить и слово?» Тут вышел тот, кто был других постарше, Сказал пришельцу: «Будь же гостем нашим.

Не жди от нас ни горя, ни обид»,
И продолжал, всадивши в землю щит:
«Не силой мы помериться пришли,
Великий сын неведомой земли.
Тот, кто у нас из старцев самый старший,
С тобой охотно осушил бы чашу,
Гостеприимства показав пример.
Под сводами родных для нас пещер
Он ждет тебя, и вся его забота
В том, чтобы встретить путника с почетом.
И по его приказу за тобой
Приехали мы в лодке золотой».
Растроганный сердечными словами,
Бора сказал: «Готов идти я с вами
На край земли, доверьем к вам влекомый,
Но должен быть я до рассвета дома.
Ведь на охоте проведя шесть дней,
Ни птиц не встретил, ни лесных зверей.
Я в дом родной, как близкие хотели,
Вернуться обещал через неделю.
За день единый, юные друзья,
Путь шестидневный должен сделать я
И дичи настрелять в короткий срок,
Что за неделю я собрать не мог.
Благодарю за приглашение ваше,
Поклон мой низкий передайте старшим.
А я смогу и здесь передохнуть
И, выспавшись, в обратный двинусь путь».
Тогда донбetr, других донбетров старше,
Сказал ему: «О путник, солнца краше,
Коль так, прости, но не спеши в дорогу,
На этом месте подожди немного».
И, огорченные отказом нарта,
Донбетры в путь отправились обратный.
Домой приехав, так сказали старшим:

«Напрасны были все усилья наши.
Смягчив отказ любезными словами,
Гость добродушный не спустился с нами».
В ответ на это старшие донбетры
Послали вновь ладью с попутным ветром,
С хозяйкою мудрейшей во главе,
Как то велел старинный их завет.
Вот к берегу хозяйка подплывает,
Ковер узорный плавно расстилает.
Застежки золотые, словно звезды,
Огнем лучей пронизывают воздух;
Стан поясом затянут был на диво.
За ней ряд юношей стоял учтиво.
Она смущенно к гостю подошла,—
В движениях сдержанна, лицом светла.
Один из юношей промолвил нарту:
«Мы за тобой приехали обратно.
Мужское не уважив пожеланье,
Хоть женщине ты окажи вниманье.
Обычай наш тебе открою я,
Что женщинам отказывать нельзя».
И пред хозяйкой, светом озаренной,
Склонил свой стан Бора Стальнорожденный:
«О свет очей, вовеки не мечтал я,
Чтоб предо мною с чашей ты стояла.
Кто из людей откажется от дружбы,
Предложенной с улыбкой добродушной?
Я принимаю золотую чашу
Из рук, которых нет на свете краше.
Да славится неведомое имя
С донбетрами почтенными твоими!
Пусть изобилье снизойдет навеки
На озеро чудесное и реки!
Теперь до дна я чашу осушаю
И долгих лет вам от души желаю.

Уастырджи *, свет путников и слава,
В пути всегда будь от меня ты справа».
Окончив речь, он чашу осушил.
А про себя Бора проговорил:
«Случаются же чудеса такие:
Пьют дивный ронг * донбетры водяные».
И вынув из-за пазухи рожок,
Он затрубил, испугнувши ветерок.
На зов его покорно и неслышно
Из мглы лесов оленья самка вышла.
И молоко, что надоил он в чашу,
Той протянул, кто всех хозяек краше.
А после в землю, рядом со щитом,
Копье свое всадил тупым концом.
Тогда донбetr, что старшим был, не медля,
Узорный щит всадил в сырую землю.
Его примеру все, кто были в сборе,
Последовали по адату * вскоре.
И, обложив щиты кусками кварца,
Все начали в дорогу собираться.
Лишь разместились в лодке золотой,
Взялись за ронг чудесный и хмельной.
Для них часы летели, как минуты,
И ветерок казался им попутным.
Внимательны донбетры к гостю были
И в свой дворец радушно пригласили.
С любовью гостя проводили к старшим,
И снова ронга засверкали чаши.
Устроили донбетры праздник славный,
Чтя, как всегда, обычай стародавний.
Напитков — море, кушаний — гора.
Веселый пир тянулся до утра.
Но лишь забрезжил первый луч зари,
Взволнованно Бора проговорил:
«Мне не забыть сердечного приема,

Но до рассвета должен быть я дома».
Хозяева сказали гостю дружно:
«Коль должен ты прервать веселый ужин,
Да будет все, что съедено тобой,
Тебе на пользу, путник дорогой.
А все, что выпил с честью за столом,
Да будет материнским молоком.
И чтоб в горах ты не бродил один,
Тебе юнца в попутчики дадим.
Путь пробивая через бездорожье,
Он, как родной, во всем тебе поможет.
Эй, молодежь! Готовьтесь с гостем в путь,
Чтоб он ни в чем не мог нас упрекнуть».
И молодежь пустилась в путь обратный,
До берега сопровождая нарта.
Бора простился с ними дружелюбно
И вышел в путь томительный и трудный.
А одного из самых молодых
С Бора послали вглубь дубрав глухих.
Так шли они горами и лесами,
Бег времени не замечая сами.
В лесу под дубом нарт копьё вонзил,
Стрелу на камень знаков * положил,
На ветку дуба щит повесил свой
И дальше в путь отправился, домой.
Бора в лесу оленей убивал,
Юнец-донбетр их ловко подбирал
И сбрасывал, не говоря причины,
В крутые волны мчащейся пучины.
Но в полдень нарт промолвил с удивленьем:
«А где же мной убитые олени?»
Юнец ответил: «В речке по теченью
Уже давно плывут твои олени».
Вот подошли они к реке большой.
Донбетр достал рожок любимый свой

И затрубил в него, что было силы.
Вскипели волны, речка забурила,
И из воды, под свист протяжный ветра,
Вдруг показалась голова донбетра.
«Пойдем-ка, нарт. Отсюда дом видней».
Волнение стало во сто крат сильнее.
И, отгоняя горы волн на берег,
Железные раскрылись настежь двери.
Тогда донбетры ринулись в провал,
Бора за ними еле успевал.
Лишь только двери наглухо закрылись,
Они на дне пучины очутились.
Донбетр промолвил: «Вот мы и пришли.
Открой глаза, сын нартовской земли».
Земля как будто треснула внезапно,
На берег черный выбросило нарта.
Родную землю он окинул взором,
Увидел скоро и оленей гору.
Свою добычу измеряя взглядом,
Донбетры юные стояли рядом.
Оленя в дом они внесли легко
И подкрепились сочным шашлыком.

БОРА В ЗАПОВЕДНОМ ЛЕСУ

Бора с утра помчался на охоту.
По склонам гор, по кочкам и болотам,
В глухом лесу бродил он много дней.
Дивился нарт, не находя зверей.
Дивился он, что в чаще опустелой
Пред ним ни разу птица не взлетела.
Но вот однажды в роще голубь белый
Вблизи от нарта опустился смело.
Охотник лук поднять успел едва,
Как лопнула внезапно тетива.
За камень острый он с досады взялся,
Но камень от земли не отрывался.
Он поднял палку, чтобы кинуть в птицу.
Но вдруг повисла, словно плеть, десница.
И перед птицею замороженный
Стоял Бора, как громом пораженный.
Подумал он: «Каким же стал я жалким,
Коль приподнять не в силах даже палки».
А голубь в белоснежном оперенье
Следя за нартом, в это же мгновенье
Над пологом ветвей зеленых взвился
И на поляне дальней опустился.
И там, воркуя, сел на белый камень,
Сверкая белоснежными крылами.
За голубем следя горящим взором,

Охотник тихо полз по косогорам,
И думал он: «Каким я буду нартом,
Коль без добычи поверну обратно.
Ведь если птица поймана не будет,
То в дом родной меня не впустят люди.
Куда б ни полетела эта птица,
За нею всюду буду я стремиться.
Там, где она захочет отдохнуть,
И я прерву мой долгодневный путь.
С ней и на нивах, и на пепелищах
Питаться буду я одною пищей.
А той водой, что голубь будет пить,
И я сумею жажду утолить».
Вдруг голубь скрылся в чаще вековой.
Бора за ним шел в тишине немой.
Глухая ночь в лесу его застала,
Тогда он выбрал место для привала.
Под соснами он лег у водопада,
Где веяла целебная прохлада.
Заснул Бора, едва земли коснулся.
Но вот над ним свод неба распахнулся,
На вековых дубах и стройных соснах
Сверкает ярко солнечная россыпь.
Журчат ручьи, сверкая серебром,
И так светло и радостно кругом.
Бора проснулся бодрый и веселый,
Взглянул любовно на леса и доли.
И водопад биенью сердца вторил,
И ветер пел, волнуясь на просторе.
Но в ту минуту, к удивленью нарта,
По волшебству застыло все внезапно.
И водопад жемчужный не шумел,
И звонких песен ветерок не пел,
Деревья тихо ветви опустили
И неподвижно в воздухе застыли.

Тогда слетел с высот небесных голубь,
Взглянул на лес затихший и на доли,
На ветку опустился, под которой
Сидел охотник с изумленным взором.
Блестели крылья белые, как снег,
Которых смертным не видать вовек.
И снова он на небо плавно взвился,
И в облако внезапно обратился.
Из облака же вскоре показалась
Красавица, что краше не рождалось!
Бора взглянул и так промолвил ей:
«Всех солнечных ты лучше дочерей!
Красу твою могли б воспеть и в песнях.
Ты — украшение и для звезд небесных.
О, кто намечен доброю судьбой
Быть избранным на долгий век тобой?
Пред кем стоять ты будешь, напевая,
Домашний стол любовно накрывая?
Кто будет слушать голос твой напевный?
Кому отрадой станешь ты душевной?»
Она ему с улыбкою внимала,
За облачным скрываясь покрывалом.
И вот опять в голубку обратилась,
И в небеса, взмахнув крылами, взвилась.
Бора с тоской глядел ей долго вслед, —
Но от нее остался только свет.
Вновь зашумел жемчужный водопад,
Запел и ветер водопаду в лад.
Защебетали звонко птичьи стаи,
Судьбу Бора счастливой почитая:
«Охотник славный, если б всю неделю
Ты приходил бы к этим стройным елям,
Чтоб отдохнуть в прохладный час ночной,
Доволен стал бы ты своей судьбой?»
Взволнованный Бора прилег на землю,

Предчувствию сердечной тайны внемля,
Глаза сомкнув. И не заметил он,
Как был лучом рассветным озарен.
Услышал вновь стук дятла, птичье пенье
И ветерка лесного дуновенье.
С тех пор ночами стал Стальнорожденный
В лес приходить, надеждой окрыленный.

СВАДЬБА БОРА

Но вот настал недели день седьмой,
Раздвинулся свод неба голубой,
И ласточка, посланница небес,
Слетела плавно в заповедный лес,
У водопада сев на белый камень,
Воды коснулась легкими крылами,
Запела песню радостную в лад
Тому, что пел звенящий водопад.
Поляны, реки и лесные склоны
Внимали долго песне окрыленной.
И всей природе сделалось понятно,
Что эта песня сложена для нарта.
«Не ожидай вечернего заката,
Направь скорей к жемчужным водам сватов.
Придя туда в предутреннем тумане,
Пусть сбросят все одежды грубой ткани,
Пусть освежатся влагой родника,
И облачатся в легкие шелка,
И, к жертвеннику подойдя святому,
Произнесут молитвенное слово.
И небеса в знак милости своей
Раскроют настежь двери для гостей
И лестницу им спустят золотую,
Чтоб в даль они поднялись голубую».
Как музыка звучала эта песня,

Она пришла, как светлой жизни вестник.
Среди тенистых и густых дубрав
Не слышно было шелестящих трав.
Не потому ль, что ласточка молчала
И тонким клювом крылья расправляла?
Но вот она, взмахнув опять крылами,
За голубыми скрылась облаками.
Когда багрянец алого заката
Слегка коснулся облаков крылатых,
Пришел домой Бора Стальнорожденный,
Устроил пир, заветом освященный,
И, жертвенного заколов барана,
Он приготовил шашлыки для званных,
И чашей с ронгом обносил гостей,
И каждому он говорил: «Испей!»
Мудрейший нарт, состарившийся в битвах,
Пир освятил торжественной молитвой:
«Уастырджи, стань с правой стороны!
К тебе взывают нартские сыны.
Прими от нарта жертву благосклонно
И донеси ее до небосклона».
Потом спросил он жениха: «Скажи,
Где наших дальних странствий рубежи?
В каком должны идти мы направление?
Какой семьи искать расположение?»
«Коль пятеро из вас решат пойти,
Лес заповедный встретят на пути.
Там льется родниковая вода,
И вы должны отправиться туда.
Закончив путь в предутреннем тумане,
Вы сбросите одежды грубой ткани,
И, освежившись влагой родника,
Вы облачитесь в легкие шелка,
И, к жертвеннику подойдя святому,
Вы скажете молитвенное слово.

Когда ж заря сверкнет под небесами,
Узнаете все остальное сами».
Старейший нарт сказал ему в ответ:
«Всего дороже — дедовский завет.
Нам не нужны ни золото, ни шелк,
Мы все исполним свой священный долг».
Поднялись нарты раннею зарей,
В пути вели беседу меж собой.
Шли до границы нартовской земли,
К жемчужным водам вскоре подошли
И, освежившись влагой родника,
Все облачились в легкие шелка,
И, к жертвеннику подойдя святому,
Произнесли молитвенное слово.
Вдруг небо перед сватами раскрылось,
И лестница оттуда появилась.
Пять пар блестящих золотых сапог
Для славных нартов подоспели в срок.
Обулись очарованные сваты
И в небе оказались до заката.
Их усадили за столы большие,
А на столах — все яства дорогие.
Тут сваты повели себя умело,
За пиршеством и обсудили дело.
Миролюбиво и без замедленья
В село к Бора послали приглашенье.
Бора примчался тою же дорогой,
Остановился во дворе у бога.
И зэда * бог направил к славным нартам,
Чтоб, взяв гостей, он прилетел обратно.
Собрались нарты в дальнюю дорогу,
Отправились по приглашенью к богу.
Пропирав на свадьбе всю неделю,
От радости не чувствовали хмеля.
С невестою — племянницею бога —

В конце недели двинулись в дорогу.
Домой вернувшись, в нартское селенье,
Всем разослали сразу приглашенья.
И, просьбам нарттов благосклонно внемля,
Дуаги * с зэдами сошли на землю.
Они, пируя, пищи не касались,
И ароматом только наслаждались,
А чаши с ронгом отклоняли скромно,
Не пробовали влаги животворной.
Смотрели все, храня степенный вид,
Как молодежь плясала плавный симд *.

ДЗЫЛАУ НА ОХОТЕ

Любили нарты дальние походы
И после битв — немногодневный отдых,
А на охоте, в зоркий глаз свой веря,
Без промаха подстреливали зверя.
Отправился Дзылау раз в поход,
Забрался он под самый небосвод.
Взглянул оттуда на крутые склоны,
На лес дремучий и на луг зеленый,
И разглядел в сгущавшемся тумане
Дерущихся оленей на поляне.
Бодаясь и борясь в ожесточенье,
То вздыбившись, то павши на колени,
Олени, увлеченные борьбой,
Вдруг очутились в заросли густой.
В развилке веток их рога застряли,
И вот олени пленниками стали.
Дзылау быстро оседлал их спины
И ветками связал их воедино.
Олени нарта вглубь лесов помчали,
Они летели днями и ночами.
Неслись вперед, как испуганные птицы,
И не могли никак остановиться.
Вот нартовской земли уже не стало.
Мелькали пашни, берега и скалы.
Летя вперед, перескочив неожиданно

За первую ограду великанов,
В их крепость грозную они попали
И, обессилив, на колени пали.
И смелый нарт от резкого движенья
Упал на землю, словно пал в сраженье.
В глазах его внезапно потемнело
И завертелись и земля и небо.
Не мог он видеть, как с высокой башни,
Взметнувшейся вблизи соседней пашни,
Сестра семиголовых великанов
Смотрела с любопытством на поляну.
Заметив задыхавшихся оленей
И всадника несчастного паденье,
Красавица, не ведавшая зла,
Спустилась вниз и к нарту подошла,
И нарту рану, улыбаясь нежно,
Омыла влагой, чистой, как подснежник.
Но лишь хотел заговорить он с ней,
Она метнулась, горных серн быстрее,
На башню поднялась и из светлицы
Ему сказала: «Путник светлолицый,
Высокой башни не достать рукой,—
Семь братьев охраняют мой покой.
Пусть перед ними буду я в ответе,
Тебе веревку сброшу я и сети.
Поймав оленей, через стену ловко
Их перекинь и сохрани веревку».
Нарт выслушал совет ее и вскоре
Поймал оленей на лесистом взгорье,
Накинув налыгач * на их рога,
Домой помчался резво по лугам.
А в это время у дороги дальней
Резвился мальчик на огромном камне.
Он молвил: «Если б ты меня уважил,
И смастерил бы борону из кряжа,

И пашню эту за меня вспахал,
Тебя бы я всю жизнь благословлял.
Своих оленей нарт остановил
И борону из дуба смастерил.
Он сделал это быстро и умело,
Потом сказал: «Теперь пора за дело.
Где поле? Укажи его границы,
И я над пашней пролечу, как птица».
Ответил тот: «Будь милостив ко мне,
Проехаться позволь на бороне».
Герой исполнил просьбу без заминки
И протянул ребенку хворостинку.
Промолвил мальчик: «Счастлив будь всегда!
Живи на свете долгие года!
Понадоблюсь, ты позови меня,
И пред тобой предстану тотчас я.
Теперь же с богом продолжай свой путь,
Но нашу встречу ты не позабудь».
И хворостинкой подстегнув оленей,
Он с ними скрылся в это же мгновение.
А славный путник, чудом изумленный,
Домой вернулся, в думы погруженный.

ДЗЫЛАУ У АВСАРОНОВ*

Сестрою великанов восхищенный,
Влюбленный нарт решил ее взять в жены,
И думал он об этом неотступно,
Но крепость великанов неприступна.
И у ворот дубовых не напрасно
Лай раздавался псов железнопастных.
Поблизости не пролетали птицы,
И зверь лесной не смел остановиться.
Забыв охоту, игры и забавы,
Открылся брату доблестный Дзылау,
Болатбарзаю, кто в кругу семейном
По имени был назван Стальношейным:
«Ты видел крепость на вершине горной?
О ней давно я думаю упорно.
И мы с тобою, рано или поздно,
Проникнем в крепость великанов грозных.
Раз силою их одолеть нельзя,
Мы в гости к ним приедем как друзья.
Я буду с ними ласков и приветлив,
Но смажу салом все дверные петли,
Чтоб не скрипели двери той светлицы,
Которую покинет их сестрица.
И бычью тушу мы возьмем с собой,
Чтоб жадных псов утихомирить вой.
Красавицу, похитив, переброшу

Через ограду. Ты ж умчишься с ношей.
Теперь сытнее накорми коней
И в путь-дорогу двинемся скорей».
С собою взяли лучшие доспехи
И на коней вскочили без помехи.
Вот, наконец, настал и час желанный,
Дзылау кличет сонных великанов:
«Эй, домоседы, глупый страх отбросьте,
Примите в дом приехавшего гостя.
Тот, кто гостеприимству не изменит,
Велит открыть и поздней ночью двери!
Когда ж, уняв неугомонных псов,
С ворот дубовых сбросите засов?»
Сестра же уаигов-великанов
Решила тоже действовать обманом.
Сказала братьям с горестным упреком:
«Что ж вы молчите? Или невдомек вам,
Что добрый гость стучится в ваши двери?
Вы одичали, как лесные звери,
Не ищете себе друзей любезных,
Как будто жизнь — в одних дверях железных,
А не в пирах веселых и хмельных,
В беседах сладких, сердцу дорогих».
Мужчин смутили женские упреки,
Проснулась гордость предков их далеких.
Они вскочили, сотрясая стены,
Навстречу к нартам кинулись мгновенно
И, отогнав псов своих железных,
Дзылау в доме приняли любезно,
И с редкою для уаигов честью
Гость был посажен на почетном месте.
От радости притворной иль во гневе
В огонь бросали целые деревья.
Поджарив до красна оленьи туши,
Просили гостя, не стесняясь, кушать.

Обычай великанов знал Дзылау
И подражал находчиво их нраву.
К себе подвинул он мясную тушу,
Ел за троих и говоривших слушал.
И великаны восхищались гостем,
Когда зубами разгрызал он кости,
И сами от него не отставали,
В еде обильной устали не знали.
Вдруг великан, один из самых крупных,
Герою предложил отведать супу.
Хитер был нарт и молвил без стеснения:
«Коль моего хотите насыщенья,
Уж лучше предложите весь котел».
Ему котел поставили на стол.
Покончил разом он с котлом огромным
И посмотрел на великанов скромно.
А их сестра глазами поощряла
Сметливого и смелого Дзылау.
А ночью гостю постелили сено
Для отдыха в гостеприимных стенах.
Отяжелев, заснули великаны,
И для влюбленных миг настал желанный.

ПОХИЩЕНИЕ СЕСТРЫ АВСАРОНОВ

Лишь только небо стало полуночным,
Как для Дзылау пробил час урочный.
Всю эту ночь он не смыкал очей,
Чтоб смазать салом петли всех дверей.
В груди удары сердца раздавались,
От них, казалось, двери сотрясались.
И нарт, надеждой тайной окрыленный,
Проник к сестре заснувших авсаронов.
И, завернув любимую в цыновку,
Вмиг Стальношейному подкинул ловко.
Но осторожно выйти не сумел,
Тяжелый ставень он плечом задел.
И рухнул ставень, слабо закрепленный,
На уаигов, болью пробужденных.
Проснувшись, братья подняли тревогу,
Стеной железной стали у порога.
«Не кровник ли,— кричали исполины,—
Явился к нам под дружеской личиной?»
Нахмурившись, как грозовые тучи,
Трут запалили, чтобы видеть лучше.
Но оказалось, что пуста светлица,
И исказились злобою их лица.
Тут поняли семь братьев-великанов,
Что стали жертвой хитрого обмана.
За беглецами ринулись в погоню.

Хрипели, ржали беспокойно кони,
Свет факелов, кровавый и зловещий,
Им освещал провалы горных трещин. -
Но не был счастлив и беглец Дзылау,
И он хлебнул из чаши бед немало.
Едва уйдя от псов неугомонных,
Искусанный, борьбою утомленный,
Он через речку переплыл с трудом
И еле-еле одолел подъем.
Уже погоню чуя за собою,
Сел на скалу он, в ожиданье боя.
Вот, наконец, в погоне великаны
Врага настигли за седьмой поляной.
Настал черед последнему сраженью,
И глыбы скал летели, как каменья.
Когда сгустилась пелена туманов,
Речную тишь спугнули великаны.
Один из них схватил огромный камень
И отомстил обманщику за ставень.
Дзылау с переломленной ключицей,
Как ветер, начал по полю носиться.
Скрипя зубами, вырывал деревья
И на врагов кидал легко, как перья.
И трупы великанов молчаливо
Он сбрасывал, как камешки с обрыва.
Жестокою борьбою увлеченный,
Упал Дзылау, словно тур сраженный.
Очнулся он на травяной постели
С щемящей болью в изнуренном теле.
А в это время славный Стальношейный,
Храня обет, что древностью оваян,
Сестру родную грозных великанов
Донес сквозь чащу до лесной поляны,
Чтоб опустить там с братскою любовью
Перед Дзылау, истекавшим кровью.

Обнявши нарта, девушка сказала:
«Пора разлуки неужель настала?»
А Стальношейный им травы нарвал
И караулить бережно их стал.
На миг один Дзылау мир забыл,
На мягких травах страсть он утолил.
А в полдень жизнь, оваянная славой,
Покинула несчастного Дзылау.
Для овдовевшей утешенья нет,
День ночью стал, померк навеки свет.
И прядь своих волос в последний путь
Она кладет усопшему на грудь.
А Стальношейный подошел проворно
И труп покрыл своею буркой черной:
«Смерть для героя — подвиг неизбежный.
Да будет мир душе его мятежной!»
Вдова сказала, горя не тая:
«Куда пойдешь, туда пойду и я.
Уж лучше смерти броситься в объятья,
Чем возвратиться к оскорбленным братьям»
И Стальношейный, не стыдяся слез,
Труп на носилках к нартам перенес.
И шла за ним невестка молодая
В родную даль неведомого края.
Пришли домой и донесли Дзылау,
И хист * тотчас же справили на славу,
И посвятили павшему коня,
Обычай древний благостно храня.
А мать Дзылау, по завету сына,
Была нежна с сестрою исполинов.
Невестке башню выстроили скоро,
Чтоб скрыть ее от посторонних взоров.

БИТВА ВЕЛИКАНОВ

Болатбарзаю, нартскому герою,
Меч брата долго не давал покоя.
И ранним утром, позабыв про сон,
Пришел к невестке овдовевшей он.
«Прости меня, ведь я был с братом дружен.
У очага, где вешают оружие,
В ту ночь, когда тебя мы похищали,
Оставил брат мой меч из лучшей стали.
В какой тайник могли бы великаны
Запрятать меч, для нарта столь желанный?
Коль мне ответишь, помня нашу славу,
Найду я меч погибшего Дзылау.
И этот меч я привезу домой,
Чтоб он отныне был всегда со мной».
И великанша нарту указала
То место, где оружие лежало.
И он проник вечернею порой
В дом великанов, что был схож с горой.
Цепные псы накинулись на гостя,
Чтоб икры нарта прокусить до кости.
Орудя своим железным ломом,
Прикончил их он на пороге дома.
Пока в походе были великаны,
Болатбарзай похитил меч Дзылау,
Потом собрал разбросанное сено,

Дом обложил и подпалил мгновенно.
Железным ломом разломав ограду,
В ущелье узком он засел в засаду,
И в ожиданье грозных великанов
Свой меч стальной точил он неустанно.
Жилище, подпаленное, горело.
Семь великанов поняли в чем дело
И ринулись к себе домой стремглав,
Не замечая рытвин и канав.
Но из засады, от Болатбарзая
На них летела каменная стая.
Каменьями герой их забросал,
Казалось, что летели глыбы скал.
В долгу не оставались исполины,
Не подставляли под удары спины.
Так продолжалось целый день сражение.
А после ночи отдыха в каменьях
Друг другу, утром вставши, великаны
Водой студеной омывали раны.
Лишь луч зари пронзил густые тучи,
Явился к бою и Бора могучий.
Теперь не камни, спор мечи решали,
В ушах звенело от горячей стали.
Кровь полилась бурлящею рекой,
Катилась голова за головой.
И великаны испускали крики:
«Скорей на помощь, славные малики *!»

СМЕРТЬ БАРХУНА, СЫНА НОЗА

От нартов жил в дневном лишь переходе
Бархун, сын Ноза, со своим народом.
Малики, уаиги как-то раз
Послали вдруг за ним в тревожный час.
«Вблизи шум битвы слышен неустанный;
Горит, как факел, крепость великанов;
В ущелье узком кровь кипит, как лава,
Средь грозных скал течет рекой кровавой.
Нам велено, чтоб без тебя домой
Не возвращались, доблестный герой».
Бархун, услышав грозный клич тревоги,
На скакуне помчался по дороге
И на заре с крутого косогора
Кипевший бой окинул смелым взором.
И, повернув, помчался снова к селам,
Людей сзывал, отважный и веселый.
«У родника собирайтесь до рассвета,
От наших полчищ нарт не взвидит света,
А кто с оружием не поспеет в срок,
Как трус, возьмет не шлем он, а платок».
Лишь солнце в небе утром показалось,
Как войско все у родника собралось.
Лучи зари сверкали на оружье.
Бархун сказал: «Пусть с храбростью мы дружим!
Но все ли в сборе, хоть бойцов немало?»

Ответили они: «Из трех кварталов
Собрались мы в вооруженьи полном,
Квартал же нижний весь остался дома
И не откликнулся на клич тревоги».
Разгневанный Бархун промолвил строго:
«Коль завтра грянет бой, то может статься
Они не выйдут и тогда сражаться,
Обманывать нас будут вероломно
И с женщинами оставаться дома.
Мы не потерпим у себя позора,
Нас не смутят врагов косые взоры.
Не будем к нашей славе нерадивы,
Накажем всех упрямых и трусливых».
Все двинулись, как им Бархун сказал,
Чтоб покарать ослушников квартал.
И весь квартал был уничтожен ими,
Живой души не стало там отныне,
Дома мятежников дотла сожгли,
И сосчитать всех трупов не могли.
Убитых всех соломой обложили,
Дрова сухие сверху положили,
Зажгли костер, чтоб не осталась память
Об осквернивших воинское знамя.
Покончив с ними, двинулись к маликам
Пустынею безводною и дикой.
Кругом пески горячие лежали,
Томясь от жажды, кони погибали,
Захватывало дух, немели ноги,
И многие не вынесли дороги.
Храп раздавался в выжженных степях,
И всадники пеклись на лошадях.
Измученные люди еле-еле
К земле маликов добрести сумели.
Усталые, не отдохнув и часа,
Попали в бой, скорее — в ад ужасный.

Томимы жаждой, голодом, сражались,
Хоть на ногах не без труда держались.
А на закате от густой лавины
Отважных войск осталась половина.
И в час вечерний к берегу реки
Расстроенные подошли полки.
И жажду утолив водой студеной,
Не задержавшись у крутого склона,
На лошадях, со смертью страшной споря,
Едва добрались вдоль реки до моря.
И только здесь Бархун им волю дал.
Коней стреножив, сделали привал.
Тем временем вблизи того квартала,
Который рать Бархуна покарала,
Собрала девушек дочь Даргавсара,
Их разжигая ненависть пожаром.
Она кипела гневом, говоря:
«Зачем нам плакать и томиться зря?
Над мертвецами мы напрасно стонем,
Давайте же хоть пепел похороним,
Склеп выстроим останкам дорогим,
Чтобы позор не угрожал живым».
В своем селе они собрали пепел,
Торжественно похоронили в склепе,
Над умершими проливали слезы.
И клятвой прозвучала их угроза,
Что никому обиды не простят
И что за кровь убитых отомстят.
И вот тогда для девушек квартала
Дочь Даргавсара всех коней скликала,
В лес войско девичье взяла с собой.
Там сделали они привал ночной.
Оружье, что нашли в другом квартале,
Провизию с собою в лес забрали.
И упражнялись там в единоборстве,

Не уступая воинам в упорстве.
Стрела и меч знакомы девам стали,
Из лука все без промаха стреляли,
Готовились без устали к сраженью,
Их вдохновляло будущее мщенье.
Кольчуги укрепили, как мужчины;
Любуясь синевой мечей старинных,
В могучий дуб свои клинки вонзали,
На острие святую клятву дали.
Год проведя в тени густых ветвей,
Вскочили на обьеженных коней
И двинулись, готовые на сечу,
Бархуну ненавистному навстречу.
Жара с утра палила непрерывно,
Добрались девы до земель Луана,
Коням усталым легкий отдых дали,
Умылись, сил набрались на привале
И полетели в битву на конях,
Чтоб рать Бархуна уничтожить в прах.
И, встретившись в отчаянном сраженье,
Свершили, наконец, они отмщенье.
Горя отвагой пламенной и юной,
Разбили войско гордого Бархуна,
На склеп повесив голову его,
Отпраздновали девы торжество.
Вихрь бороду седую развевал,
И ворон злой глаза его клевал.
Так отомстила дочка Даргавсара
За свой квартал, погубленный пожаром.

СМЕРТЬ БОЛАТБАРЗАЯ

Собрались великаны семигорья,
Пошли они к границе нартов вскоре.
К ним ринулся Болатбарзай навстречу,
И началась отчаянная сеча.
Мечи сверкали, головы слетали,
И жертв кровавых в битве не считали.
Кровь великанов, как река, текла,
И ясный полдень застилала мгла.
Хоть головы слетали великаньи,
Но трупов не было на поле брани.
В бою упорном хитрость применяя,
В пещеру заманив Болатбарзая,
Титаны заложили вход горой
И щели все замазали землей,
Чтоб, крепко замурованный средь скал,
Кровь великанов он не проливал.
А в это время, честь свою спасая,
Бора искал в лесу Болатбарзая.
Суассу встретив, он спросил о брате,
Печалась горько о его утрате:
«Почетный старший! Приключилось чудо:
Я видел в поле черепа повсюду
Разбросаны, как голыши речные,
А трупов нет. Быть может, вижу сны я?
Болатбарзая не нашел в пути,

Не знаешь ли, где мне его найти?»
Суáсса много в жизни испытал
И на вопрос Бора так отвечал:
«Болатбарзай исчез для нас неожиданно,
Виной тому проделки великанов.
Достичь в бою не можем мы удачи,
Коль враг на битву посылает младших.
Лишь голова слетит у молодого,
Другая тотчас вырастает снова.
То старший воин младшему в бою
Насаживает голову свою.
Вот потому и нет у них потерь.
Умнее будем поступать теперь,
Нам надо старшим вызов предложить.
Коль в схватке их сумеем победить,
То младшие, хотя б их было тридцать,
И с безоружным не рискнут сразиться».
У древних нартвов был такой обычай:
Те, кто с врагом на битву шел вторично,
Выковывали новый меч из стали,
А старый меч свой дома оставляли.
И выполнил Бора Стальнорожденный
Обычай славных предков отдаленный.
Потом к врагам примчался он стрелой:
«Эй, великаны, выходите в бой!
Что прячетесь вы по домам трусливо?»
Из дома младший вышел торопливо.
Он к нарту дерзко ринулся навстречу,
Но в тот же миг осиротели плечи —
Скатилась с великана голова.
И прогремели нартские слова:
«Лишь мальчишки сражаются со мною,
А старшие не принимают боя.
Покрыть им надо головы платками!
Где честь седых бород, скажите сами?»

Не вытерпел один из великанов,
Сражавшийся всю жизнь на поле бранном,
И выскочил с железом раскаленным.
Но не дремал Бора Стальнорожденный:
Ударил раскаленное железо
И на куски стальным мечом изрезал,
А пушенной стрелой в одно мгновенье
Разнес он косяки у всех строений.
А великаны, став немедля в строй,
По старшинству вступили с нартом в бой.
Когда Бора всех старших уничтожил,
Из дома младший вышел осторожно:
«Даруй мне, нарт, одну неделю жизни,
А после справь по великану тризну.
И выполню я все твои условия,
В чем поклянусь горячей братской кровью».
Бора сказал ему с ожесточеньем:
«Мой брат у вас томится в заточенье».
Ответил младший: «Дай мне слово нарта,
Найдешь тогда потерянного брата».
Он, круто повернувшись, побежал
К пещере, перепрыгнув через вал,
И, сдвинув гору, тяжело вздыхая,
К свободе путь открыл Болатбарзаю.
А бывший пленник с нартскою сноровкой
Врага на землю опрокинул ловко.
Взмолился младший: «В этот день суровый
Не заставляй меня нарушить слово,
Не понуждай обманщиком быть низким.
От радости находишься ты близко,
Твой брат Бора завоевал наш край».
Одумался тогда Болатбарзай.
И вот два брата встретились неожиданно
И овладели кладом великанов.
И великану подарив семь дней,

Они домой поехали скорей.
Вернулся в крепость великан сердитый,
Раздвинул тайно сложенные плиты,
Там был запрятан сын его любимый.
И, опасеньем за него томимый,
Отнес его к своим друзьям маликам,
Чтоб жил у них вдали от бранных кликов.
Маликам он о битве рассказал
И как Бора всех великанов смял.
Расплакался он громко перед всеми:
«Ведь может так погибнуть наше племя.
Семь братьев было нас. Убито шесть.
Меня ждет нартов яростная месть.
В знак нашей дружбы верной и старинной
Вам завещаю маленького сына».
Малики, речь прослушав беглеца,
Не потеряли стойкость до конца.
«Не плачь, несчастный! Ты пока не умер».
«Я не могу избавиться от думы,
Что мертвое уже ношу я имя,
Хоть, как живой, я говорю с живыми.
В конце исдели, по условию с нартом,
Домой вернуться должен я обратно.
Шесть братьев пали от меча Бора,
Седьмому, мне, как видно, пасть пора.
Я вымолил себе недельный срок,
И этим только сына уберег.
Теперь спешу — от вас не утаю —
Под меч подставить голову свою».
Маликов царь тогда ему изрек:
«Ты сделал мудро, взяв недельный срок.
Мы за неделю нартов уничтожим,
И станет жизнь тебе вдвойне дороже».
И поднял царь тревогу средь лесов,
Войска маликов собрались на зов.

И великаны-уаиги скоро
К последнему готовы были сбору.
Бой разгорелся раза в три сильней
Под звон мечей и ржание коней.
Дочь Даргавсара на скале стояла
И к девичьему полчищу взывала:
«Кто уклонится от святого боя,
Позором тот навек себя покроет.
Смотря, как нарты истекают кровью,
Ужели мы не поведем и бровью.
Скорей вперед! Здесь робким места нет,
От храбрых дев я жду один ответ».
И девы храбро ринулись навстречу,
Чтоб победить в ожесточенной сече.
Набросились они на великанов,
Пускают стрелы, рубят неустанно,
И по-мужски сражаются с врагами,
Храня в груди воинственное пламя.
А в час ночной, в молчании суровом,
Ударили по великанам снова.
Смущенные атакою неожиданной,
Не выдержали боя великаны.
И нарты говорили: «Ведь не даром
Считали храброй дочь мы Даргавсара».
Лишь солнце закатилось, стихнул бой.
И все заснули в тишине ночной.
А на рассвете, с утренней зарею
Сражение свирепей стало вдвое.
Рубились девы острыми мечами,
Ловили стрелы и пускали сами.
Дочь Даргавсара, не ища награды,
С Болатбарзая оказалась рядом.
Болатбарзай был очень удивлен,
Что юный воин в битве закален.
«Не новичок он в битвах, очевидно.

Хоть на губах усов еще не видно.
Ему приятны звон стальных мечей
И ржанье разъяренных лошадей».
Пока стоял он перед нею нем,
У девушки упал на землю шлем,
И золото волос, как бы в испуге,
Рассыпалось, сверкая, по кольчуге.
Она же, ничего не замечая,
Врагов своих насмешками встречая,
С плеч великанов головы срубала,
Разить врагов она не уставала.
Под шлем запрятав локон золотой,
В незатихавший устремилась бой.
Следит Болатбарзай преображенный
За девушкой, в бою разгоряченной.
Но глубоко таил он восхищенье
Ее отвагой и мужским терпением.
Стараясь, чтоб она не замечала,
За ней он мчался на коне усталом.
С закатом солнца бой утих опять.
Кто мог заснуть, тот лег скорее спать.
Не мог лишь сон сойти к Болатбарзаю.
Всю ночь сидел он у костра, вздыхая.
Как звездный дождь во мраке черной ночи,
Сверкают ослепительные очи,
Она стоит все время пред глазами.
Болатбарзай был только ею занят
И лишь немного задремал к рассвету.
Но конь к нему подкрался незаметно
И по земле постукивал копытом,
Лишь луч блеснул, зафыркал конь сердито.
Болатбарзая разбудило ржанье,
И вспомнил нарт, что он на поле брани.
Коня в реке он быстро искупал,
Сам искупавшись, лошадь оседлал.

Наутро битва разгорелась сразу.
Тут великан явился одноглазый.
Дочь Даргавсара, не жалея силы,
Стрелу из лука в глаз ему пустила.
И в цель стрела со свистом понеслась.
Пронзила глаз и в голову впилась.
И великан свалился, ослепленный.
Зато другой противник, разъяренный,
Мечом поранил девушку в лопатку.
Болатбарзай понес ее в палатку
И там, вдали от яростного боя,
Он девушку назвал своей женою.
Настал рассвет. Рассеялись туманы.
И в битву вновь вступили великаны.
Вечерние уже спустились тени,
Но продолжалось жаркое сражение.
Болатбарзай, разя врагов мечом,
Уже не думал больше ни о чём.
Семиголовые, как волчья стая,
Из недр земных как будто вырастая,
Его внезапно цепью окружили
И стрелы меткие в него пустили.
Но эти стрелы тотчас притуплялись,
Лишь до затылка нарта прикасались.
Беспомощность свою в душе кляня,
Они решили снять его с коня.
И конь убит был под Болатбарзаем,
Но нарт стоял, удары отражая.
Тогда сказал один из великанов:
«У цели мы, но радоваться рано.
Нарт от мечей навеки защищен,
Забыли мы, что Стальношейный он.
Ведь череп у него из чистой стали».
Они цепями недруга связали.
Хоть тяжело было одолеть его,

Но впереди их ждало торжество.
И, понукая яростно друг друга,
Они с трудом приподняли кольчугу.
И вот, устав сильнее, чем от схваток,
Ему копье всадили меж лопаток.
И под врагов ликующие крики
Убит был нарт — Болатбарзай великий.
Они пронзили труп его копьем,
И бездыханный он висел на нем.
Пусть слава многих навсегда забыта,
Но имя нарта стало знаменито,
Звучит оно от края и до края.
Да будет легок сон Болатбарзая!

ЕДИНОБОРСТВО

В доспехах воинских к исходу дня
Дочь Даргавсара села на коня.
Вот лес дремучий, вот изгиб реки,
И сердце девы сжалось от тоски.
Лежал герой на острие копья,
В глазах померкших муку затая.
Тут войско девичье она созвала,
Взволнованную речь ему сказала:
«Едва луч солнца глянет с небосклона,
Помчусь сражаться с дерзким авсароном.
Оставлен им на острие копья
Герой, с которым вместе билась я.
Убитого должна с копья я снять,
Чтоб тело павшего земле предать.
Как только меч я подыму булатный,
Пойдете вы на славный подвиг ратный».
Сама же кинулась к крутому склону
И крикнула отважно авсарону:
«Будь верен клятве и, судьбу кляня,
В бой выходи с конем иль без коня».
И великан, сев на коня, навстречу
К ней ринулся, готовый к страшной сече.
И глаз его единственный сверкал,
Как для боев отточенный кинжал.
А нижний зуб, с клыком кабаньим схожий,

Мог и неробких довести до дрожи.
Он на коне быстрее ветра мчался;
Скаун под ним дугою изгибался.
А младшие, что рядом находились,
За одноглазым в битву устремились.
Дочь Даргавсара грозно закричала:
«Послушайте, что я скажу, сначала.
Кто данной клятвой пренебречь решится,
Пусть в этой битве в камень обратится».
И великаны сразу отошли
И стали от сражавшихся вдали.
Дочь Даргавсара, чуя торжество,
На скакуна вскочила своего.
Сказала одноглазому сурово:
«Как ни хитрил, а встретились мы снова».
Их копыта ударялись о щиты
И, надломившись, падали в кусты.
Они взялись за острые мечи,
Сверкавшие, как лунные лучи.
Она в сражении врагов карала.
И каждый раз от меткого удара
Слетала с великана голова.
И, наконец, невдалеке от рва
Конем на великана налетев,
Храбрейшая из самых храбрых дев
Противнику вонзила в шею меч:
Седьмая голова слетела с плеч.
Враг рухнул наземь, как гора большая.
Земля растрескалась, изнемогая,
И туча вдруг рассеялась над ними.
Их солнце жгло лучами золотыми,
Оно как бы от радости сияло,
Свет золотой на землю проливало.
Средь великанов был один глухой,
И он не слышал клятвы боевой.

Как только пал на землю авсарон,
Дубиною ударил деву он
И выбил у нее одно ребро.
Накинулись другие на него,
На копья подняли они глухого
И, в речку выбросив, собрались снова,
Вымаливая у нее прощенье
За великанье клятвонарушение.
Сев на коней, с поникшей головой,
Они к себе отправились домой.
Грехом считалось нарушение клятвы,
Не нарушал ее и враг заклятый.
Она ж сняла с копья Болатбарзая,
Носилки приготовила, рыдая,
И косы золотые распустила,
И прядь волос безмолвно положила
За пазуху покойного. Но вот,
Обратно войско девичье идет.
И подняли они Болатбарзая,
Несли его, долг чести отдавая.
И свято чтя обычай погребальный,
В западз * внесли его в тот день прощальный.
Похоронили там его с любовью,
Напитки разместив у изголовья.
И в знак того, что нарт был с битвой дружен,
У ног сложили все его оружие.

БОЙ УАРХТАНАГА* С КАРОМ И КАРАФОМ

Пока на свадьбах нарты пировали,
Кар и Караф беседу завязали.
Из дымохода в этот миг неожиданно
К ним голова скатилась великана.
Кар застонал, заскрежетал зубами,
Караф повел разгневанно бровями
И вскрикнул, побледнев от изумленья:
«Хотел бы знать я, что за наважденье!
Тот, кто бросать мог вызов небесам,
По воле неба опрокинут сам».
Тогда Караф взволнованно спросил:
«Поведай правду, кто тебя сразил?»
И голова сказала, свет кляня:
«Сразил меня рожденный от огня.
Его душа была мне не подвластна».
Тут вопрошавшим сделалось все ясно.
Кар и Караф поднялись по оврагу,
Чтоб покарать прославленных отвагой.
Была в разливе Уартцаф-река
И синий лед швыряла в берега.
В испуге страшном черные донбетры
На дне укрылись от порыва ветра.
Кар шел вперед по взгорьям и долинам;
Где он ступал, там возникали льдины.
От моря Уартдзафа до равнины,

Что Уарыпп звалась с времен старинных,
Вспахал всю землю ледяной косой,
Как Смерти дух, неистовый и злой.
С ним шел Пилтхор *, от края и до края
Всю землю под посевом поедая.
Они добрались до селений мирных
Под звук мечей и песен заунывных.
Лед наглухо закрыл все дымоходы,
Неся несчастье нартскому народу.
И над землею, ставшею пустыней,
Караф рассеял искрометный иней.
Носился он над полем ледяным.
Народ метался, голодом томим.
И не один в тот горемычный год
Дыханьем Кара обращался в лед.
Оставленный без пищи и воды,
Народ давно не знал такой беды.
Зола же снова обратился в жар,
И прокатился по земле, как шар.
С Карафом злобным в ледяной пустыне
Вступил он в бой и уничтожил иней;
Вступил он в бой с противником могучим,
Как зверя, Кара в лес загнал дремучий,
Но одолеть не мог его никак.
Тогда пришел на помощь Уархаг *.
Сказал он так: «Не победишь ты Кара,
Пока его не опалишь ты жаром.
А чтобы все мы вспыхнули огнем,
Я с братом сяду на тебя верхом».
Послушался Зола совета друга
И запыхнул огнем палящим юга.
От жара южного растаял лед,
Тепло согрело зябнувший народ.
Но вот два нарта вскоре охладилась,
К Золе опять поспешно обратились.

Пока их вновь согрел огонь веселый,
Кар и Караф обледенили села,
Сковали землю ледяной корой,
В сравненье с первой — толщины двойной.
От синих льдов, от этой стужи страшной
Уже трещали каменные башни.
Тут снова Уархаг с Уархтанагом
Воспламенились силой и отвагой,
С пылающим Золой и с Пеплом белым
Расплавили покров обледенелый
И стали с Каром и Карафом биться,
Прогнали их за нартскую границу,
За перевал врагов прогнали нарты,
И лишь тогда пошли они обратно.
Сирот собрали, что в селе бродили,
Согрели их и сытно накормили,
И к вечеру, когда стал воздух мгlistым,
Спать уложили на траве душистой.
Свершив свой долг, отправились в покои,
Чтоб хоть на миг забыть о грозном бое.
Но Кар с Карафом под ночным покровом
Послали льды на землю нартов снова.
И возвышался над земной корою
Хрустальный лед огромною горою.
Вползали льды в далекие селенья,
Где отдыхали нарты от сраженья.
Нависла вновь над нартами беда.
Но Бардуаг разгневался тогда.
Огня владыка огненным дыханьем
Лед растопил, наполнив мир сияньем.
Зола же с Пеплом за лесным простором
До тла сожгли коварного Пилтхора,
Чтоб навсегда замолкнул он в бессилье
Пред радостью и нартским изобильем.
Кар и Караф пошли тогда на север,

Подсчитывая тяжкие потери.
За ними вслед шли нарты степью дикой;
Врагов прогнали до земли маликов.
Малики ж беглецов к себе впустили,
В знак дружбы их гостями объявили,
За них вступились, оказали помощь,
Радужно им открыли двери дома.
Зола и Пепел, гнев тая священный,
Сожгли всю землю недругов надменных,
С Карафом Кара дальше отогнали.
Но хмуриться на нартов боги стали,
Возненавидев смелых нартов слепо,
Золу внезапно умертвили с Пеплом.
И сделался Зола вдруг пылью черной,
А Пепел пыль тогда покрыл проворно.
Огня владыка был разгневан этим,
В ущельях гор он скрылся в темный вечер.
Был нартский род сражен бедой суровой,
Но жизнь свою он начал строить снова.
И травы вновь в полях зашелестели,
И снова ветви распростерли ели,
Лесных зверей опять собрались стаи,
И птицы звонко вновь защебетали.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ УАРХТАНАГА

Уархтанаг отправился в поход,
Он странствовать ушел на целый год.
Едва в лесную чащу въехал он,
Как был зверями плотно окружен.
Здесь были зубры, волки и медведи,
Блестели шкуры серебром и медью.
Его в пути они сопровождали,
Как будто нарта жизнь оберегали.
Но смелый нарт не обращал вниманья
На их неугомонное рычанье.
Вот звери на опушке леса стали,
Чтоб нарт отважный не проникнул дале.
Протяжно завывала волчья стая,
Как будто гибель нарту предвещая.
Медведи, зубры вторили послушно,
Но злобный вой нарт слушал равнодушно.
Он быстро ехал, не смотрел назад,
Спокоен был его веселый взгляд.
Вот за крутым оврагом Лабырджина
Увидел он чудесную ложбину.
А в той ложбине на дубах столетних
Шумели зеленеющие ветви,
Цветов лесных струился пряный запах,
Причудливые корни, словно лапы,
Из-под земли внезапно появлялись,

Переплетались и опять скрывались.
Вдруг на тропе он видит ткань шелков,
А у обочин — блеск цветных ковров.
И ржанье скакуна уж не звучало,
Позвякивать оружие перестало,
И стрелы будто замерли в колчане.
Кругом царило странное молчанье.
Уархтанаг задумался в тревоге:
«Вовек не видел я такой дороги».
Он осмотрелся, меч схватил проворно:
Средь диких скал зверь притаился черный.
Один в тиши зловещих черных гор
На нарта долго он смотрел в упор.
Уархтанаг, вмиг овладев собою,
Пронзил его отточенной стрелою.
И зверь упал средь черных скал огромных,
И сам похож он был на камень черный.
Сразив его, нарт на лихом коне
Помчался в горы в мертвой тишине.
И вот, когда вершины он достиг,
Сама земля пред ним разверзлась вмиг.
В глазах сверкнули пламенные искры,
В провал земли он опустился быстро.
Произошло все это как во сне,
Уархтанаг опомнился на дне.
И, осмотревшись, был ошеломлен,
Что оказался в преисподней он,
Без скакуна, без шлема, без доспехов.
Вдруг подскочили дьяволы со смехом,
Пыль поднялась от их копыт тяжелых,
Огонь недобрый был в глазах веселых.
Они тащили нарта за собой
Под стук копыт, под дикий рев и вой.
Уархтанаг и смерти не боялся,
Отседавших смело отбивался,

Вот восьмерых он придавил к земле,
Вот семерых мгновенно одолел.
Зато другие яростней и злее
Накинулись, сдавили нарту шею,
Уархтанага под себя подмяли
И, наконец, плененного, связали,
И, наслаждаясь дьявольской победой,
Заставили его воды отведать.
От одного волшебного глотка
Нарт превратился сразу в старика.
Они его вплотную окружили
И бороду седую тормошили.
И лестно было каждому стараться
По волоску выщипывать у старца,
Не для забавы и не для мученья,
Здесь цель была особого значенья:
Свить лестницу им из волос хотелось.
И вот они взялись за это дело.
А в это время в нартском селенье
Пир Уархаг устроил в день рожденья
Двух близнецов, двух сыновей чудесных.
Рекою лился ронг, звенели песни.
Пришел народ, прославленный отвагой,
И ожидали в гости Барталага.
Летел по небу он к отважным нартам,
Не пожалев для них даров богатых.
Величественным был он, как всегда,
От ветра развевалась борода.
Его в гостеприимный нартский двор
Крылатый конь примчал во весь опор.
Воскликнул он: «Эй, кто там? Поспешите!
Подарки драгоценные примите».
И вышел Уархаг к нему с семьей.
Оказан гостю был почет большой,
И в дом его с поклоном пригласили,

Где чаши с ронгом всем уж подносили.
Устроен был веселый пир горой,
И был он долог, этот пир ночной.
И лишь заря им подала свой знак,
Речь произнес великий Барталаг:
«Я знал, что в нартском ждут меня селе.
Едва я оказался на земле,
Мне преградили путь два человека:
«Будь славен ты от века и до века!
Вот нартский щит и нартская стрела,
Их доведи до нартского села,
По назначенью передай с почетом».
И скрылись оба вмиг за поворотом».
Воскликнул Уархаг: «Какое чудо!
Достали незнакомцы их откуда?
Клянусь детьми и нартскою отвагой,
Они принадлежат Уархтанагу».
Народ поднялся и пошел в смятеньи
Пропавшего искать без замедленья.
А Барталаг поклялся помогать им,
Как самым близким и любимым братьям.
Не пропускали кочки и оврага,
Но нет нигде следов Уархтанага.
Но Уархаг сказал невозмутимо:
«Я обойду все горы и равнины,
Не возвращусь без брата я обратно.
Иль вы меня не называйте нартом».
И Уархаг исчез в лесу дремучем,
Как исчезают в темном небе тучи.

АХСАР И АХСАРТАГ У ДАЛИМОНОВ

Два мальчика веселых дружно жили,
Среди полян в ущельях гор бродили.
Вступали в жизнь два неразлучных брата,
Два юных, сильных, одаренных нарта.
Ахсаром одного из братьев звали,
Другого Ахсартагом называли.
Вот как-то раз, шутя, без всякой цели
Они вдвоем спустились в подземелье,
И подошли к незапертым дверям,
И вдруг нашли оружие предков там.
Вмиг с ног до головы вооружились
И так к Арвырасугд * они явились.
Она спросила с изумленьем их:
«Куда вас тянет, солнышек родных?»
Они сказали: «Бабушка, не бойся,
Оружие взяв, затайем туже пояс
И полетим смотреть границы нарттов.
Их осмотрев, вернемся мы обратно».
Тогда она свое кольцо достала,
Заветное, которое скрывала,
И за неоспоримую отвагу
С улыбкою вручила Ахсартагу.
И внукам дав свое благословенье,
Простилась с ними с тайным сожаленьем.
А мальчики отважные пошли

К границам славной нартвской земли.
И, миновав ущелья, реки, взгорья,
К поляне Уарыппа вышли вскоре.
И, завершая трудный путь и длинный,
До скал добрались горного Талмджина,
И упражнялись там в стрелометанье
До вечера, вставая утром ранним.
И, наконец, собрать решили стрелы,
Чтоб вновь пускать их ловко и умело.
Раскидываясь, им ковер зеленый
Мгновенно путь указывал по склонам
Лесистых и непроходимых гор.
Все замечал их любопытный взор.
Семь дней ковер указывал им путь,
Где вправо взять, где влево повернуть.
И вот они, блуждая, в день седьмой
Остановились у горы крутой;
По счету то была гора седьмая.
Крутые тропы преодолевая,
Они проникли и к вершине горной,
Собрали стрелы там они проворно.
В обратный путь опять их влек простор
Вдруг видят братья: стелется ковер,
Ковер зеленый до большой пещеры
В расщелине горы неимоверной.
Ахсар тогда промолвил Ахсартагу:
«Коль не оставила тебя отвага,
Последуем безмолвному совету,
Исследуем вдвоем пещеру эту».
Отважный брат мгновенно согласился
И вместе с ним с горы крутой спустился.
Вошли они в огромную пещеру.
Горел в ней свет, как свет луны ущербной
И, посмотрев по сторонам тревожно,
Они открыли двери осторожно.

Остановясь, застыли в изумленье:
Сверкали драгоценные каменья,
Столы большие с яствами стояли,
А гости пир закончив, мирно спали.
Тут забавляться стал Ахсар стрельбой,
Пустил он стрелы в пламень голубой.
От свиста стрел проснулись далимоны,
На отроков взглянули удивленно.
Увидев двух непрошенных гостей,
Вскочили все под звон стальных мечей.
В долгу у них не оставались братья,
В руках они сжимали рукояти.
И далимоны, плача от испуга,
В кромешный ад бежали друг за другом.
В кромешный ад к себе они ушли,
Запрятанный в расщелине земли.
Потом крича: «Несем багор мы смерти!»
Явились вновь, вертлявые, как черти.
Убить хотели отроков багром,
Но одолели братья их вдвоем.
И снова убежали далимоны,
Преддверье ада оглашая стоном.
За ними, сохранив свою отвагу,
Бежал Ахсар с любимым Ахсартагом.
И братья в преисподней оказались,
Там с дряхлым стариком вдруг повстречались.
Сидел он молча, в думы погруженный,
Вокруг него сновали далимоны
И, подходя к нему по одному,
Расчесывали бороду ему.
А из седых волос, что выпадали,
Волосяную лестницу сплетали.
И с удивлением Ахсар сказал:
«Не верю я и собственным глазам.
Скажи, к чему вам лестница такая?»

Но далимон прошел, не отвечая.
Тогда его мечом ударил он,
И заскулил упавший далимон.
Своих собратьев в бездну он отправил,
И сам мгновенно превратился в камень.
Тут обратились к старику два брата:
«Скажи, кто ты и как сюда попал ты?»
Старик ответил, горечью объятый:
«Родился я свободным, гордым нартом,
Но далимонами я был пленен
И в преисподней ныне погребен.
Расчесывают бороду мне тут,
И выпавшие волосы берут,
Чтоб лестницу сплести из них большую.
И, глупые, они уже ликуют,
Что лестница их к небу вознесет,
Чтоб мед собрать им средь небесных сот».
Несчастливого схватили вмиг в объятья
Его рассказом тронутые братья.
Когда ж они с волнением узнали,
Что старика Уархтанагом звали,
Они его тотчас освободили
И бороду его седую сбрили.
Нарт Ахсартаг взволнован встречей был
И перстень свой любимый уронил,
А далимон, вблизи от братьев скрытый,
На этот перстень наступил копытом.
Вот по Царцу пошли они втроем,
Не говорили больше ни о чем.
Потом вошли в какой-то дом чудесный:
Одна стена — из чешуи прелестной,
Из марева воздушного — другая.
Тогда Ахсар, все зданье сотрясая,
Взмахнул мечом над дивной чешуей
И марево пронзил своей стрелой.

И вместе с братом, не жалея сил,
Дверь к золотому озеру открыл.
В том озере лежал на самом дне
Клад золота, сверкающий в огне.
И там же он увидел обнаженных,
Работой изнуренных заключенных,
Униженных увидел и бесправных,
Таскающих со дна большие камни.
Один огромной силой отличался,
Он средь других богатырем казался.
Плечистый, сильный, с грудью, как стальной,
И с черною огромной бородой.
То камни он таскает без конца,
Стирая пот с усталого лица,
То помогает тем, кто изнемог,
И ловко поспевает всюду в срок.
Ахсар спросил: «О братья дорогие,
Откуда вы пришли, кто вы такие?
Давно вы здесь томитесь, иль недавно?
Зачем сюда таскаете вы камни?»
Ответили несчастные в печали:
«Таких, как ты, давно мы не встречали.
Здесь все уже обречены судьбой
Всю жизнь в воде томиться ледяной.
За труд награды мы не можем ждать,
Но золото со дна должны достать.
Не спрашивай ты нас о нашей пище,
Псов жалких голоднее нас не сыщешь.
Коль кормят нас, то только шелухой,
На плитах спим, в пещере мы глухой».
Услышав этот странный разговор,
Силач на братьев посмотрел в упор
И, подойдя, спросил пришедших нартов:
«Скажите, что вам кажется занятным?
Коль здесь живете, то трудитесь сами,

Коль странники, то попрощайтесь с нами». Уархтанаг узнал его тотчас же, Не испытал он и сомненья даже: «А, это ты, наш Уархаг! — воскликнул, — И ты к воде холодной здесь привыкнул?» И Уархаг узнал Уархтанага. Вернулась к нартам прежняя отвага, И оба нарта к пленным обратились: «Народ! Освободители явились! Пусть золото останется на дне, А нам свобода светит в вышине, Как солнце ясное, и ждут нас степи. Разорваны отныне ваши цепи». Народ освобожденный ликовал, На дверь Царцу плечом своим нажал, И распахнулась дверь перед народом, И встретили все радостно свободу. Двух стариков народ понес с почетом, Их окружая лаской и заботой. На волю выйдя, упросили братьев С собою в край гостеприимный взять их. И нарты, чтя завет любви старинный, Им подарили Уарыпп-долину. И, никому огня не отделяя, Огонь им дали, братьями считая. Живут они в равнине среди гор, Ардхордами * зовутся с этих пор.

БИТВА ДАЛИМОНОВ

Пришли от побратимов Уархаг,
Уархтанаг, Ахсар и Ахсартаг.
Всему народу в нартских мирных селах
Устроили от сердца кувд * веселый,
Для молодежи — разные забавы,
И угостили всех гостей на славу.
А бывших пленных — милых побратимов —
Год чествовали, как друзей любимых,
Их угощали днями и ночами,
А через год с богатыми дарами
Препроводили до родной земли.
Ахсар и Ахсартаг в свой дом зашли,
У очага беседу начиная,
Присели, пир веселый вспоминая.
Арвырасугд, почтенная старуха,
Тогда спросила Ахсартага сухо:
«А где кольцо, что с ярким солнцем схоже,
Что всех сокровищ было мне дороже?»
Вопросом этим мальчик был смущен.
И, впрямь, кольца не обнаружил он.
Не в силах скрыть от брата изумленья,
Ахсара тихо он спросил в смущенье:
«Что сделалось с кольцом моим любимым?»
Тогда сказал один из побратимов,
Который не ушел к себе обратно,

А продолжал гостить у славных нартов:
«Я видел перстень с пламенем знакомым
В Царцу, где бесновались даймоны.
Они кружились близ него, смотрели,
Но близко подойти к нему не смели.
На месте том, под дымной пеленой,
Запрятан клад несметный золотой.
Кто помешает нам пойти в поход
И повести весь нартowski народ?»
Ахсар и Ахсартаг тотчас пошли
К пещере Сека на конец земли.
Едва они закончили поход,
Как даймоны им закрыли вход,
С горы высокой щебень к ним спустили
И óползнем дорогу преградили.
Тут нарты Ахсартага по горам
Послали за советом к старикам,
А сами начали готовить стрелы.
В дорогу Ахсартаг собрался смело.
Прибывши к старикам, спросил совета;
И старики не медлили с ответом:
«Иди вперед, дорога далека.
Достигнешь ты скалы у дубняка,
Потом пойдешь направо к трем осинам,
Войдя в ущелье узкое Урбына,
Могильник каменный увидишь там,
Как бы простертый к синим небесам.
Дорог Владыка там стоит на страже,
Вплотную подойдя к нему, ты скажешь:
«Будь счастлив в жизни, добрый Бардуаг *»,
Возрадуйся от бесконечных благ!
Хотим вернуть мы нартский клад исконный,
Запрятанный у хитрых даймонов.
Ты путь в Царцу нам укажи скорей».
Он путь откроет для своих друзей,

Даст в провожатые кого-нибудь».
И Ахсартаг тотчас собрался в путь.
Лишь только с дубняком он поравнялся,
До голышей ущелья он добрался,
Могильник каменный пред ним возник.
Там седовласый восседал старик,
Заплесневевший, с палкою дубовой,
Один под сводом неба голубого.
В другой руке держал он кошелек.
Нарт Бардуага не узнать не мог.
«Будь счастлив в жизни, добрый Бардуаг,
Возрадуйся от бесконечных благ!
Вернуть хотим мы нартский клад исконный,
Запрятанный у хитрых далимонов.
Ты путь в Царцу нам укажи скорей,
Будь светочем для нартовских друзей».
Последовал его ответ прямой:
«Идите под раздвоенной скалой.
Коль черный зверь начнет кидать камнями
И злобно фыркать, и сверкать глазами,
Не вздумайте, друзья, в него стрелять,
Оружье не пытайтесь применять.
Расщелину получше осмотрите
И выступ черный на скале найдите.
Там лестница, что смазана ламзой *,
По ней спуститесь — это путь прямой.
До золотого озера дойдете,
Там цепи вы железные найдете.
Закован камень в них один священный,
Им овладеть должны вы непременно».
Нарт Бардуага поблагодарил
И в дальний путь обратно поспешил.
Добравшись до пещеры Сека, он
Всем рассказал, чем был так удивлен.
К раздвоенной скале пошел народ,

Знал он о том, что впереди их ждет.
Зверь черный сверху сыплет камни яро
И фыркает,— ведь злится он не даром.
Народ его как будто и не видит,
Как будто он на зверя не в обиде.
Так до расщелины они дошли
И в темноте уступ скалы нашли,
По лестнице волосяной спустились
И там с врагами яростно сразились.
Ахсар и Ахсартаг сложили скоро
Из недругов, сраженных насмерть, горы.
К Царю проходы трупами забиты,
Но далимоны не были разбиты,
И яблоко, что мертвых воскрешало,
Средь трупов покатали. Страшно стало:
Все мертвецы воскресли и толпой
Вступили снова в рукопашный бой.
Но Ахсартагу брат успел сказать:
«Лишь бросят яблоко они опять,
Волшебный плод мечом переруби,
Их только этим можно погубить».
Лишь яблоко швырнули далимоны,
Как Ахсартаг схватил меч обнаженный
И плод рассек мгновенно пополам,
Ахсару отдал половину. Сам,
Другую взяв, за пазуху запрятал.
Тут далимоны от такой расплаты
Испуганной, растерянной толпой
Помчались к лестнице волосяной.
Но смелый Ахсартаг с упорством нарта
Своим мечом бегущих гнал обратно.
Ахсар промолвил брату по пути:
«Кого-нибудь из них ты пропусти,
А сам последуй за его спиною.
Мне ж предоставь потом все остальное».

Послушав брата, одного из них
Он пропустил вперед, а сам затих.
И далимон по скалам ловко влез,
На зверя сел и в тот же миг исчез.
Тогда засел в засаде Ахсартаг,
Стал ждать, когда вернется злобный враг.
И вот вернулся злобный далимон,
На звере черном быстро мчался он,
На звере мчался он издалека,
Волшебный плод держа в своих руках.
А яблоко янтарное блестит,
Его владелец радостно спешит
И ничего кругом не замечает.
Но Ахсартаг его с мечом встречает.
Увидел поздно враг, что он погублен,
Что пополам был спелый плод разрублен.
И в плен попал коварный далимон,
От Ахсартага не укрылся он.
Царь-далимону Ахсартаг сказал:
«Скажи, откуда яблоко ты взял,
Не то тебя я зарублю мечом».
И далимон взмолился горячо:
«О не губи меня! Теперь я пленный.
Садись-ка на мое седло». Мгновенно
Сел Ахсартаг, и черный зверь, как туча,
Помчался с ними по лесам дремучим.
Вот мчится к чаще под густой листвою
Дорогой непроезженной, глухою.
Деревья метит Ахсартаг мечом,
Мелькает ствол за меченым стволом.
Домчались так до местности прохладной,
Остановились у одной ограды.
У той ограды колья с черепами,
А там, внутри, меж пышными ветвями
Ствол дерева виднелся золотого,

Что делало из мертвого живого.
Взглянув на ствол, они забыли страх
И до скалы домчались Дывардах.
И Ахсартаг, увидя далимонов,
Им закричал, удачей восхищенный:
«То яблоко, что мертвых воскрешало,
Теперь моею собственностью стало».
С досады далимоны застонали,
По волоску в знак примиренья дали.
Тогда Ахсар и Ахсартаг с народом
В Царцу легко проникли и свободно,
Нашли кольцо, что было с солнцем схоже,
Что всех сокровищ было им дороже.
Нашли они и нартский клад исконный,
Что спрятан был у хитрых далимонов,
Освободили камень от цепей,
И он упал в сверкании лучей,
И в миг один — не сон ли им приснился? —
Он в сына Бардуага превратился,
В Гургока, несчастливого в пути,
Что вел людей к счастливому пути.
Поднявшись на вершину Дывардах,
Услышал черный зверь от Ахсартага:
«Ты долгий путь меня нес на спине,
В долгу нельзя же оставаться мне».
И яблоко ему он предложил.
Зверь съел его и поблагодарил.
Ахсар и Ахсартаг с Гургоком славным
Клад разделили на две части равных,
И часть одну народу дав, с другой
Отправились они к себе домой.
Устраивали кувды всю неделю,
И шашлыки из туш бараньих ели,
И пили ронг за наступивший мир,
Веселой песней оглашая пир.

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

То дерево у нартов каждый год
Один лишь раз в особый день цветет.
Плоды его от ночи до рассвета
Так быстро зреют, что не видят лета.
Три яблока растет на нем всего,
Три яблока, творящих волшебство.
Одно из них, как бы судьбу решая,
Прикосновеньем мертвых воскрешает.
Другое — это яблоко здоровья,
Его кладут больному в изголовье.
А третье — против голода и жажды.
В год яблоня цветет всего однажды.
Три яблока, что ночью созревали,
Вдруг на заре внезапно исчезали.
И, удивляясь этим похищеньям,
Два брата говорили с возмущеньем:
«Мы с далимоном злобным воевали
И золотое дерево отняли,
Домой вернулись с радостной победой,
Плодов же нам не довелось отведать.
Нам на ныхасе * скажут: «Вы — скупцы».
Узнав, в чем дело, изрекут: «Глупцы».
Нас осмеют, героев молодых:
«Ус из-под носа пропадет у них,
Рот не удержит сладкого куска».

Так будут говорить о нас, пока
Мы не изловим дерзостного вора
И тем не смоем нашего позора».
Когда настало время яблок зрелых,
Ахсар и Ахсартаг забрали стрелы,
И, притворившись, что они заснули,
Под деревом легли, чтоб караулить.
Коней своих пастись пустили рядом,
Устроив похитителям засаду.
В полночный час, когда не ожидали,
Два юных нарта чудо увидали:
Сияние трех звезд их ослепило.
Вот три звезды от Уартдзафа-моря
Летят, блестя, сверкая на просторе,
Разбрасывая солнечные искры,
К трем яблокам румяным, золотистым.
И видят братья — это им не снится,—
Что в сад спустились сказочные птицы,
Глаза их изумрудами блестели.
Сначала юноши оцепенели,
Но вскоре поняли, в чем было дело,
Отточенные выпустили стрелы.
Но тотчас же исчезли птицы в небе,
Оплакивая свой печальный жребий.
Когда же братья сад весь обошли,
То от крыла перо они нашли
И яблоко с румянцем золотистым,
Что уронили огненные птицы.
Кровавый след указывал дорогу,
Они пошли, объятые тревогой.
И этот след привел двух нартвов вскоре
К Восточному разгневанному морю,
И изумленный нартский взор обвел
Кипящий и бушующий котел.
Волна сменялась новою волною,

Огромною дивя величиною,
И пена белоснежная сверкала,
Окрашенная свежей струйкой алой.
Ахсар сказал: «Наш вор укрылся здесь,
Кровь хищной птицы подает нам весть.
Ты подожди, я ринусь в эту бездну,
Чтоб не гадать у моря бесполезно.
А через год на этом самом месте
Ты обо мне получишь тайно вести.
На пену взглянешь, что несет волна:
Коль будет пена, словно кровь, красна,
То, значит, мертв я; будет белой пена,
Считай меня живущим, несомненно.
Обета своего я не нарушу,
Коль буду жив, то возвращусь на сушу.
Коль будет в море бурное волнение,
То, значит, я в тяжелом положении».
Заткнул за пояс он подол кольчуги,
С утеса спрыгнул, думая о друге,
И опустился на морское дно.
Решенье было у него одно.
Нашел он дом, что был других светлей,
Остановился у его дверей,
И двери золотые сотрясая,
Он громогласно призывал хозяев:
«Хозяева, зову вас, дорогие!
Откройте ваши двери золотые».
Старуха тотчас перед ним предстала.
«О солнышко,— она ему сказала,—
Приюта не лишат тебя друзья.
Путь долгий, видно, утомил тебя.
Ты, солнышко, давно уже в дороге?
Входи скорей, не стой же на пороге».
У очага прищельца усадила,
И для него дубовый стол накрыла,

И угощений выставила много,
Вручила дружелюбно чашу с ронгом.
Сама же голову вдруг опустила
И свой очаг слезами оросила.
Ахсар спросил, волнуясь и скорбя:
«Скажи мне, кто обидеть мог тебя?»
«Как мне не плакать, коль мой дом затих,
Коль нет со мною сыновей моих?
Их прежде было семеро со мной,
Теперь одна я год уже седьмой.
Ушли они в поход и вот с тех пор
Не возвращались на морской простор.
Коль были б сыновья мои со мной,
Ты стал бы побратимом их, родной».
Но в этот миг из горницы второй
К ним долетел нежданно стон глухой.
Взволнованный Ахсар спросил невольно:
«Чей это стон и кто здесь тяжело болен?»
Еще сильней заплакала старуха,
Слова несчастной прозвучали глухо:
«Услышал стон ты дочери моей.
Там, далеко, за тридевять земель
Есть дерево с плодами золотыми,
Носящее неведомое имя.
Раз в год оно цветами зацветает,
И в ночь одну плоды те созревают.
Уж третий год пошел, как эту тайну
Узнали дочери мои случайно.
Семь дней тому назад плоды созрели,
И дочери за ними полетели,
Но возвратились не без злоключенья.
Чтоб кровью захлебнулись в том селенье
Бораевы! Один из них поранил
Дочь младшую. Пойми мои страданья.
Лежит она в той горнице второй,

Ее, быть может, не найдешь живой».
Сказал Ахсар: «О мать, твой образ светел!
Ужель от раны средства нет на свете?»
«Конечно, есть, о свет моих очей!
Но кто доставит это средство ей?
Узнай же, гость, что в тот злосчастный вечер
Одна стрела ей разорвала печень,
Стрела другая ранила крыло.
Но если б чудо вдруг произошло
И ей перо вернули б от крыла,
Она бы силы новые нашла.
А кто б из печени достал стрелу,
Тот жизнь и радость ей легко вернул».
«Кто спас бы дочь твою волшебной силой,
То спасшего ты чем бы наградила?»
«Его своим бы сыном нарекла,
И в жены дочь ему бы отдала».
Ахсар с улыбкою ответил ей:
«Веди же к дочери меня скорей».
Он вытащил стрелу, вздохнул легко
И из-за пазухи достал перо.
По ране он провел сперва пером,
И приложил к ней яблоко потом,
По телу плод волшебный прокатил,
Больную этим сразу излечил.
И девушка с постели поднялась,
Болезнь ее покинула тотчас.
Мать поступила так, как обещала,
И свадьбою их радость увенчала.
И зажили они на дне морском,
Не вспоминая больше ни о ком.
Когда же срок годичный наступил,
То об отъезде нарт заговорил.
Они простились с глубиной морской,
Отправились в Ахсара дом родной.

Когда они на сушу вышли вместе,
Им Ахсартаг не подал даже вести:
В тот час охотой добывал он пищу.
Пустой шалаш для нарта стал жилищем;
Туда Ахсар и ввел свою жену,
И там ее оставил он одну,
Сказав ей так: «Пойду за дичью в бор я,
Ты жди меня. Вернусь домой я скоро».
Отправился он на охоту в лес,
И скоро в чаще девственной исчез.
Пока по чаще он бродил лесной,
Вернулся Ахсартаг к себе домой,
Остановился он у шалаша
И просветлела тут его душа.
Сказал: «Исполнились мои желанья.
Бог дивное мне подарил создание».
Два юных нарта были близнецами,
Не уменьшалось сходство их с годами,
Совсем как два ствола в сосновой роще,
Лишь мать могла их различить наощупь.
Принявши Ахсартага за Ахсара,
Жена Ахсара вся затрепетала.
Они постлали, в этот час ночной,
Себе подстилку из травы сухой.
Когда ж восход, как утренний пожар,
Мир осветил, явился и Ахсар.
Пришел он, огнеокий, молодой,
И много дичи он принес с собой.
Деревьями, что вырвал нарт с корнями,
Запасся он, чтоб развести здесь пламя.
Но от предчувствий горьких сердце сжалось,
Всем телом овладела вдруг усталость,
И в горести Ахсар замедлил шаг.
Остановился он у шалаша:
«Эй, кто там есть? Пошевели рукой,

Тяжелый груз мне скинь-ка с плеч долой».
Навстречу вышел брат его родной
С опущенной печально головой.
Брат понял взгляд разгневанного брата,
В шалаш пошел он за кольчугой ратной,
К плечу наплечник молча прицепил,
Час испытанья вскоре наступил.
Два близнеца сражались, как чужие,
Как будто вместе никогда не жили.
Они сражались яростно друг с другом.
Мечи скользили по стальным кольчугам.
Вот, истекая почерневшей кровью,
Пылая к деде пламенной любовью,
Они упали на сырую землю,
В последний раз биенью сердца внемля.
На юношей глядела дочь Донбетра
И волосы свои под стоны ветра
В тоске неумолимой вырывала
И юных нартов ими покрывала,
О камни с горя билась головою,
Оплакивая умерших героев.
Уастырджи, летевший в вышине,
Спустился вниз на вспененном коне,
И, заглушая ржание коня,
Он закричал: «Блаженство ждет меня!
Небесный дар упал передо мной».
Пред женщиной предстал он молодой.
Как вкопанный, скакун остановился.
Уастырджи к ней нежно обратился:
«Что приключилось, девушка, с тобой?
Скажи, зачем ты слезы льешь рекой?»
Ответила она через плечо:
«Заспорили два брата горячо
Из-за меня, и в этот страшный час
Они легли безвременно в западз.

А я слаба, чтоб их похоронить,
Но так оставить,— значит, низкой быть:
Чтоб ворон злой им выклевал бы очи,
Чтоб их тела грыз волк голодный ночью.
Тебя бы наградил великий бог,
Коль их похоронить ты мне помог.
Я женщина и сделать то не в силах,
Ты ж опусти их в черную могилу».
«Согласен я, но только с уговором:
Коль с почестью похороню их скоро,
Смогу ль я быть возлюбленным твоим?
Согласна ты с условием таким?»
И девушка согласие дала,
Слов не нарушив, косы заплела.
Уастырджи, забыв про все на свете,
Ударил по земле волшебной плетью,
И появился перед ними сразу
Из-под самой земли чертог западза.
И юкошей с остекленевшим взором
Похоронил он в том западзе скоро,
А сам на серого коня вскочил
И, с поводом в руках, проговорил:
«Садись, наш конь готов к дороге дальней».
Она, заплакав, молвила печально:
«Готова я, о всадник благородный,
Все выполнить, все, что тебе угодно,
Но выпачкана черной кровью я,
Мне стыдно сесть на чистого коня.
Ужель не будешь на меня в обиде,
Коль я с тобой в таком поеду виде?
Ведь мы с тобой так близко от воды,
Что не случится никакой беды,
Коль дашь умыться мне морской водой.
Умоюсь я и полечу с тобой».
Но лишь волны коснулась, как забыла

Про клятву данную и в море скрылась.
Уастырджи на скакуне взлетел
Над синим морем. В злобе прогремел:
«Теперь тебя похитила вода,
Но знай и помни, что не навсегда».
А море засмеялось и запело,
Покрылось все жемчужно-белой пеной,
Но вскоре снова тишина настала,
Как зеркало, морская гладь сверкала.

УРЫЗМАГ И ХАМЫЦ У ДОНБЕТРОВ

Донбетра дочь исчезла под водой.
Когда ж она пришла к себе домой,
То матери, что ожидала в море,
Поведала о безысходном горе.
Вот у нее однажды поутру
Под сердцем что-то шевельнулось вдруг.
И затаила девушка дыханье,
В себе услыша жизни трепетанье.
И вот она, когда пора пришла,
Двух мальчиков здоровых родила,
Двух близнецов чудесных, светлолицых.
И назван был один из них Хамыцем,
Второй близнец был назван Урызмагом.
Тот и другой прославились отвагой.
Росли два брата. Проходили дни.
Резвились в глубине морской они,
Показывались также и на суше,
И все вокруг им веселило душу.
Раз Кафтысар за играми застал
Двух мальчиков и ласково сказал:
«Коль будете с врагом сражаться смело,
В подарок лук получите и стрелы».
Юнцы двух рыб огромных изловили,
На них, смеясь, как на коней, вскочили,
Пустились вплавь, друг друга обгоняя

И беззаботно с волнами играя.
На рыбах, как на скакунах верхом,
Они играли, сидя нагишом,
Веселые и равные по силе,
Они, резвясь, неустомимо плыли.
Следил за ними Кафтысар могучий,
Не мог понять, кто из пловцов был лучший.
Они ж, оставив рыб в открытом море,
На берегу расположились вскоре.
И Кафтысар взял мальчиков с собой,
В Батауар повел к себе домой.
Он так сказал: «Даю награду смелым —
Обещанные луки мной и стрелы.
Ведь праздник кутуганан * завтра будет,
Не уходите далеко отсюда».
И мальчики, играя, взяли в руки
Подаренные Кафтысаром луки.
Но эти луки поломались вскоре,
И тетива их лопнула на горе.
Тогда они сказали, не робея:
«Дай, Кафтысар, нам новые скорее.
С такими луками нельзя играть,
Тебе придется нам другие дать».
Он их снабдил оружием своим,
Но и оно не пригодилось им,
Сломалось вскоре в их руках опять.
Пришлось ему им новое отдать;
При этом он промолвил: «Забирайте,
Но, мальчики, сельчан не обижайте,
И не натягивайте, дети, вы
Без надобности вашей тетивы».
Вот кутуганан наступил веселый,
Принарядились праздничные села.
В Батауаре мальчики играли
И очень ловко стрелы в цель пускали.

Но тесно было в местности Урбын,
На сушу дети вышли из волны
И стали там резвиться и играть,
И забавляться стрелами опять.
От острых стрел в глазах у них рябило,
Морские рыбы прятались в глубинах,
Страх сковывал в полете всех пернатых.
В то время воду в деревянных кадках
Несли две девушки из рода вещих.
Запрятавшись в одну из узких трещин
Скалы высокой, мальчики умело
Для смеха в кадки их пустили стрелы.
Из кадок быстро вытекла вода.
Вернулись девушки, крича: «Беда!»
И плакали они от огорченья.
Мать их спросила в горестном волненье:
«Что с вами, дети? Вы ведь не грудные,
А не сумели принести воды мне».
Они ответили ей, громко плача:
«Пусть в жизни ждут одни лишь неудачи
Бораевых Хамыца с Урызмагом.
Ужели только в том вся их отвага,
Чтоб кадки злобно стрелами дырявить
И дев несчастных без воды оставить?
Нельзя теперь ходить и за водой,
Нам стрелы нартские грозят бедой».
Сказала мать: «Идите, не ленитесь.
Коль нет воды, водою запаситесь.
Вы — дочери мои, родные сестры,
А у меня язык с рожденья острый.
Коль наглецам ответите с уменьем,
То будет вам мое благословенье.
Хочу, чтоб вы им отвечали смело.
А коль смолчите — плохо ваше дело!
Девуцы с затаенною тоской

Отправились за ключевой водой.
Но те, кто были на забавы падки,
Лук натянув, вновь прострелили кадки.
И девушки в испуге и печали
Двух мальчиков за дерзость укоряли:
«Что вы сильны, мы сами испытали,
Про подвиги же ваши не слыхали.
Коль вы храбры, что ж прячетесь во мгле
И не живете в собственном селе?
Оставили вы дом свой опустелый.
Ваш старший в роде тоже, звать, не смелый.
Как черный ворон,— вот удел жестокий!—
Живет он без присмотра одинокий.
Покинут всеми, жалкий и больной,
На пне сидит он, словно гриб гнилой».
Окаменели мальчики. Домой
Пришли они с тревожною душой.
Спросили мать: «Откуда мы, открой?
Зачем живем с тобою под водой?»
Сказала мать: «Из нартовской страны,
Из-за меня вы — пленники волны».
«Чтоб все узнать, изведать до конца,
Пойдем-ка мы на родину отца».
На плечи крепко луки привязали,
Увесистые палки в руки взяли
И без раздумья тотчас же пошли
К границам древней нартовской земли.
Вошли в село и подошли к ныхасу.
«Да будет мир! — сказали громогласно.—
Пусть вам успех сопутствует во всем!
Нельзя ль узнать, где здесь бораев дом?
Пришли мы к вам. Мы — гости Уархага».
Народ тепло ответил: «Это — благо.
Добро пожаловать на наш привал,
Бораев дом изрядно обнищал.

Не лучше ль у кого-нибудь из нас
Остановиться вам на этот раз?»
Но мальчики почтительно просили,
Чтоб в дом Бораевых их отпустили.
И к Уархагу их свели тропой.
Пришли два мальчика к себе домой.
Их стыд снедал, что все им незнакомо,
Что до сих пор они не жили дома.
Они тотчас же принялись за дело,
И горница внезапно посветлела.
Убрали сад, и стал он в день тот ясный
Семижды семь раз лучше и прекрасней.
И Уархагу тут они открылись:
«Ты — дедушка наш. Мы к тебе явились.
Мы сыновья Ахсара твоего,
Тебя мы не оставим одного.
Жить одиноким нарту не пристало,
Без женщины пустынен дом и жалок».
И, снова побывав на дне морском,
Родную мать ввели в бораев дом.
Бораев дом неузнаваем стал,
И в очаге огонь вновь запылал,
И слух кругом распространился снова
О радостях бораевского крова.

РОЖДЕНИЕ САТАНЫ

В предсмертный час, волненья не скрывая,
Сказал Хамыцу Уархаг Бораев:
«О солнышко, сядь около меня,
Не доживу я до исхода дня.
Вода, огонь — вот сила жизни нашей.
Храни ж закон наш — вечной правды чашу —
Мечом и словом. Это не забудь.
Трудись на суше, с морем дружен будь».
Сказавши так, он мирно опочил.
Народ его любя похоронил.
Мать славных братьев заболела вскоре,
Двум сыновьям сказала в страшном горе:
«У грозного Уастырджи в долгу я
С тех пор, как долю выбрала другую.
Он отомстить захочет мне за гробом.
Три ночи вы на страже будьте оба.
Я вам кольцо оставляю золотое;
Кольцо Арвырасугд ведь не простое,
Оно своим сияньем освещает
Ту лестницу, что небо подпирает.
Так не забудьте ж мой прощальный глас,
Чтоб мой позор не обесславил вас».
Взглянув на сыновей своих любимых,
Мать очи навсегда свои смежила.
Едва от звезд полился свет жемчужный,
Нарт Урызмаг взял лучшее оружие
И у западза стал на карауле.
Был час ночной, и все кругом заснули.
Как верный страж стоял он у западза

И ни на шаг не отошел ни разу.
На третий день, когда он изнемог,
Пришел Хамыц неожиданно на порог
И брату молвил, не моргнувши глазом:
«Я жизнью также матери обязан.
Как сын ты честно выполнил свой долг,
Дай, чтоб и я его исполнить мог».
Он Урызмага на посту сменил,
Западз не хуже брата сторожил.
Как будто сам был высечен из камня,
Стоял во всем он Урызмагу равный.
Уастырджи слетел с небес неожиданно,
Явившись вдруг, как солнце из тумана.
На гриве лошади держа фандыр,
Он песни пел, чтоб пенье слушал мир.
Он пролетел над нартскою землей,
Всех увлекал волшебною игрой.
Без ронга весь народ развеселился
И в быстром танце мигом закружился.
И шум от танцев разносился громом,
Как будто пир справляли в каждом доме.
Когда же утром небо посветлело,
Хамыца любопытство одолело.
Он от западза отошел спокойно:
«Уж ночь прошла кто подойдет к покойной?
Пойду-ка лучше обойду селенье,
Симд протанцую, наслаждаясь пеньем».
Пока Хамыц в толпе плясал и пел,
Уастырджи к западзу подлетел,
Труп женский плетью войлочной ударил
И мертвую опять дышать заставил,
Старуху в девушку он обратил.
«Теперь ты чья?» — насмешливо спросил.
«Раз обманув, — гремел Уастырджи, —
Куда сейчас ты скроешься, скажи?»

Прислушайся, как веселятся нарты,
В честь нашей свадьбы радостью объять,
И не для нас ли симд они танцуют?»
И он приник к ней, горячо целуя...
Когда он из западза улетал,
То на прощанье женщине сказал:
«Ты близко к сердцу все не принимай,
А от меня, красавица, узнай,
Что оставляю для моей любимой
Пса с жеребенком я взамен калыма,
Чтоб охраняли твой западз священный
И никого не подпускали к стенам».
Вновь плетью он ударил, крикнул зычно
И возвратил ей прежнее обличье.
И вмиг умчался на авсурге * он,
Как вихрь степной, под самый небосклон.
Западз тот жеребенок охранял
И никого к нему не подпускал.
Девятый месяц уж пошел с тех пор,
Как был поставлен он нести дозор.
Копытами бьет жеребенок землю,
Как будто чьим-то приказаньям внемля.
А в это время проезжал Сырдон,
И из западза вдруг услышал он
Ворчайье пса и ржанье жеребенка.
Потом раздался тихий плач ребенка.
Был любопытством путник распален.
Хотя к западзу и подъехал он,
Но внутрь ему проникнуть не давали
Те, кто западза тайну охраняли.
Уастырджи, с небес заметив нарта,
Спустился мигом на коне крылатом.
Скакун Сырдона, чуя нападение,
Помчался вихрем в нартское селенье.
Горячий конь Уастырджи, как птица,

Несется вдаль и на врага косится;
И, наконец, догнав, избил копытом
Того, кто был не в меру любопытным.
Едва добрался до дому Сырдон,
Как на ныхасе все поведал он:
«Погиб навек бораевский очаг.
Не божьей ли немилости то знак?
Западз их жалкий обращен в конюшню.
Там — жеребенок, пес, там — воздух душный.
Вдобавок ко всему в западзе громко
Кричит весь день неведомый ребенок».
Заволновался нартowski народ,
В смущении к западзу он идет.
Оттуда слышно ржанье жеребца.
С какого подойти к нему конца?
Он никого к себе не подпускал,
Но Урызмага издали узнал
И, громко фыркнув, вдруг исчез куда-то.
Открыт был путь для Урызмага-нарта.
Все понял сразу Урызмаг смущенный,
Войдя в западз, позором оскверненный.
Оттуда вскоре вынес он ребенка,
В смущенье вывел пса и жеребенка.
Он к нартам вышел с головой склоненной,
Своей поклажей странной нагруженный.
И девочки златоволосой лик
Пред нартами застывшими возник.
Они подумали, поразмышляли
И девочку Сатаню называли.
Ее на свете не было чудесней,
О ней повсюду распевали песни.
И вот она у нартского народа
Прослыла самой мудрой, благородной.

ПОХОД УРЫЗМАГА И ХАМЫЦА

За Уарыппом, за хребтом высоким,
На берегу реки Уайс широкой
Жил, всем довольный, в крепости суровой
Алдар * Уасби с девой чернобровой.
Красой небесной дочь его сияла,
Такой красы на свете не бывало.
Немало к деве приходило сватов,
Но без успеха шли они обратно.
И вот однажды Урызмаг с Хамыцом
Подумали: «На ней бы нам жениться».
«Я старший,— гордо молвил Урызмаг.—
О сватовстве подам я первый знак».
«Нет, старший я. Как водится на свете,
Явлюсь я первым»,— так Хамыц ответил.
Они коней проворно оседлали,
С собою пищу и рифтаги * взяли.
Хамыц услышал голос Урызмага:
«А ну-ка, брат мой, поддержи рифтаги,
Пока подпругу подтяну потуже».
Ему свои рифтаги отдал тут же.
Хамыц той хитрости не распознал,
И сам к седлу рифтаги привязал.
Тогда Хамыцу молвил Урызмаг:
«Пойдем к Сатане, вот кто даст нам знак,
Кого же старшим следует считать.
Для сватовства нам это нужно знать».
На их вопрос ответила Сатана:

«Слова такие слышать даже странно.
 Не вижу смысла я в вопросе вашем.
 Таков адат: рифтаги носит младший».
 Веснушчатый Хамыц ругнул сестрицу,
 Сравнив ее с негодною ослицей.
 Рифтаги злобно сбросил он с коня,
 Свою сестру отчаянно браня.
 А Урызмаг рифтаги завернул
 Скорее в бурку, привязал к седлу,
 И в дальний путь они вдвоем помчались.
 Поля, луга пред ними расстилались.
 Приехали и, соскочив с коней,
 Остановились у больших дверей.
 И про себя промолвил Урызмаг:
 «Теперь перехитрю Хамыца так:
 Я с правой стороны скорее встану —
 И пред алдаром старшим я предстану».
 Стал с правой стороны он незаметно,
 В дверь постучал, спокойно ждет ответа.
 Раздался крик в алдаровых хоромах,
 Напоминал тот крик раскаты грома.
 Алдар Уасби им раскрыл ворота
 И встретил их как путников с почетом:
 «Прошу войти вас в дом мой именитый».
 Тогда Хамыц ему сказал открыто:
 «Мы — близнецы, реши-ка споры наши,
 Кого из нас сочтешь ты все же старшим?»
 Алдар ответил: «Как смешны вы, право,
 Ведь только старший может ехать справа.
 Ты, солнышко, как раз и будешь младшим».
 Хамыца голос сделался грозным:
 «Пусть будешь ты раздавлен этой башней,
 Погибнешь смертью горестной и страшной».
 Сказавши так, хлестнул коня лихого,
 Домой помчался, грозный и суровый.

А Урызмаг с волнением большим
Вошел к алдару гостем дорогим.
Когда алдар у входа в дом нагнулся,
Вдруг свод высокой башни покачнулся.
Вмиг оттащил алдара Урызмаг.
Алдар сказал: «Я не пойму никак,
Что приключилось, добрый гость, с тобой,
Что не пускаешь ты меня домой?»
«Должна была та башня развалиться
От грозного проклятия Хамыца».
Алдар взглянул на эту башню, ввысь,
Где трещины косые расползлись.
В его глазах от страха потемнело.
Но Урызмаг сумел ответить смело:
«Когда со мной готов ты породниться,
Я обезврежу заговор Хамыца».
Свое согласие дал ему алдар,
Просил он гостя применить свой дар.
И Урызмаг, веселый и бесстрашный,
Без размышленья входит в эту башню.
Там в самом центре палку он воткнул,
Водой целебной облил и вздохнул.
И палка корни и ростки пустила
И башню снова прочно укрепила.
Тогда алдар его в покои ввел,
Велел домашним приготовить стол.
На вертелах шипели шашлыки,
Напитки были сладки и крепки.
И вестники народ оповещали:
«Готовьтесь к свадьбе, позабыв печали».
И все пришли на этот пышный кувд.
Танцуют гости, весело поют.
Едва заздравную подняли чашу,
Как наклонилась вековая башня.
В испуге гости бросились бежать,

Но Урызмаг им поспешил сказать:
«Не омрачайте вы веселье наше».
И вот опять подняли гости чаши,
И выпрямилась эта башня снова,
Опять была крепка ее основа.
И не было теперь в округе всей
Величественней башни и прочней.
Простился нарт с алдаровой семьей
И в тот же день увез жену домой.
Узнав об этом, мудрая Сатана
На месть решила для себя неожиданно
И, в зеркало свое взглянув сердито,
Заколдовала волны Уарыппа.
Вот подъезжает Урызмаг, сияя,
К реке великой, деву обнимая.
Но лишь реки достигли середины,
Забушевали вдруг ее глубины,
Нахлынула вода ожесточенно
И залила волнами двух влюбленных,
О камни ударяя их тела,
Под шум немолчный к морю их влекла.
Сопrotивляясь яростному ветру,
В то время в море плавали донбeтpы
И выловили Урызмага вскоре,
Красавицу ж не разыскали в море.
Они на берег взяли Урызмага,
Лечили раны за его отвагу.
Тем временем труп девушки нашли,
На берег моря скорбно принесли,
На берегу западз соорудили
И девушку с почетом схоронили.
А Урызмаг зарок дал с этих пор:
От всех невест он отвращал свой взор
И отдавал все силы жизни ратной,
Охоте долгой и защите нартoв.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХАМЫЦА К БЕЛОМУ МОРЮ

Хамыц однажды утром дом оставил
И к морю Белому свой путь направил.
Там тетка с материнской стороны
Ждала его на дне морской страны.
Но при свиданье был он озадачен
Ее стенаньем, неутешным плачем.
Встревожен был Хамыц ее тоскою
И ласково спросил: «О, что с тобою?
О чем тоскуешь? Почему рыдаешь?
Зачем напрасно слезы проливаешь?»
«О солнышко, ну как же не рыдать мне,
Когда не вижу я любимых братьев,
Не слышу больше песен их приятных,
Не вижу игр, веселых и занятных.
Семь братьев матери твоей родимой
Похищены рукой неумолимой.
Пошли в поход, с опасностью братались
И вот с тех пор домой не возвращались».
Веснушчатый Хамыц — мрачнее тучи,
Он весь дрожит от ненависти жгучей.
В морскую бездну он спустился вмиг
И Уарыппа грозного достиг.
Там рыбу встретил он среди глубин,
Она остановилась перед ним:
«Ты не достоин нартом слыть суровым,

Коль не оценишь праведного слова.
Ты сделал бы хорошее деянье,
Коль выполнил бы предков заветное.
Есть три завета. Первый — сердце тронет:
Кто гонится за счастьем, не догонит.
Оставь его в покое, и тогда
Оно помчится по твоим следам.
Завет второй: что у соседа злого
Всегда найдется ласковое слово,
Он встретит вас с улыбкою приятной,
За пазухой же острый нож припрятан.
Завет их третий, помни же, таков:
Что младший в роде платит долг отцов.
Семь братьев матери твоей любимой —
В ущелье Цыза в крепости старинной.
Ты должен выполнить завет священный,
Освободить из заточенья пленных».
«Путь укажу я, — продолжала рыба —
Минуешь ты ворота Уарыппа,
За месяц обойдешь морской простор,
Достигнешь, наконец, стеклянных гор.
Лягушку-рыбу ты увидишь тут же.
Она давно привратником там служит.
Тебе дракон покажется игрушкой
Пред этою чудовищной лягушкой.
Понадобится мужество большое,
Чтоб в тот же миг не убежать от боя.
Три волоса ее — на подбородке,
Они и будут для тебя находкой.
Запомни: ты ее не одолеешь,
Коль эти волосы мечом не сбреешь».
И, затаив в душе своей тревогу,
Хамыц опять отправился в дорогу.
Широкой грудью море рассекая,
Плывет вперед, средь синих волн мелькая.

Вдруг перед ним две рыбы появились,
Они на солнце весело резвились.
Он их поймал и ветерка быстрей
Вскочил на них, как на своих коней.
Две рыбы быстро ринулись вперед,
Вдаль, к Уарыппу среди синих вод.
Путь месячный без видимых усилий
Две рыбы в срок двухдневный совершили.
Лишь солнце закатилось на просторе,
Две рыбы вмиг достигли края моря.
У Цыза Черного, в тиши немой,
Остановились под большой скалой.
Хамыц вступил на сушу одиноко,
И опустился молча на песок он.
Там он вздремнул и отогнал усталость.
Рассвет настал, вновь солнце показалось.
И вот Хамыц с отвагою во взоре
Ушел на дно взволнованного моря.
В ущелье Цыза сделал он привал
И там на страже незаметно стал.
Внезапно из расщелины скалы
Привратник вышел из крошечной мглы.
Но что за удивительный был рост:
Грудь — над землей, а в синем море — хвост.
Под языком — ущелья, в них — жара,
А каждый зуб, как снежная гора.
Чудовище к Хамыцу подступает,
Клыками угрожающе сверкает.
Хамыц идет к нему навстречу смело,
В руке он держит острый меч умело,
К чудовищу идет с мечом старинным,
Чтоб сбрить его волшебную щетину.
И друг на друга с гневной жадой мщенья
Кидаются они в ожесточенье.
Победы каждый в ярости желал,

Никто из них в борьбе не уступал.
Весь мир от их ударов содрогался,
И в преисподне шум тот отзывался.
Запрытались на дно морское рыбы,
В лесах в тот день и зверя не нашли бы.
Хамыц, ловчась, мечом своим старинным
Пытался сбрызнуть волшебную щетину.
Но лишь слегка щетины он коснулся,
Коварный враг неожиданно повернулся,
Подмял мгновенно под себя Хамыца.
В бою неравном нарт стал огнелицым
И обратился в уголь раскаленный.
Пылая жаром, битвой разъяренный,
Врага ударил, но не сокрушил,
И чтоб в воде набраться новых сил,
В морские волны опустил быстро.
В морской воде огня погасли искры.
Стальное тело закалив водой,
Он ринулся опять в неравный бой.
И схваткой с великаном увлеченный,
Два волоса щетины сбрызнул мечом он.
Одним движеньем навсегда лишил он
Чудовища его волшебной силы.
Стал вход в расщелину теперь открытым.
Хамыц вошел в тот угол позабытый,
Там он увидел: люди, словно тени,
Работали в тупом оцепененье.
Дробили камни, опустивши взор,
Готовили строителям раствор.
И все они, испытывая муки,
С трудом огромным подымали руки.
Здесь старики томились, молодые,
Здоровые, больные, чуть живые.
Откуда кто? Все это неизвестно,
Но только трудятся они совместно.

Хамыц сказал: «О добрые создания,
Здесь жить нельзя по своему желанью
И гнет терпеть нельзя по доброй воле,
Без прав, без радости, в тяжелой доле.
Оторванные от земли родной,
Подумайте и встаньте предо мной».
И вот, шатаясь, вышли из рядов,
Едва дыша, семь дряхлых стариков
И пред Хамыцем неподвижно стали.
«Мы — заключенные, — они сказали. —
Здесь все, помимо своего желанья,
Все терпят от чудовища страданья.
Но ты с какой спустился высоты?
Зачем пришел себе на гибель ты?
Коль заключен ты, стань среди людей,
Коль чужестранец, то беги скорей».
«Нет, я не странник и не заключенный,
Я к вам пришел, свободой озаренный.
Лишился сил поработитель жадный,
И пробил час для пленников отрадный.
Я — ваш племянник. Час настал отмщенья,
Вас вызволить пришел из заточенья».
Лишь кончил речь он, просветлели лица,
Узнали старцы храброго Хамыца
И бросились, смеясь, к нему в объятья,
Спасителя облобызали братья.
Сказали так: «Пред чудищем алдары
Мечи свои сложили ведь недаром.
Могуществом своим затмил он всех
И угнетает бедных без помех.
Сильней чудовища нигде нет боле.
Смеешься ты над нами, путник, что ли?
Оставь-ка лучше пленников в покое».
«Нет, не смеюсь я и от вас не скрою,
Что хоть с трудом, но враг повержен был».

Тогда народ поднялся и вступил
В ворота Цыза посмотреть на диво,
Как чудище лежало молчаливо.
И радостью их осветились лица,
И снова слушали они Хамыца.
«Ну, вот, что скажете теперь вы, люди?
С чудовищем что делать, тут рассудим».
Тогда народ решил единодушно:
«Коль мы теперь злодею не послушны,
И коль для нас он не опасен ныне,
То пусть скорее след его простынет.
Пусть только нас оставит он в покое».
Сказал Хамыц: «Имел он сердце злое,
Он столько лет томил вас в заключенье,
Безвинным причинял одни мученья.
За это зло он должен быть казнен,
Чтоб снова зла не мог бы делать он».
Еще звучал Хамыца громкий голос,
Когда мечом сбрывал он третий волос.
Так семь донбетров вывел он с собой
И через Уарыпп привел домой.
Сказал он тетке: «Двери открывай,
Стань на порог и светлый день встречай».
Старуха оказалась у крыльца.
И теплым ласкам не было конца.
Вернувшему ее к счастливой жизни
Она дала чудесный зуб аркыза,
Сказав: «Смотреть на жениха всем любо.
Ты будешь счастлив с этим дивным зубом.
Коль встретишь ту, что всех тебе милей,
На этот зуб ты дай взглянуть скорей.
Она не сможет «нет» произнести,
Коль скажет «нет», змеею ей ползти».
Устроили донбетры кувд большой,
Позвали нартов с радостной душой,

Неделю непрерывно пировали
И быстрый симд умело танцевали.
Лягушки, рыбы вместе веселились,
Русалки стаями в воде резвились.
Звучали песни в море, не смолкая,
И поговорка родилась такая:
«Коль благодетель затевает пир,
Его веселью радуется мир».

ШКУРА ЧЕРНОЙ ЛИСИЦЫ

Три нарта вышли рано на дорогу,
Когда уже светало понемногу.
Шел Урызмаг с Сахугом смуглолицым,
В сопровожденье храброго Хамыца.
В глухом бору за ними плыли тучи,
И путь в горах им преграждали кручи.
Но зоркий взор их, что всегда был светел,
Ни птиц в листве, ни зверя не приметил.
И лишь под вечер прямо пред Хамыцем
Мелькнула чернобурая лисица.
Не растерялись нарты и умело
Все трое сразу выпустили стрелы.
В кустах лисица не успела скрыться,
Лежит, как камень, не пошевелится.
Три нарта на заре ушли домой
И лисью шкуру унесли с собой.
У нартского села, средь черных гор,
Затеяли они горячий спор.
Никто из них не думал уступать
И лисьей шкуры не хотел отдать.
«Я старше вас,— сказал им Урызмаг,—
И не откажешь старшему никак.
Мне нужен чернобурый воротник».
Сахуг, сердясь, промолвил в тот же миг:
«А я как гость имею все права,

Чтоб лисью шкуру взять на рукава». Тогда Хамыц напал на двух других: «Я все права имею как жених, И лисью шкуру я возьму на шапку». Но Урызмаг добычу взял в охапку: «Терять не будем своего досуга. Не сговориться, видно, нам друг с другом. Домой вернувшись, выйдем на ныхас, И старики рассудят лучше нас. Там сам народ определит, кто прав И что нужнее — шапка иль рукав». Отправились все трое на ныхас, Сказать народу: «Рассудите нас». Но встретился Сырдон им по дороге, Остановился, видя их в тревоге: «Что приключилось, славные друзья, Помочь в чем-либо не смогу ли я?» Сказали нарты, пред Сырдоном стоя: «Одну лисицу подстрелили трое. За лисью шкуру мы готовы драться. Кому из нас она должна достаться? И вот теперь идем мы на ныхас, Где сам народ рассудит лучше нас». Сырдон на это рассмеялся звонко И нартам молвил: «Я глупей ребенка, Но вы, скажу я прямо, не робея, Повидимому, и меня глупее. Всего труднее справедливым быть. Одни начнут завидовать, язвить, Другие будут глупо веселиться, А третьи вдруг найдут причину злиться, Четвертые начнут плести такое, Что не поймешь, где хлев, а где покой. Клянусь огнем, ни в море, ни на суше Вам не найти вовек единоклубья.

И лисья шкура вызовет лишь ссору,
Увидите вы сами это скоро.
Чтоб поняли меня вы хорошо,
Хочу я сделать опыт небольшой.
Воловью шкуру на ныхас доставлю,
Потом принять решение заставляю —
Плох принесенный дар или хорош.
И сколько выйдет из него подошв.
А вы следите, как решит народ
И что из этого произойдет».

Вид принял он просительный и скромный,
Воловью шкуру вынес он из дома
И притащил к ныхасу, оглашая
Окрестность криком: «Просьба к вам большая!
Решите: шкура будет ли хорошей,
Смогу ль пар десять выкроить подошв я?»
Все стали шкуру встряхивать и мять.
Один старик народ стал укорять:
«Кто шкуру мнет, не разделив на части».

Другой: «Решить вопрос не в нашей власти».

Воскликнул третий: «Разве это шкура!»

«Ну и осел,— четвертый молвил хмуро.—
Из этой шкуры выкроишь три пары,
Коль поработать и с умом и с жаром».

И тут пошло. В нелепом, глупом споре
Один хвалил, другой пророчил горе.
А некоторые всё кричат истошно,
Что не скроить здесь и одной подошвы.

«А ну-ка, нарты, дай вам бог здоровья!
На шкуру становитесь-ка воловью!» —
Вскричал Сырдон, имея свой расчет,
И уместил на шкуре весь народ.
«Неправдою не загрязню уста.
О нарты, вот где ваша правота!
Ведь кто-то говорил еще недавно,

По жалкому уму козленку равный:
«Из шкуры той подошвы ни одной
Не выкроишь». А результат такой:
Не только поместились все на ней,
Еще осталось место для гостей.
Вот видите ли, добрые друзья,
Не оказался ли пророком я.
И если б вы искали здесь решения,
По-прежнему терзали б вас сомненья
И крме ссоры и жестокой злобы
Из этого не вышло ничего бы.
Так выберите лучше верных судей,
И долгий спор окончен скоро будет».
И выбрали они тут Алагаты,
Диго и Дыченага Биценаты,
Трех древних и почетных стариков,
Чтоб спор решили без обиняков.
Им так сказали: «Нам не сговориться,
Кому должна принадлежать лисица.
В нее пустили стрелы мы все трое.
Решенье ваше примем, как святое».
Старейшие тут вынесли решение:
«Пусть каждый нам расскажет приключение
Из прошлых дней, мятежных и кипучих.
И чей рассказ признаем мы за лучший,
Тот лисью шкуру и получит в дар».
Так вовремя потушен был пожар.
Совет хорош! Согласье нарти дали
И приключения вскоре рассказали.

РАССКАЗ УРЫЗМАГА

«Однажды, выйдя на охоту,— так
Рассказ свой начал храбрый Урызмаг,—
Я обошел болота все и скалы,
Но зверя, как на зло, не повстречал я.
Земля как бы покрылась черным снегом,
Не находил пещеры для ночлега.
Но вот, бродя среди кромешной мглы,
Нащупал я расщелину скалы
И дверь глухую на ее изгибе.
Тогда не знал я, что иду на гибель.
«Эй, где хозяева, вскричал, скажите?
Охотнику вы двери отворите,
Коль не смутит вас, что ночной порой
Решился я тревожить ваш покой».
И вышла девушка, как солнца свет,
Виновница моих грядущих бед.
Меня с почетом в дом она ввела
И усадила тотчас у стола.
Ломился стол от кушаний и ронга.
Хозяйка мне прислуживала долго.
Я голод свой и жажду утолил,
И девушку я поблагодарил.
Убрав остатки со стола проворно,
Постель постлала в комнате просторной
И указала на нее рукой,

Сама же скрылась в комнате другой.
Я лег в постель, мечтая отдохнуть
И перед сном припомнить долгий путь.
Вдруг яркий свет в глаза ударил мне,
Не знал я, наяву или во сне.
Мне показалась радугую арка.
Не солнце ли послало мне подарок?
И, ослепленный ярким освещеньем,
Я на мгновенье впал в оцепененье,
Невиданному свету поражаясь,
Неслыханному чуду удивляясь.
О, где он, где живой источник света?
И вот дождался, наконец, ответа.
Увидел я, но все ж глазам не верил,
Что здесь же, рядом, в этой же пещере,
Красавица, волшебное создание,
Как лепестки, срывала одеянья.
От теплого сверкающего тела
Все осветилось и посеребрело.
Когда одежда сброшена была,
Предстал источник света и тепла.
Не раз встречал я дивные черты,
Но не встречал подобной красоты:
Глаза ее прекрасные сияли
И, словно звезды, землю озаряли;
Ланиты, будто яблоки, пылали;
А зубы, словно жемчуга сверкали;
Как крылья ворона, был взлет бровей;
А косы — золотистый сноп лучей,
Что светом радужным ее облек,
Прекраснейшую, с головы до ног;
Она была небесных зорь нежней
И месяца лучистого ясней;
Казалось, Бардуагом был ей дан,
Лишь ей одной, как тополь, стройный стан;

А грудь ее — дыхание весны,
Белей сто крат жемчужной белизны.
Увидел я невиданное чудо,
И, растерявшись, потерял рассудок.
В глазах моих внезапно потемнело,
И чувствовал я, как слабеет тело,
И сердце, истекающее кровью,
Шептало мне: «Как быть с такой любовью?»
Я покорился радостной судьбе,
Красавица меня влекла к себе.
И в этот час я сделался смелей,
Дрожа всем телом, бросился я к ней.
Любовь одна лишь мной повелевала.
Но девушка, смущенная, сказала,
Меня окинув недовольным взором:
«Ужели не боишься ты позора?
Почетный гость, на нарта ты похож,
Но сам себя сейчас не узнаешь».
Я изгнан был, но не прошел мой хмель.
Ушел я злой, свалился на постель.
А сердце не могло найти покоя:
Красавицу я видел пред собою.
Сон навсегда мне изменил, казалось,
А сердце от отчаянья сжималось.
Презрев суровый нартовский обычай,
Поднялся я и к ней пошел вторично,
И, покрывало сбросив, не робея,
Уже успел возлечь я рядом с нею.
О, мог ли думать, что попал я в сеть!
Она схватила войлочную плеть,
Когда ж от страсти начал пламенеть я,
Ударила меня своею плетью,
И колдовством был обращен я в мула.
Колдунья на меня и не взглянула,
Но я прочел в ее глазах укор.

Тогда познал я истинный позор.
Передо мной был корм, но что в нем толку?
На утро был я выведен за челку,
И привязали мне тогда на спину
Для переноски тяжестей корзину.
Там, на вершине башню строить стали,
На мне туда каменья поднимали.
Раз не сдержал я гневного порыва
И сбросил вниз погонщика с обрыва.
Тогда меня избили плетью длинной
И поломали ребра мне дубиной.
Ну, а потом волшебной плетью был я
В пса обращен, и стала жизнь постылой.
А в наказание, на мое мученье,
Я отдан был в соседнее селенье.
Там по приказу грозного алдара
Я сторожем приставлен был к отаре,
И пастухи сливали все помои
В корыто из ольхи передо мною.
Хоть я привык ко всяческим невзгодам,
Но грязную не мог лкать я воду.
Досадуя на жизнь, с пустой утробой
Я сам не свой был, озверев от злобы.
К полуночи волков огромных стая
Пришла к отарам, пищи ожидая,
И, щелкая от голода зубами,
Завыла: «Нарты не были рабами.
О до чего ты дожил, Урызмаг,
Лакаешь ты помои для собак!
К барашкам лучше подпусти скорей,
Нас покорми и сам поешь плотней.
Ты сам от голода уже слабеешь.
Чего же ты алдаров скот жалеешь?»
И я со злобы подпустил их к стаду,
Полстада съели те и были рады.

А пастухи имели злобный вид,
До черноты я ими был избит,
Потом к алдару отведен обратно
И отдан им одной вдове за плату.
Овец она десятка два имела,
Но волки ночью крали их умело.
И женщина алдара упросила
Продать ей пса и этим сделать милость.
Сама она чурек горелый ела,
А для меня дзыкка * не пожалела.
Вот перед сном с заботой неизменной
Она постель мне сделала из сена,
Тугой ошейник поспешила снять,
Сама ж ушла спокойно отдыхать.
Лишь над селом спустилась тьма ночная,
Завыла снова та же волчья стая
И с голоду защелкала зубами:
«Пусти нас к овцам и покушай с нами».
«Не будет этого, ответил я,
И близко подойти ко мне нельзя.
Сюда никто из вас не проберется,
Кто жизнью дорожит, пусть уберется.
Я за добро платить не буду злом,
Сиротским не воспользуюсь добром».
Волков нещадный голод донимал.
Я их ловил, потом уничтожал.
Убил я многих, но одна волчица
Сумела ловко от меня укрыться.
Когда ж нашел ее я и догнал,
Услышал я, как голос прозвучал:
«Не убивай, смерть будет бесполезна.
Больны с тобою мы одной болезнью,
С тобою надо нам договориться.
Узнай, что я такая же волчица,
Как ты, несчастный, пес сторожевой.

Но час настал для радости одной!
Ведь встретились с тобою мы недаром,
Скорей иди к проклятому алдару,
Но в руки ты к нему не попадись
И под кроватью в спальне притаись.
Там в изголовье войлочная плеть
Висит всегда, где надо ей висеть.
Коль украдешь ее до темноты,
То будем спасены: и я, и ты».
О, мог ли я словам ее не внять!
Я кинулся к алдару под кровать.
Вдова, лишь солнца наступил восход,
Из дому вышла проверять свой скот.
Увидя волчьи трупы на дороге,
Искать собаку начала в тревоге,
Но, не найдя ее нигде, она
Пропажею была огорчена.
Пришла вдова к алдару с причитаньем:
«Несчастную избавь от наказания,
Алдар великий, украшение дня,
Не рассердись и выслушай меня.
Неоценим твой добрый пес дворовый,
Расправился с волками он сурово,
Но сам пропал. Должно быть, втихомолку
В лес заманив, его сожрали волки.
Чем заплатить мне за такого пса?
Ты справедлив, обдумай это сам».
Алдар сказал: «Гони сюда свой скот,
На этом кончен будет наш расчет».
Проплакала несчастная весь вечер,
Алдару стадо отдала овечье.
«Ну, что ж, то псиной головы цена» —
Решила с грустью про себя она.
Домой вернулась, плача и стеноя.
На землю надвигалась тьма ночная.

Но вот затих алдара шумный дом.
Когда с женой заснул он крепким сном,
Из-под кровати выполз я впотьмах
С волшебной плетью войлочной в зубах.
Себя хлестнул той плетью только раз,
И прежний облик принял я тотчас.
Алдара спящего потом хлестнул я
И обратил его мгновенно в мула.
От тяжести кровать переломилась,
И вместе с ним жена его свалилась.
Жену его среди ночного мрака
Я обратил в дворовую собаку.
Тогда собрал я весь алдарский скот,
Пригнал к несчастной матери сирот,
С порога дома громко крикнул ей:
«Взгляни на баранту свою скорей
И до заката загони домой».
Она сказала: «Шутишь надо мной,
Ты вдовью бедность хочешь осмеять.
Коль нет скота, кого ж мне загонять?»
«Нет, женщина, тебе нужна охрана.
Взгляни на двор. Расстроилась ты рано.
Домой вернулось без потери стадо,
За доброту свою бери награду.
Прими подарок пса сторожевого,
Ведь от тебя не видел он плохого,
Куском последним с ним не раз делилась,
Из-за него всей баранты лишилась.
Так знай же: пес добра не забывает,
Тебя алдарским стадом награждает».
Вдова сказала: «Нет меня бедней,
Я эту жизнь терплю немало дней.
А наш алдар ты знаешь ведь каков,
И бедняка ограбить он готов.
Так это стадо и приплод к нему

Гони скорей к алдару самому».
В последний раз я ей ответил с жаром:
«Прими ж во имя твоего дзуара*
Ты для сирот весь пригнанный мной скот.
Хочу добром закончить наш расчет.
Скот все равно я не возьму обратно».
И так я сделал ту вдову богатой.
Когда ж ударил плетью я волчицу,
Та в золотоволосую девицу
Вдруг обратилась. Солнечно-светла,
С бровями, как орлиных два крыла.
«Красавица, о что стряслось с тобой,
Что ты жила волчицей молодой?»
Ответила она мне с гневным жаром:
«Бог не простит греха жене алдара.
Она меня приревновала к мужу
И как-то, заманив к себе на ужин,
Ударила волшебной этой плетью,
И стала я волчицей жить на свете».
Тогда в ответ на сетованья эти
Собаку я ударил больно плетью.
Собака, завизжав, к земле прильнула
И сразу обратилась в самку мула.
Она-то и была женой алдара.
«Ты этих мулов получи в подарок,—
Красавице я молвил.— Мул и самка
Пусть работают и тянут лямку.
А плеть волшебную возьму с собой,
Чтоб случай не сгубил тебя слепой».
Так добрыми расстались мы друзьями,
Как я теперь хочу расстаться с вами».
Так Урызмаг закончил свой рассказ.
Все слушать начали Сахуга сказ.

РАССКАЗ САХУГА

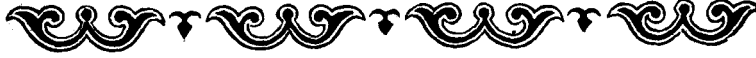

И вот к рассказу приступил Сахуг:
«Взяв на охоту много стрел и лук,
Вошел я раз в безлюдное ущелье.
Недалеко от входа в подземелье
Звериный след заметил я снаружи,
Но зверя самого не обнаружил.
Тогда пошел я по его следам
И, гору обойдя, увидел там
Зияющую пасть пещеры темной.
Спокойно в ней лежит олень огромный,
Вокруг него резвятся и шалят
Две дюжины веселых оленят.
В оленя я хотел пустить стрелу,
Однако не был расположен к злу,
И оленят мне очень жалко стало:
Без матери что их бы ожидало?
И опустил я вóвремя свой лук.
Но голод причинял мне столько мук.
Я принужден его был утолить
И олененка одного убить.
Я так и сделал. Пущеной стрелой
Сражен был олененок молодой.
Я приготовил из него шашлык.
Но чудо совершилось в тот же миг:

В неугасающем огне заката
Слились в одно олень и оленята
И превратились — странен, право, свет! —
В красавицу, которой равной нет.
От смеха девы горы задрожали,
Глаза ее, как молнии, сверкали.
Я воспылал неистовым желаньем
Поцеловать волшебное созданье.
О, на кого падет счастливый случай?
Кто девушку чудесную получит?
Я замер весь, когда от чернобровой
Услышал вдруг приветливое слово:
«Зайди в мой дом, будь гостем дорогим
И знай, тебя я предпочла другим».
Я принял ласковое приглашение.
Меня в пещере ждало угощение.
Смеясь, она хитро меня спросила:
«Чего ты хочешь с самой большей силой?
Когда б свершилось все, что ты желал,
Кого бы ты себе облюбывал?»
Воскликнул я: «В моей бы было власти,
Я лишь с тобою разделил бы счастье!»
Она с улыбкой возлегла на ложе.
Но, видно, нас преследовал гнев божий:
Красавица наутро умерла.
Меня потеря в ужас привела.
Когда я успокоился немного,
Запала в сердце страшная тревога:
«Как хоронить ее? Здесь склепа нет».
Тогда пришел на ум один ответ:
«Тебе здесь оставаться не пристало.
Ты мертвую накроешь покрывалом,
А сам уйдешь. Путь у тебя прямой.
Но лишь собрался я уйти домой,
Вдруг обратился труп ее в змею

Окаменевший, я пред ней стою.
Змея, шипя, меня схватила смело
И разорвала на две части тело,
Часть нижнюю забросила на скалы,
А верхнюю на камне распластала.
Я всю неделю умирал от мук.
Ни мертв, ни жив, ловил я каждый звук.
И мог ли нартом я себя назвать,
Когда руки не мог я приподнять?
Но для того, чтобы не умер я,
Вновь обратилась в девушку змея
И с горечью сказала: «Ну, Сахуг,
Сын славных нартов, натерпелся мук?
Пускай в тревогах пронесутся дни,
Но этот день ты в памяти храни».
И вновь она таинственной силой
Две части тела воссоединила,
Опять накрыла стол в знак примиренья
И так сказала в горестном смятенье:
«Открыла душу я тебе в волненье,
А ты ответил на любовь презреньем,
Ты без охраны бросил труп супруги,
Не выстроил западза для подруги.
Теперь — да будет мир душе твоей! —
Иди и помни семь печальных дней,
И в будущем ты поступай иначе,
Тогда терпеть не будешь неудачи».
Так кончил свой рассказ Сахуг бывалый,
За ним Хамыца очередь настала.

РАССКАЗ ХАМЫЦА

А нарт Хамыц такой повел рассказ:
«Я в поисках невесты как-то раз
Шел по стране далекой. Дни летели.
Путь месячный прошел в одну неделю.
Как только землю перешел кибитов,
Опомнился. Усталый и разбитый
Решил привал я сделать у огня,
Вмиг спешился и снял седло с коня,
Пустил его пастись по горным склонам
И, разостлав подстилку из соломы,
Под голову седло я подложил,
Чтоб сон меня немного подкрепил.
Но не успел еще сомкнуть я глаз,
Как чей-то голос слышу в поздний час:
«Коль будет завтра ясен небосклон,
Мы поутру отправимся в Тулон.
Там будут завтра призовые скачки,
И тот, кому сопутствуют удачи,
Одну из трех алдарских дочерей
Как победитель назовет своей».
Лишь только услышал ту новость я,
Забыв о сне, вмиг оседлал коня
И на коне своем разгоряченном
Помчался быстро в сторону Тулона.
Дочь младшая тулонского алдара

Задумчивая у окна стояла.
И вот похитил я ее неожиданно,
Назвал невестой милой и желанной.
Но как отец такое похищение
Алдар тулонский встретил с возмущеньем,
Послал за мною всадников могучих.
За ними пыль летела черной тучей,
Они скакали, позабыв усталость,
От быстрой скачки поле содрогалось.
Но я умчался. Не свершив расплаты,
Ни с чем вернулись всадники обратно.
Догнать меня их кони не смогли.
И вот кибитской я достиг земли.
В то время там был всенародный праздник.
Вдруг вижу я: стрелой несется всадник
По рытвинам, ухабам и предгорьям.
Но вот коня остановил он вскоре.
Подумал я: «Кто послан мне судьбой?»
Я был готов к опасности любой.
Но всадник мирно спешился с коня,
Молчанье дружелюбное храня.
Он расстегнул кольчугу, грудь открыл,
Рукою ловкой в землю щит всадил.
«Прости меня, мой незнакомый брат,
Но мой отец, чтя наш святой адат,
К тебе меня направил с приглашеньем».
Он снял свой шлем, мне оказал почтение.
И довелось тогда мне увидеть
Златых волос спадающую прядь.
Коль вестницею вестник оказался,
То я уже и не сопротивлялся.
И на конях своих разгоряченных
В алдарский дом помчались мы, к Тулону.
Алдар решил, что конь мой всех резвей,
И дал мне руку дочери своей.

Лишь только в путь собрались мы обратный,
Моя невеста умерла внезапно.
Устроили печальные поминки,
Построили в дни траура могильник.
На страже молча стоя первой ночью,
Я черную змею узрел воочию.
И понял я ее уловку сразу,
Шипя, свистя, она ползла к западзу.
Тут злобу я не смог сдержать свою
И на три части разрубил змею.
Но бусинку вдруг выкатив из пасти,
Она свои соединила части.
Когда ж с мечом я кинулся за ней,
Змея проворно скрылась средь камней.
А к вечеру, когда спустилась мгла,
Она опять к западзу подползла.
Тогда змею проворно я схватил
И на четыре части разрубил.
Взял бусинку я из змеиной пасти,
Жизнь возвратил моей невесте, счастье.
Она воскресла и из гроба встала,
И с радостной улыбкой мне сказала:
«Благодаря тебе живу я снова,
Друзьями быть дадим друг другу слово».
Но я не смел назвать ее женою,
И я назвал ее своей сестрою.
И у западза в тишине ночной
Мы поклялись водою и землей,
Согласно стародавнему адату,
Навек отныне быть сестрой и братом.
Я девушку в селенье проводил,
А бусинкой змее жизнь возвратил,
Сказав: «Живи счастливою всегда,
Чтоб нартов не тревожила беда».
Так поступив, вскочил я на коня,

И конь лихой домой помчал меня.
Но вот и повесть кончилась моя,
Скажите, лисья шкура будет чья?»
И старики сказали от души:
«Все три рассказа очень хороши.
По совести, не можем мы решить,
Кому из нартов шкуру предложить».
Тогда Хамыц, внезапно просветленный,
Воскликнул так: «Дадим ее Сырдону
За ум его глубокий и расчет.
Пусть лисью шапку он себе сошьет».
Все согласились с этим пожеланьем.
Сырдон, взяв шкуру, побежал к Сатане
Просить ее скорее шапку сшить.
Так лисью шапку начал он носить.
Язык его вовеки не подводит.
С тех пор пословица живет в народе:
«И даже суд не сможет дать ответ,
Когда у судей веры в правду нет».

ИГРЫ НАРТОВ

Раз на заре — еще едва светало —
Отборные от каждого квартала
Все юноши с оружием вышли к бою,
Чтоб забавляться нартскою игрою.
К поляне игр участники стекались
И к состязанью там приготавлились,
К борьбе сынаг *, к метанию камней.
И лишь тогда оставили коней,
Когда уж были в поле для игры,
Что примыкало к оползню горы,
А от нее направились к лощине,
И все готовы к состязанью были.
Нарт Урызмаг стоял всех впереди,
Сахуг и Базурук — чуть позади,
А поодаль — Карса, Уасаназ
И Бедзенаг, явившийся тотчас.
Борсе Хамыц камень подавал,
Борса с вершины ловко их кидал.
И завязались игры на поляне,
Великое открылось состязанье.
И торопясь, со всех концов земли,
К поляне игр толпою люди шли,
Дивились диву славных нартских игр.
Семь сыновей привел Бурафарныг.
С вершины черной сам Сайнаг * проворно

Туда спустился на авсурге черном.
Тар из страны заката шел дородный,
Челахсартаг же — из страны восхода.
Сын Бардуага с неба голубого
Слетел, гремя, на бороне дубовой.
А сын Афсати * из лесных владений
Сюда примчался на рогах оленя.
Уастырджи, покинув свой престол,
С небес на поле нартских игр сошел.
Кто мог ходить, из нартских сел заране
Пришел смотреть на это состязанье.
Пришедшие на взгорьях чинно стали,
На игры нартов с высоты взирали.
Вот начали играть: катили камни,
Испытывая силы в состязанье.
Вот первый камень катится с горы,
Гремит и скачет первенец игры.
Но Урызмаг рукой, что было сил,
Огромный камень налету схватил.
Несутся камни, Урызмаг их ловит
И новый ряд камней уже готовит.
Хамыц же быстро камни те берет,
По одному Борсе передает.
Сайнаг-алдар не мог не разозлиться,
С усмешкой злой он говорит Хамыцу:
«Жених, должно быть, силой сплеховал,
Что, как осел, каменоносом стал».
Хамыц ответил недругу с укором:
«Не мужество сидеть, как черный ворон.
Ты лучше силу покажи свою
Не карканьем, а в играх и в бою».
Сайнаг-алдар был словно втоптан в грязь.
Сбежал с горы он, все еще кичась,
Готовый камни налету ловить.
А Урызмаг вдруг место уступить

Решил Хамыцу, чтоб он отличился,
А сам к Борсе мгновенно устремился.
Там подавал обеими руками
Огромные, как будто горы, камни.
Летели камни. Живо шла игра.
И содрогалась древняя гора.
Сайнаг-алдара руки подвели.
Лишь только камень катится вдали,
Слабеют ноги, сердце жжет тревога
И руки камня удержать не могут.
И от толчков катящихся камней
Становится он злее и слабей.
Хамыц чуть ниже локоть подставляет
И глыбы в пыль сухую превращает.
Он ловит камни у крутой тропы
И на алдара сверху сыплет пыль.
Но вот уже не стало и камней.
Взглянув на застоявшихся коней,
Сошлись все вместе, став попарно в строй.
Чтоб забавляться новою игрой.
Когда на группы весь отряд разбился,
Сайнаг-алдар к Хамыцу обратился:
«Давай-ка силой мериться с тобой!»
«Да будет так. Пусть этою игрой
Начнется снова наше состязанье»,—
Сказал Хамыц, возликовав заране.
Когда попарно разошлись все нарты,
В путь двинулись два всадника крылатых.
Сайнаг-алдар был на авсурге черном,
На емылыке* — нарт Хамыц проворный.
И вот домчались до конца поляны,
Чтоб здесь сразиться, как на поле бранном.
Горящим взглядом смелый вызов брошен,
И каждый был, как ненасытный коршун.
Ожесточенно, беспощадно бились

И по поляне бешено носились.
И, словно стук небесной колотушки,
Щиты гремели на лесной опушке.
Мечи звенели, искры высекали,
От их ударов скалы гор дрожали.
Из битвы вырвавшись, как из угара,
Хамыц подъехал, бросив меч, к алдару.
И на врага он с голыми руками
Набросился, весь покраснев, как пламя,
И из седла Сайнаг-алдара выбил.
А емылык его, весь в пене, вздыбясь,
Сайнагова авсурга повалил.
Вот так Хамыц Сайнага победил.
И перед всем народом опозорен
На скакуна Сайнаг уселся вскоре,
Но прежде чем отправиться домой,
Сказал Хамыцу: «Нартовский герой,
О как бы в нартах силы не уснули,
Вы без потомства будете, как мулы».
Сказавши так, коня ударил плетью
И в путь пустился, злясь на все на свете.
Сутулясь на коне, к себе домой
Приехал он с поникшей головой.
Хамыц обиду затаил недаром,
Стал угрожать, кляня Сайнаг-алдара:
«День свадьбы твой в день горя обращаю я,
И проклянешь свою ты участь злую».
Сказавши так, вернулся он домой
Как победитель, нартowski герой.
В душе же горько был он оскорблен
Тем, кто на играх был им побежден.
А нарты все из ближних сел и дальних
Собрались вновь смотреть на состязанья.
И дружно симд вели свой круговой,
И хлопали так громко, что порой

От симда нартов вся земля дрожала
И наклонялись над обрывом скалы.
Вот закатилось солнце, день погас,
Игра закончилась и стихнул пляс.
И, оседлав коней, с веселым пеньем
Герои разъезжались по селеньям.

КАК УРЫЗМАГ ЖЕНИЛСЯ НА САТАНЕ

Вернулся с игрищ Урызмаг домой
Нахмуренный, с поникшей головой.
Безмолвно опустил глаза он вниз.
Сатана молвила: «О нарт Урыз,
Что ты молчишь? Зачем не весел так?»
С досадою ответил Урызмаг:
«А потому, что я покрыт позором,
Сайнаг-алдара услыхав укоры.
Он, обозленный нашею победой,
Меня смутил язвительной беседой:
«Ответь, что с нартами твоими стало
И почему средь вас женатых мало?
Смотрите ж, говорю без вероломства,
Вы будете, как мулы, без потомства».
«Он прав, Урыз,— ответила Сатана,—
Ты свадьбы избегаешь постоянно».
«Когда б я встретил умную невесту,
То для нее нашел бы в сердце место,
От всей души сыграл бы на фандыре,
И не было б меня счастливей в мире».
Сатана улыбнулась и сказала:
«Я дам совет. Дождись, чтоб ночь настала,
Тогда на берег выйди погулять;
Одна старушка будет там стоять.
Карту* с водой поднять ей будет трудно,
Ты помоги ей в тишине безлюдной.

Коль спросит: «Кто ты?» Отвечай: «Известно,
Я тот, кто ищет умную невесту».
Кого укажет мудрая старушка,
К той и пойдя, покорно и послушно».
Лишь ночь на землю тихо опустилась,
Сатана вмиг в старуху обратилась.
Карту она наполнила водой,
Но трудно ей поднять сосуд одной.
Тут Урызмаг к старухе подбежал,
Помог поднять карту и молча стал.
Старуха ласково спросила нарта:
«Скажи, кто ты и как попал сюда ты?
Чем отплатить мне за твою услугу?»
Нарт Урызмаг ответил ей, как другу:
«Что я жених, ты, верно, знаешь это,
А жениха благодарят советом.
Не назовешь ли ты невесты имя,
Чтоб не терял я времени с другими?».
Ответила старуха Урызмагу:
«Коль ты приветлив и знаком с отвагой,
К Бораевым иди, и там желанным
Ты женихом предстанешь пред Сатаной.
Но раньше отправляйся на охоту,
Без свежей дичи не стучись в ворота».
И Урызмаг пошел в лесную чащу
За свежей дичью к свадьбе предстоящей
Он исходил кругом леса и горы,
Но дичь исчезла, как от наговора.
Сатана же с улыбкой молодой
Домой снесла свою карту с водой
И, воду влив в большие бурдюки,
Вернулась снова к берегу реки.
Уже спустился ночи полог синий,
А Урызмага нету и в помине.
Сатана шапку шила допоздна,

Ее Сырдону прочила она.
И вот, подумав, хвост лисицы черной
Достала из-за пазухи проворно
И провела семь раз над головой,
И сделалась лисицей золотой.
Быстрее птицы в лес она помчалась
И с Урызмагом вскоре повстречалась
Она его заманивала ловко,
Он шел за ней, не разгадав уловки.
Надеждой окрыленный Урызмаг
Не отставал от зверя ни на шаг.
Поймать бы только хитрую лисицу,
Чтоб пред Сатаной с нею появиться.
Еще никто лисицы золотой
Не видел в жизни и не знал такой.
Лиса ж его водила за собою
И чащею и горною тропою,
Заставила кружиться без конца.
На бедном нарте не было лица.
Но, наконец, в родимое селенье
Примчалась, словно в нем ища спасенье
По улицам знакомым пробежала
И на ныхасе хвост свой показала.
Все за лисою бросились в тот миг,
Бежал и мальчик, и седой старик.
Гоняться стали по дворам за ней,
Но легче тень поймать среди ветвей.
Никто не мог схватить ее рукой,
Забыли нарты отдых и покой.
Но вот лиса, скользнув тропой знакомой,
Остановилась у порога дома,
Вошла в него, на войлок повалилась,
В Сатану чудом снова обратилась.
А Урызмаг тотчас пришел домой,
У очага он опустился злой.

Сатана же накрыла стол проворно,
И начала расспрашивать подробно.
«Ну, где ты был? — посыпались вопросы.—
Видал ли ты старушку-водоноску?
Пусть совесть станет для тебя чужой,
Коль не расскажешь, что стряслось с тобой».
А Урызмаг и не глядит на снесь,
Он стонет, будто раненый медведь,
Пот градом льется с бледного лица,
Его тоске не видно и конца.
Вот, наконец, дар слова он обрел
И пред Сатаной свой рассказ повел:
«Сегодня так, как ты мне наказала,
Отправился на речку я сначала.
Старуха воду стала набирать,
Карту с водой я ей помог поднять.
Тогда спросил ее я про невесту,
Ответ услышал от нее не к месту.
Она тебя невестой назвала
И тем меня в смущенье привела.
Потом она послала на охоту,
Сказав: «Без дичи не стучись в ворота».
И я тогда пошел в лесную чащу
За свежей дичью, к свадьбе предстоящей.
Я исходил кругом леса и горы,
Но дичь исчезла, как от наговора.
И вдруг мелькнула дивная лисица,
Что и во сне не всякому приснится.
Она меня заманивала ловко,
Я шел за ней, не разгадав уловки.
Она меня водила за собой
То чащею, то горною тропой,
Заставила кружиться без конца,
На мне, наверно, не было лица.
В конце концов в село она шмыгнула,

Но здесь исчезла, словно утонула.
Что делать мне? Как я могу жениться,
Когда не смог догнать я и лисицы.
Ведь нарты скажут: «Жалкий человек»,
Смеяться будут надо мной весь век,
Меня в поход не будут брать с собой.
Что делать мне? Покинуть край родной?»
«О солнышко, ты не волнуйся слишком,
Коль здесь лисица, мы о ней услышим,
И как она ни прячется, ни кружит,
Ты где-нибудь ее да обнаружишь, —
А если мне назначено судьбой
Соединиться навсегда с тобой,
То надобно не обращать вниманья
На пересуды и на осмеянье.
Вначале нарты посмеются, правда,
Потом привыкнут, будут даже рады.
Коль ты не веришь, докажу тебе я,
Что я права. Вот в чем моя затея:
Ты завтра утром оседлай осла
И появись пред нартами села.
Но, чтоб дивился странности народ,
Сядь на осла ты задом наперед.
Лису тогда поймаеть золотую,
И долю счастья обретешь большую».
Что было делать? Только рассвело,
Как Урызмаг взял конское седло
И оседлал им серого осла.
Сел задом наперед и до угла
Проехался на нем. Сбежались нарты,
Смеялись, но не ехал он обратно,
А разъезжал спокойно по кварталам,
Всем показался в виде небывалом.
Когда ж вторично он селеньем ехал,
То он уже не слышал больше смеха.

Когда же в третий раз он так же сел,
То на него никто не посмотрел.
Вот видит он: лисица золотая
По улице бежит, всех обгоняя.
Раздались крики, и в одно мгновенье
Пришло в движенье нартское селенье.
Бегут, спешат, преследуют лисицу,
Летит она по улицам, как птица.
Урыз же, сидя задом наперед,
В погоне от нее не отстает.
Вдруг видит он: идет к нему старуха,
Слова ее доносятся до слуха.
«Послушай, солнце, юноша родной,
Не убивай лисицы золотой.
Тебя твоим же счастьем заклинаю,
Чего не знаешь, за тебя я знаю.
Ты ведь охотник, ловкою рукой
Поймай лисицу, но поймай живой».
Промолвив это, скрылась за углом.
Ну, как ее не помянуть добром!
И вот бежит лисица золотая,
Юлит, кружит, от нартов убегая.
Но, испугавшись серого осла,
Остановилась и назад пошла.
Тут Урызмаг проворною рукой
Лисицу хитрую поймал живой.
Народ дивился нартскому уменью,
Смотря на Урызмага с восхищеньем.
Решили все, что он умен и смел:
Он задом наперед нарочно сел.
Осел ему дорогу охранял,
А он назад смотрел и не зевал.
Он следовал велению ума,
И потому лисицу он поймал.
А Урызмаг принес домой лисицу.

Сатане хочет ею похвалиться.
И вдруг лиса в Сатану обратилась
И к Урызмагу с речью обратилась:
«Вот и твоя лисица золотая,
Она теперь невеста молодая».
Обрадовались, засмеялись оба
И верными поклялись быть до гроба.
И мирно зажили они вдвоем;
К ним гости часто приходили в дом.
И жизнь их зная, сам народ решил,
Что ум у них один и две души.
Желания Бораевых всегда
Сбываются без лишнего труда.
При свете солнечном иль в полной мгле,
На скакуне иль на простом осле,
Хотя бы сели задом наперед,
К желанной цели их успех ведет.

СВАДЬБА САЙНАГ-АЛДАРА

Отправился из крепости старинной
Сайнаг-алдар к невесте на смотрины.
Засватана еще со дня рожденья,
Она ждала алдара с нетерпеньем.
Жених приехал в дом гостеприимный
К родителям своей невесты дивной.
Устроен был веселый кувд в селеньи,
Звенел фандыр и слух ласкало пенье.
Старейшие день свадьбы утвердили
И жениха с почетом проводили.
Засуетились в доме, с оживленьем
К дню торжества начав приготовления.
На мельнице весь день муку мололи,
И напекли лепешек сдобных вволю,
На две недели наварили пива,
И ронг хмельной им удался на диво.
Узнали в скором времени все нарты,
Что девушку Сайнаг-алдар просватал
И что гостей на свадьбу созывал.
Хамыц об этом ничего не знал.
В густых лесах на дичь он той порою
Охотился за Черною горою.
Сайнаг-алдар в то время подбирал
Достойных дружек. Терпеливо ждал,
Когда они невесту молодую

С веселой песней, радуясь, ликуя,
В богатые владенья привезут
И жениху на счастье отдадут.
Вот едут дружки, на конях гарцуя,
Звонят их песни и сверкает сбруя.
Приехали к невесте в дом богатый,
Все сделали, что требуют адаты.
И шафера, Уастырджи святого,
Представили невесте. Молвил слово
Один из дружек: «Это — небожитель».
Невеста посмотрела. Не забыть ей
Той бурки белой, что была одна.
Лица его не видела она.
Но вот окончились приготовления,
И дружки все в алдаровы владенья
Невесту повезли. В дороге пели.
А к вечеру уж за столом сидели.
А в это время на ныхасе нартов
Хамыц узнал о новости приятной,
Что женится его обидчик вскоре,
Кому на радость, а кому на горе.
Сайнаг-алдара он не забывал
И отомстить давно ему мечтал.
И по ночам ему все время снилось,
Что с недругом несчастье приключилось.
Скакун лихой, почуяв только волю,
Помчал его к Сайнаг-алдару в поле.
Нарт встретил пастуха, к нему склонился
И с лстивой речью к старцу обратился:
«Пусть во сто раз умножится твой скот,
Чтоб ты не ведал никаких забот!
Коль, словно солнце, любишь ты добро.
За золото отдай мне серебро.
Не обмани, мудрец, мои надежды
И рванные мне одолжи одежды.

И, коль тебе расстаться с ней не жалко,
Дай мне твою пастушескую палку,
Впридачу пояс свой волосяной,
Снабди меня и кожаной сумой,
И шапку одолжи, и ноговицы.
Все это мне для дела пригодится:
В село пойду в твоём наряде старом,
Чтоб песни петь на свадьбе у алдара.
Тебе от кувда принесу я долю
И угощу шипящим ронгом вволю».
Пастух подумал: «Сделка неплоха».
Все получил Хамыц от пастуха.
И вот, накинув рваный мех на плечи
И спрятав лоб под шапкою овечьей,
Он отдал пастуху коня, седло,
А сам спокойно двинулся в село.
В чужой одежде, выцветшей и старой,
Он незаметно в дом вошел алдара
И приютился скромно в уголке,
Как бедный странник, с палкою в руке.
Уастырджи как шафер в это время,
Неся адатов стародавних бремя,
Почтительно пред старшими склонился
И с просьбою к старейшим обратился:
«Мне кажется, что как почетный вестник
Пройти я должен в горницу к невесте,
Чтоб слово молвить — гость я не простой —
С моею нареченною сестрой».
Старейшины ответили ему:
«Будь милостив, мудрейший по уму.
Тебя проводим до ее порога,
Но перед тем должны мы вспомнить бога».
Уастырджи им низко поклонился,
С решением старцев молча согласился
И перед тем, как тост сказать в волнение,

Снял бурку белую и вынес в сени.
Хамыц как будто этого и ждал,
Метнулся в сени он и бурку взял.
И, завернувшись в бурку, словно вестник,
Вошел он смело в горницу к невесте.
Двух девушек застал он вместе с нею.
Чтоб ловко выполнить свою затею,
Он ласково сказал: «Живите с миром!
О девушки прекрасные, пред пиром
С сестрою нареченной дайте мне
Сказать два слова, но наедине.
Имею я к невесте порученье,
А вам подарки будут, угощение».
И девушки послушно удалились,
За ними двери горницы закрылись.
Хамыц не медлил, бросил деве вызов:
Он показал волшебный зуб аркыза.
Забыв о том, что он пришел как вестник,
Он, словно муж, провел с ней время вместе.
Потом, накрыв невесту кисеею,
Он быстро вышел из ее покоев.
Пробрался в сени, там он бурку сбросил
И у порога сел незванным гостем.
Там и сидел он, будто бы в печали.
Хозяева ему куски бросали.
Все, что казалось лакомым ему,
В пастушескую прятал он суму.
Когда ж суму до верха он набил,
То у хозяев ронга попросил.
И те, смеясь над странником бездомным,
Налили ронг в его бурдюк огромный.
Обычай пира был ему знаком,
Он с пира шел с сумой и бурдюком.
И так сказал, завидя пастуха:
«Опередил я нынче жениха.

Бери суму, в ней жареное мясо,
А в бурдюке принес я ронг прекрасный.
Твоей услуги не забуду я,
Пей, веселись и вспоминай меня».
Довольный пиром и своей игрой
Приехал ночью он к себе домой.
Невеста огорченная алдара
Нахлынувшие слезы вытирала,
Ничто ее уже не веселило,
И жизнь сама казалась ей постылой.
Побочная жена Сайнаг-алдара,
Что подношенья в доме принимала,
Заметила невестино смятение,
И в сердце ей закралось подозрение.
Вошла она к ней тихо, осторожно
И ласкова была, как только можно:
«Будь счастлива, невеста. Что с тобою?
Что слезы льешь жемчужною рекою?
Зачем рвешь шелк ты черных кос на части?
Царапаешь ты щеки, не от счастья!
Зачем печаль в твоём чудесном взоре?
Открой мне тайну девичьего горя».
Еще сильнее заплакала невеста
И от стыда не находила места.
Поведала о горе бесконечном:
«Мой шафер оказался бессердечным.
Тот, в белой бурке, погубил меня,
Из-за него лишилась чести я».
Жена побочная все разузнала,
К Сайнаг-алдару в страхе побежала.
«Я принесла нерадостные вести.
Уастырджи вошел тайком к невесте
И, обесчестив, убежал, как вор,
Оставив нам неслыханный позор».
Разгневался Сайнаг, сказал зловеще:

«Зачем ты на невинного клеветешь?
Сидел он с нами, как и все мужчины,
Не отлучаясь и на миг единый.
Ты лучше больше собери примет
О том, кто ловко замутил свой след.
И осторожно отнесись к невесте,
Чтоб наш позор не стал бы всем известен».
Идет жена к поруганной опять
И просит все как было рассказать.
Не поднимая от земли очей,
Та рассказала все до мелочей:
«Мужчина этот — наглый и бездушный,
Рыжебородый, все лицо в веснушках.
Одежда сверху рваная, под ней
Была кольчуга серебра светлей,
На сапоги надеты ноговицы.
Мне зуб аркыза будет вечно сниться».
Побочная жена пошла к алдару
И все ему тотчас пересказала.
От гнева он не мог пошевелиться,
Вмиг по приметам он узнал Хамыца.
Нахмурились его густые брови,
Жене побочной он сказал сурово:
«Злодея знаю я и знаю также,
Что сам он о злодействе не расскажет.
Но только вы, две женщины, смотрите,
Позора моего не разгласите».
Так свой позор от всех людей он скрыл,
Но злобу против нартов затаил.
Навеселились за ночь дружки вдоволь;
Чуть отдохнувши, в пляс пускались снова
Наутро ж повезли они невесту
В другое место. Возвышалась крепость
Над Черною горою, среди скал.
Туда алдар им ехать приказал.

Веселым криком горы оглашая,
Везут они невесту, напевая.
А впереди, на самом первом месте,
На скакуне несущий радость вестник.
Вот вестник мчится, время догоняет.
А Черная гора вдали сверкает.
В алдара крепость он летит, как ветер,
С чудесной вестью, лучшею на свете.
Вот он приехал. Дом за поворотом.
Мечом своим ударил он в ворота
И крикнул громко: «Я несу вам счастье.
О поскорей раскройте двери настежь!»
И тотчас же ворота им раскрыли,
Приехавших на славу угостили.
Тем временем подъехала невеста,
Ей дали приготовленное место.
Веселье продолжалось до утра,
Ласкала взоры свежих яств гора.
И вот, когда час отдыха настал,
Сайнаг-алдар такую клятву дал:
«Коль прикоснусь к жене в течение года,
Пусть превращусь я в жалкого уроды».
В покои женские ее послали,
И посторонних к ней не допускали.
Невеста от Хамыца тяжелела.
Она грустила, с каждым днем бледнела.
Жене побочной так сказал алдар:
«Преступникам готовлю я удар.
Ее ребенок должен умереть.
Новорожденного не смей жалеть!
Я доверяю лишь тебе одной,
Пусть это будет тайной вековой.
Коль эту тайну не сумеешь скрыть,
На этом свете ты не будешь жить».
И вот родился будущий герой,

Красивый, большеглазый, огневой.
Жене побочной стало жаль ребенка,
И обвела она алдара тонко:
Младенца в место тайное снесла,
Любя его, Созыром нарекла.
Год миновал, и вскоре все забылось.
Сайнаг вернул жене опальной милость.
Но, как охотник за желанной птицей,
Стал он следить за дерзостным Хамыцем,
Преследовал его неумолимо,
Но тот, как прежде, был неуловимым.

КАК ХАМЫЦ ЖЕНИЛСЯ

Задумал раз Хамыц пойти в поход,
Который должен был продлиться год.
На этот раз его сестра Сатана
Отъезду воспротивилась неожиданно.
Но пренебрег герой ее советом,
Пошел искать своей судьбы по свету.
Сайнаг-алдар тотчас забил тревогу,
Узнав, что враг пустился в путь-дорогу.
С собой доспехи он в дорогу взял,
Хамыцу он навстречу поскакал.
В ущелье узком тесно двум врагам,
Лицом к лицу они столкнулись там.
Бой закипел жестокий и горячий.
Кому из них грозила неудача?
Озлоблены сражающихся лица,
И тело раскаляется Хамыца.
А в это время в зеркале Сатаны
Все отразилось — и моря, и страны.
Чтоб отвратить слепой судьбы немилость.
Сатана в страхе небесам взмолилась:
«Пусть снег, который выпадает за год,
В единый день заполнит дно оврага,
Пусть иглами мороз алдара колет
В ущелье узком до смертельной боли».
Заволокло внезапно небосвод,

И хлопья снега превратились в лед.
Мороз ударил, ветер стал крепчать,
Кора земная начала трещать.
Сайнаг-алдар от холода такого
Весь задрожал, сказать не в силах слова.
Едва дыша под снежной пеленою,
Как жалкий трус, он убежал от боя.
Стальной Хамыц мороза не боялся,
Он от него сильнее закалялся.
Земля такого снега не видала,
Не разобрать под снежным покрывалом,
Что на дворе — день или тьма ночная.
Хамыц же мчался, песни распевая,
Он неся быстро по сугробам снега,
Не уменьшал стремительного бега.
А конь дышал, сугробы растопляя,
Ему вперед дорогу пролагая.
И вот сквозь тьму и снежные бураны
Доехал он до солнечной поляны.
Вокруг поляны — снежных гор громады,
А на поляне — летний день прохладный.
Оттуда веет аромат прелестный,
И тут же конь пасется неизвестный,
Его дыханье воздух согревает,
Лишь фыркнет конь — сугробы снега тают.
А рядом — нарт застыл от удивленья —
Лежала туша свежая оленье.
Сомнение напало на Хамыца:
«Быть может, это все мне только снится».
Он всю поляну молча исходил
И, осмотревши, про себя решил:
«Я уберу убитого оленя.
Должно быть, и хозяин в это время
Появится. И мы тогда вдвоем
Полакомимся жирным шашлыком».

Он снежной пылью руки быстро вымыл,
Нож из-за пояса проворно вынул.
Но лишь дотронулся он до оленя,
Как над деревьями сгустились тени.
«Что ждет меня? Спасение, удар ли?» —
Подумал нарт. И вдруг явился карлик.
Он выскочил из-под оленьей кожи,
С Бицента Дыченагом очень схожий.
Но вот Хамыц узнал его. Не враг,
Пред ним был сам Бицента * Дыченаг.
«Откуда ты?» — спросил тот удивленно
И посмотрел на нарта благосклонно.
Все рассказал ему Хамыц могучий:
Про бой с алдаром, про мороз трескучий,
Про то, как он сквозь снежные бураны
Добрел до этой солнечной поляны,
Как изумлен был тишиной отрадной
И воздухом столь свежим и прохладным,
Как он увидел лошадь на поляне,
Оленью тушу в утреннем тумане.
Как, не застав здесь ни одной души,
Он удивился, но тотчас решил:
«Я уберу убитого оленя.
Должно быть, и хозяин в это время
Появится. И мы тогда вдвоем
Полакомимся жирным шашлыком».
И как в тот миг, когда он нож свой взял,
Пред ним хозяин ласковый предстал.
С улыбкою ответил Дыченаг:
«Мы встретились, и это — добрый знак.
Оленем я займусь. А ты, дружок,
За топливом скорей сходи в лесок».
Вот топливо Хамыц заготавливает,
С деревьев ветки, по одной, срывает
В сторонку складывает их и снова

В лесок идет он за запасом новым.
Тем временем вечерний час настал.
Оленя Дыченаг освеживал,
Хамыц успел разжечь костер прекрасный.
Тут Дыченаг, нанизывая мясо
На вертелы, сказал Хамыцу: «Жалость!
Так не изжаришь шашлыков и малость.
Ты больше топлива не мог собрать?»
И он деревья начал вырывать.
И от деревьев, вырванных с корнями,
В костре огромном запылало пламя.
Когда шашлык уже румяным стал,
Он кошелек свой кожаный достал.
Был кошелек узором перевит
И позументом золотым расшит.
Он целую семью оттуда вынул:
Жену, и сына, и двух дочек милых.
К огню поближе он их посадил,
И стол отдельный им соорудил.
И досыта он накормил свою
Поистине волшебную семью.
А после ужина в лучах заката
Свою семью вновь в кошелек упрятал.
Оставшееся мясо разделил он,
Как полагалось, на две половины.
Хамыца охватила вдруг тревога,
И доли мяса не хотел он трогать.
И он стоял как бы замороженный,
Семьей необычайной восхищенный.
Хотел спросить, хотел вопрос задать,—
Но он не знал, с чего же речь начать?
А Дыченаг спокойно наблюдал,
Как бедный нарт взволнованно дышал.
Но, наконец, он сжалился над ним
И произнес: «Что хочешь, побратим?»

«Нигде в печали не найду я места,
Коль дочь твою не назову невестой.
Другого нет желанья у меня.
Коль скажешь «нет», то жить не стану я».
Его спокойно слушал Дыченаг
И, выслушав, ему ответил так:
«Одумайся, иль встретишься ты с горем.
Наш род обидчив и к тому же вздорен.
Не терпят и упрека наши девы
И погибают вмиг от вспышки гнева.
Коль ты не сможешь с нею быть смиренным,
От первой ссоры дочь умрет мгновенно».
Хамыц дал клятву быть к ней благодушным
И всевозможным прихотям послушным.
Тут Дыченаг достал свой кошелек,
Семью свою чудесную извлек
И старшей дочери промолвил твердо:
«Отныне ты — невеста нартов гордых.
И радоваться сердцем не тебе ли?»
И заиграл он на своей свирели.
И на его таинственный призыв
Афсати сын, дремучий лес забыв,
К нему примчался на рогах лосиных,
Причудливо изогнутых и длинных;
Сын Бардуага с высоты небесной
Спустился вниз на бороне чудесной,
Он ехал вместе с младшим сыном солнца,
Что восседал на спицах длинных солнца.
Они все трое, как умели,
Играли в такт на золотых свирелях.
И на поляне начали кружиться
В веселом танце звери все и птицы.
Стекался люд со всех концов земли.
С подарками донбетры подошли.
Все танцевали, пели, веселились,

И люди в симде быстром закружились.
С утра до ночи, с ночи до утра
Не прекращалась чудная игра.
Усталости не ведали они,
Не потухали праздника огни.
И, наконец, с предутренней зарей
Отправились веселые домой.
И сам Хамыц уехал на рассвете
И девушку увез с собой Бицента.
Назвал ее Хамыц своей женою.
Никто не знал из нартовских героев,
Что был в кармане дом ее желанный.
Об этом знала лишь одна Сатана.

КАК РОДИЛСЯ БАТРАДЗ

Был кувд однажды в нартском селенье.
В нем с вечера царило оживленье,
Здоровые без остановки шли,
А ослабевших на руках несли.
Три древних рода нартских пировали,
На пир они свои стада пригнали.
И с завистью смотрели горы, доли
На праздник нартов шумный и веселый.
Расселись старцы по местам своим,
А молодежь прислуживала им.
От розовых и сочных шашлыков
Шел пар густой до самых облаков,
И ронг шипел, весь в искрах при разливе,
И белизной сверкала пена в пиве.
Здесь и донбетры черноморских волн:
И рыжий Арфандон, и Урвахтон;
От беломорья — старый Кафтысар,
Всех рыб морских могущественный царь.
Здесь молодежь — ей вместе веселее —
Хамыц, Сырдон, Сахуг, что всех смуглее.
Сидят и пьют в предутреннем тумане.
Жена Хамыца у него в кармане.
Муж для жены кусочки мяса тайно
Просовывал в карман. Сырдон случайно
Заметил это и подумал: «Странно,

Ведь рта не существует у кармана.
Так для чего ж куски туда пихать?»
И стал он за Хамыщем наблюдать.
А тот, соседу бросив два-три слова,
В карман пихнул кусочек мяса снова.
Сырдон лукавый носом потянул.
Теперь уже он кое-что смекнул!
Подсел, как будто невзначай, к Хамыщу,
Чтоб поболтать с ним и повеселиться,
Сам незаметно острие клинка
К его карману приложил слегка.
Жена Хамыща громко запищала.
Сырдон воскликнул: «Случай небывалый!
Как низко пали молодые, право,
Что на пиры таскают жен лукавых!
Как жаль мне неимущих и несчастных,
Что жен должны кормить украдкой мясом!»
Жена Хамыща злобой запылала,
Смутившегося мужа зашипала.
Хамыщ вскочил. О черная беда!
Не находил он места от стыда
И удалился незаметно с кувда.
«Пропавший ты! — жена кричит. — Отсюда
Неси, носи меня скорее к морю!»
Что делать? Он пошел, себе на горе.
Там из кармана вылезла жена.
«Грех на тебе! — промолвила она. —
Не знаешь разве, что твоя жена
Тебе родить наследника должна.
Зачем на кувд носил меня с собой?
Беременной я не вернусь домой.
Теперь скорее стань ко мне спиной,
Хочу, чтоб сын твой, как и ты, стальной
В отцовском доме мною был рожден,
Водою нартской был бы закален».

Но не успел еще моргнуть он глазом,
Стальной бешмет жена вспорола разом
И всунула меж двух лопаток быстро
Зародыш свой; он в огненных был искрах.
Бешмет она сама ему зашила,
Кольчугу застегнула торопливо.
«Теперь скорей беги к своей Сатане,
Пусть дни она считать не перестанет.
И на девятом месяце случится
То, что должно,— и мальчик наш родится.
И чтоб с тобою не случилось горе,
Ты вместе с ней пойди на берег моря.
Пусть там она тебе прорежет спину,
Родившегося бросьте вы в пучину,
Чтоб закалилась сталь в воде морской».
И не успел проститься он с женой,
Как бросилась она на дно морское
И навсегда исчезла под водою.
Потупив взор, Хамыц домой идет,
Он меж лопаток мальчика несет.
Печальный, злой пришел к себе домой
И там упал на камни головой.
Сатана злые козни распознала,
Заботливо к Хамыцу подбежала.
«О солнышко, скажи зачем печален?
Зачем ты бьешься головой о камни?»
Тогда Хамыц подробно рассказал
О злоключенье, что он испытал,
Про горе черное, что так неожиданно
Случилось с ним. И с этих пор Сатана
Все время дни и месяцы считала.
Спина Хамыца сильно разбухала.
Растет зародыш между двух лопаток,
До родовых уже доходит схваток.
Он сгорбился, томится на досуге.

Не носит больше золотой кольчуги
И, потеряв свой бодрый вид обычный,
Он двинуться не может в путь годичный.
Дни тянутся, как будто без движенья.
Но вот приходит и конец мученьям.
Сестра Сатана говорит Хамыцу:
«О солнышко, дитя должно родиться,
Идем скорее к берегу пучины,
Там я ножом тебе разрежу спину.
И мальчика, рожденного тобой,
Мы закалим, как сталь, в воде морской».
Идут, спешат, все мысли об одном.
Но вот они на берегу морском.
Хамыц ложится на песок ничком,
Она над ним склоняется с ножом.
И вот Сатана опухоль Хамыца
Разрезала до самой поясницы.
И из нее, как уголь раскаленный,
Упал к ногам Батрадз Стальнорожденный.
Глаза его сверкали, словно пламя.
Сатана быстро сильными руками
Швырнула мальчика в морскую пену.
От жара море высохло мгновенно,
И до конца не мог он закалиться.
Его домой она снесла с Хамыцем.
Послали вестника к Курдалагону*,
Чтоб он скорее спустился с небосклона
И запаял разрез спины Хамыца.
Курдалагон на молот сел. Как птица,
Над облаками в небе покружился,
Потом на землю плавно опустился.
Небесный гость свершил весь путь свой дальний
С громадным молотом и наковальней.
Развел огонь, бушующий как море.
Разрез продольный запаял он вскоре,

И, сев на молот, от великих нартов
К себе домой он полетел обратно.
Хамыц опять кольчугу мог носить
И в путь годичный с нартами ходить.

БАТРАДЗ, УРАГОМ И СЫН БАРДУАГА

Батрадзу стальногогрудому с рожденья
Не находили средств для насыщенья.
Все матери, те, что детей кормили,
Кормилицами для Батрадза были.
Но не хватало молока в селенье,
И умирал Батрадз от истощенья.
Своих кормилиц он лишал здоровья,
Их молоко высасывая с кровью.
Сайнаг-алдар же к нартам пристаёт:
«Пока он только вашу кровь сосет,
А подрастет — сожрет и вас самих.
Себе на горе возитесь вы с ним,
Весь нартский род он скоро уничтожит.
Ужели вас все это не тревожит?
Пусть лучше он растет на стороне,
Вдали от вас, в неведомой стране!»
Все на ниххасе это обсудили
И так единодушно порешили:
«Убить младенца — глупая затея,
За кровь его заплатим мы своею.
Пусть лучше заберет его Хамыц
И увезет от нартовских границ,
Закинет там, где глухо и безлюдно,
Где разыскать ребенка будет трудно».
И вот Хамыц, не говоря ни слова,
Взял мальчика и вышел в путь суровый.

Терзаемый сомнением и тревогой,
Он долго шел неведомой дорогой,
Равнинами сменялись цепи гор.
Не солнце жгло, а жег его укор.
Свершает то он, что велел ныхас:
Берет он сына в этот скорбный час,
И, хоть дрожит отцовская рука,
В расщелину кидает ледника.
Хамыц домой отправился печален,
Как будто грудь давил тяжелый камень,
Не разбирал он, где вода, где суша,
И голос сердца не хотел он слушать.
Сайнаг-алдару он отмстить мечтал
За то, что тот совет жестокий дал.
А там, вдали, в той ледниковой гряде —
Кто мог подумать о великом чуде! —
Был жар в груди Батрадза так велик,
Что начал таять вековой ледник.
От голода Батрадз в тоске звериной
Лизал нещадно тающие льдины,
И девственную воду ледника
Он принимал за капли молока.
А в это время юный сын донбетра
Плыл по морю, играя с теплым ветром.
Носил ребенок имя Урагома,
Был баловнем родительского дома.
На золотой свирели он играл,
К себе стада олени созывал.
Они к нему на середину моря
Легко плывут, резвятся на просторе.
Он, улыбаясь, вышел тут на сушу,
За ним олени выплыли послушно.
Играя на свирели золотой,
Он вечером ушел к себе домой.
Когда заря поля позолотила

И солнечное утро наступило,
Он снова вышел из воды на сушу.
И на свирели изливать стал душу.
И музыкой и сладкозвучным пеньем
Вновь собирал к себе стада оленей.
Потом, резвяся в ледниковых водах,
Подплыл к скале под самым небосводом
И, обративши взор свой к ледникам,
Большое озеро заметил там,
А в озере Батрадза увидал.
Тот глыбы льдин без устали сосал.
И Урагом, недоуменья полный,
Поплыл домой по ледниковым волнам.
К родителям приходит Урагом,
Рассказывает старшим обо всем:
«Что я увидел в ледниковых волнах!
Сидит там мальчик в озере огромном,
Он лед сосет, верней, его он гложет,
Но страшной жажды утолить не может.
Все тело мальчика в булатных жилах.
И в нем видна чудовищная сила.
В его глазах — необъяснимый жар.
Уж не от солнца ль этот дивный дар?»
Донбетры тайну разгадали сразу,
Узнали в нем могучего Батрадза
И, наготовив гору угощений,
Послали Урагома в то ущелье.
Вот Урагом плывет по волнам моря,
Вот он уже и в ледяном просторе.
Приплыв к Батрадзу в странное жилище,
Его снабжает он обильной пищей.
Но можно ли насытиться Батрадзу?
Всю эту пищу он съедает сразу
И снова с жаждой ненасытной лед,
Как груди материнские, сосет.

Но в это время все заколебалось
И озеро огромное прорвалось.
В провал, который в тот же миг открылся,
Батрадз Стальнорожденный провалился.
Спустился Урагом за ним мгновенно,
Играя на свирели вдохновенно.
Оленьи самки шли за ним гуськом,
Из их сосков сочилось молоко.
И выход Урагом тогда нашел:
Оленью самку к мальчику подвел.
И вот Батрадз к тугим соскам оленя
Припал губами в жадном нетерпенье.
И Урагом с тех пор стал спозаранок
К нему водить стада оленьих самок.
Он никогда его не оставлял,
Кормил Батрадза, вместе с ним играл.
Заметил раз двух мальчиков чудесных
Сын Бардуага с высоты небесной.
На бороне, невиданной доселе,
Он к ним слетел, играя на свирели,
В ладоши хлопнул, бороной сверкая,
С двумя друзьями игры начиная.
Три мальчика чудесные играют,
Веселых игр на миг не прекращают.
Сын Бардуага шепчет Урагому:
«Чей это мальчик? Из какого дома?»
«Он — смелый нарт, — ответил Урагом, —
Но потерял он нартowski свой дом.
Изгнанник он, отверженный родными.
И гордо носит он Батрадза имя.
Заброшенный среди суровых льдин,
Со дня рожденья он живет один».
«О Урагом, — сказал сын Бардуага, —
Да будет вечною твоя отвага!
Дай мальчика ты ненадолго мне,

Чтоб покатать его на бороне».
Схватил Батрадза он в одно мгновение
И веткою стегнул своих оленей;
Гремя своей чудесной бороной,
Исчез тотчас он в бездне голубой.
И вот привез, взлетевши высоко,
Он мальчика к владыке облаков.
А Урагом с поникшей головой,
В печали, злой пошел к себе домой.

РОЖДЕНИЕ СОСЛАНА

Нарт Урызмаг собрался в путь проворно.
Вот он помчался на авсурге черном
В Уартуфен, страну, где были битвы,
Что находилась за страной кибитов.
День ехал он в ущельях гор суровых.
В горах его застал закат багровый,
День потемнел, стал сумрачным и серым.
Нарт Урызмаг нашел одну пещеру.
Воткнул копьё он в землю, сбрую снял,
И скакуна к копыю он привязал,
Как одеяло, разостлал попону,
На землю лег, походом утомленный.
Но не успел глаза смежить еще,
Как чей-то голос шепчет горячо:
«Не торопись, прекрасный мой жених,
И приготовь подстилку для двоих».
Нарт Урызмаг обвел пещеру взглядом.
«Кто это хочет лечь со мною рядом?
Не разгляжу того, кто говорит».
Он оглянулся. Видит — свет горит.
Внезапно, как волшебное виденье,
Пред ним предстала в радостном смятенье
Красавица, владелица пещеры,
Блистая красотою беспримерной.
Как утро юное, была она,

В ее лице — и солнце, и луна,
Как новолуние, изгиб бровей,
Глаза ее небесных звезд ясней.
Она за Урызмагом наблюдала,
Второй подстилки молча ожидала.
Но Урызмаг сказал чистосердечно:
«Сравнится ль кто с твоей красою вечной?
Твоя улыбка солнце согревает,
Пред нею каждый голову склоняет.
Лицо твое, как полумесяц нежный,
А взгляд такой глубокий и безбрежный.
Но что мне делать? Не кори меня,
Жене своей останусь верным я.
Я клятву дал, жизнь отдал ей и душу
И никогда обета не нарушу».
Тогда красавица, сверкнув глазами,
Из них исторгла золотое пламя.
Не потухали глаз ее огни,
Весь мир, казалось, подожгут они.
Свой стройный стан к земле она склонила,
Рукою белой горсть земли схватила,
Его проклятьем поразив старинным:
«Впредь только с камнем знайся как мужчина,
Да сгинут все твои потомки нарты,
Чтоб в бой спеша, оружие забывал ты,
Пусть хлынет дождь, когда пойдешь ты в гости.
Да будешь плакать в старости от злости,
Пусть под кольчугой захиреет грудь,
Чтоб ты не смог пуститься в дальний путь».
И горсть земли, что тяжелей камней,
Она в него швырнула с озлобленьем,
Сама ж исчезла, точно мрака дочь.
Безлунною и темной стала ночь.
Заснуло все. Непроницаем мрак.
Но глаз сомкнуть не может Урызмаг,

Проклятье девы душу тяготит,
Скала к себе таинственно манит.
И он скалу, как женщину, ласкает,
Из рук своих всю ночь не выпускает.
Простившись с ней в молчании ночном,
Лишь к утру он заснул глубоким сном.
Вот солнце показалось над горами,
Играя золотистыми лучами.
Спит Урызмаг. Сон долгий не проходит,
Хоть солнце высоко на небосводе.
Но конь заржал, копытами забил,
И Урызмаг глаза тогда открыл.
На солнце посмотрел он с удивленьем
И вдруг ночное вспомнил приключенье.
Он скакуна мгновенно оседлал,
По горным тропам вихрем поскакал.
Но путь его был странным и недобрым:
То обнажались каменные ребра
Огромных скал, то возникали бездны.
Казалось, ехать дальше бесполезно.
Назад он мчался, по дороге новой,
Опять блуждал и возвращался снова.
Но, наконец, измученный тревогой,
Пришел домой окольною дорогой.
Он сел у очага. Глядит с тоскою.
Хамыц спросил: «Урыз мой, что с тобою?
Что в землю смотришь, нас не замечая?»
Но Урызмаг ему не отвечает.
Окаменел, не разгибает стана.
Но вот подходит и сама Сатана
И говорит печальному герою:
«О Урызмаг, ответь мне, что с тобою?
Сражен недугом ты или потерей?
Ведь ты похож на раненого зверя».
«Как не томиться черною тоской

И как к земле не никнуть головой,
Как не скорбеть о горьком злосудьи.
Бывал в походах долгих и сраженьях,
На дичь охотясь, я бывал повсюду,
Но не встречалось мне такого чуда.
В годичный путь поехал, все познав я.
Застала ночь меня в пещере Тарфа.
Я не успел сомкнуть глаза еще,
Как кто-то прошептал мне горячо:
«Не торопись, прекрасный мой жених,
И приготовь подстилку для двоих».
Не видел я того, кто говорит.
Я оглянулся — яркий свет горит.
Красавица, владелица пещеры,
Блистая красотою беспримерной,
Как дивное волшебное виденье,
Передо мной предстала вся в смятенье.
Как утро юное, была она,
В ее лице — и солнце, и луна.
И так она передо мной стояла,
Второй подстилки молча ожидала.
Я ей ответил: «Не кори меня.
Жене своей останусь верным я.
Я клятву дал, жизнь отдал ей и душу
И никогда обета не нарушу».
Тогда, как зверь, разгневанна и зла,
Она меня навеки прокляла,
В меня швырнула комьями земли.
Ее проклятья сердце мне прожгли.
Разгневанный, обиженный и злой
Я до утра возился со скалой.
Когда домой я убежал с позором,
Она в пути нагромодила горы.
Все выслушав, Сатана так сказала:
«Недаром я душою тосковала,

Предвидела все это я заране.
Но, солнышко, пусть мир теперь настанет!
Поужинай и спать ложись скорей,
Да будет сон твой месяца светлей!»
Сама же осторожно размотала
Клубочек белый. По нему считала
Дни и недели, нить свою развесив.
Когда исполнился девятый месяц,
Хамыцу молвила Сатана громко:
«К пещере Тарфа, нарт Хамыц, пойдем-ка,
За нашим мальчиком к большой пещере,
Чтобы ребенка не сожрали звери».
Лишь пред пещерой путники предстали,
Как чудо неземное увидали:
Скала с громовым треском раскололась,
Как будто с ней чудовище боролось.
Огонь поднялся выше облаков,
И дымом небосвод заволокло.
Сослан, как молния, из чрева камня
Упал на землю, превратившись в пламень
Растаяла скала, как белый снег,
Лес загорелся, небосвод померк.
Хамыц схватил пылавшего Сослана
И по воде понесся ураганом.
В пещере Тарфа, под сухой землею,
Чернело углем озеро большое.
И вот туда, в живительную влагу,
Хамыц кидает сына Урызмага.
А в это время в озере огромном
Звенела громко песня Урагома.
Он плыл, свободно волны рассекая,
Сослана к сердцу крепко прижимая.
Хамыц мгновенно ринулся за ними,
Боролся долго с волнами крутыми,
За Урагомом гнался под водою.

Уже почти схватил его рукою,
Но выскользнул юнец-донбетр, как рыба,
В пролив он устремился Уарыппа.
Что было делать бедному Хамыцу?
Без мальчика в селенье возвратиться?
Озлобленный из озера он вышел
И ничего не видел и не слышал.
Домой вернулся с грустною Сатаной,
Сослана вспоминая непрестанно.

СМЕРТЬ ХАМЫЦА

А на заре Хамыц пустился в путь,
Скорбь по юнцу ему терзала грудь.
Он был готов добраться до пучины,
Чтоб набрести на Урызмага сына.
Хамыц идет дорогой незнакомой,
Спешит сразиться с дерзким Урагомом.
А в это время в дом Сайнаг-алдара
Пришел тайком его приспешник старый.
Сказал ему с угодливым поклоном:
«Хамыц в дороге. Горем удручен он.
Ему не до тебя, и для отмщенья
Ты не подыщешь лучшего мгновенья».
Сайнаг-алдар, услыша эту новость,
Сел на коня и произнес сурово:
«Клянусь огнем и синим небосводом,
Что душу мне отдаст рыжебородый.
Пусть буду я повержен в прах судьбой,
Когда не будет он наказан мной».
И вот врагу заклтому навстречу
Он полетел, чтоб уничтожить в сече.
Они сошлись на Уарыппе вскоре,
Кому на радость, а кому на горе.
От пропасти бездонной в двух шагах
Весь день, всю ночь сражались два врага.
У одного согнулся меч стальной,

С поломанным щитом стоит другой.
Не остывала старая вражда.
И закипел кулачный бой тогда.
Казалось, злоба, тлевшая в веках,
Собралась вся в их крепких кулаках.
Но только, видно, не настал их срок,
Один другого одолеть не мог.
И бросили они пытаться судьбу,
Прервав ожесточенную борьбу.
Нахмурившись, сказал Сайнаг Хамыцу:
«Пусть на заре наш бой возобновится.
До гроба ты раскаиваться будешь,
Коль в это место завтра не прибудешь».
Хамыц ответил: «Дай сначала клятву,
Что сам приедешь, голову не спрятав.
А коль обманешь, сделайся мишенью,
Тогда умрешь ты от удара в шею!»
Сайнаг-алдар отправился домой
И поделился горестью с женой:
«Убить врага, чтоб отомстить, желаю,
Но от меча Хамыц не умирает».
Ответила тогда жена алдара:
«Он не погибнет от твоих ударов,
Он пламенем палящим закален
И от мечей булатных защищен.
Но при рождении, в часы закала,
В прохладных волнах рта не раскрывал он.
Остался рот его не закален,
Ударом в рот он может быть сражен.
Вот почему во время битв суровых
Он никогда не произносит слова.
Коня пред боем накорми бардою,
Тогда Хамыц заговорит с тобою».
Сайнаг-алдар все это быстро сделал
И на коне помчался в битву смело.

Он до холма добрался на рассвете
И, наконец, Хамыца-нарта встретил
И вскрикнул так: «Доволен я судьбой,
В последний раз с тобой вступаю в бой!»
Хамыц коня лихого оседлал,
Подпруги подтянул, меч в руки взял,
И, как орел, воинственно и яро
Сражение начал он с Сайнаг-алдаром.
Сайнага конь желанью волю дал,
Навозом жидким пачкать ноги стал.
Тогда Хамыц сказал Сайнаг-алдару:
«Хорош твой конь, как раз тебе под пару.
Барды объевшись, пачкает он землю,
Ты ж, как фандыру, смрадным звукам внемлешь.
О жалкий всадник, чтоб с твоей бардою
Ты навсегда лишился бы покоя!»
Алдар воспользовался тем мгновеньем,
В рот нарта меч всадил без промедленья.
Хамыц на шею лошади упал,
От боли он сознание потерял.
У раненного в бровь Сайнаг-алдара
Глаз выскочил от сильного удара.
Но боль глухую радость заглушала,
Что сердце нарта биться перестало.
Домой он ехал битвой утомленный,
Но отомщеньем удовлетворенный.
Когда подъехал он к ограде дома,
Увидел: бродит мальчик незнакомый.
Жену свою спросил он с удивленьем:
«Чей это мальчик? Что за наваждение?
У нас в помине не было детей».
Жена смутилась, стала у дверей,
В светлицу быстро мальчика втокнула.
Лицо алдара тенью затянуло.
Он, разорвав ее бешмет на части,

Озлобленно вскричал: «Что за напасти?
Коль полной правды не откроешь мне,
Проклятая змея, сгоришь в огне!»
«Не гневайся, владыка, ради бога,
Не осуди за послушанье строго.
Убить дитя я не могла решиться,
Остался жив невинный сын Хамыца.
В одной семье подкидышем он рос
И жизнь свою сквозь бедствия пронес».
Лишь ясный месяц в небе заблестел,
Убить жену алдар слуге велел
И труп убитой тайно закопать,
Чтобы о том никто не мог узнать.
Так за обман с женой он расплатился.
А чтоб позор его не разгласился,
Приспешника уловкой ухищренной
Он заманил на берега Тулона,
И там его убил он вероломно
И бросил труп в бушующие волны.
Он думал так: «Концы упрятав в воду,
Забуду я позор свой и невзгоду».
О казни матери своей названной
Не знал Созырко и пришел неожиданно.
В условном месте постучал он в дом,
Чтоб повидаться с матерью тайком.
Но встретила ребенка, причитая,
Алдара грозного жена другая.
Сказала тихо: «Уходи скорей
От наших окровавленных дверей.
Нет матери твоей уже в помине,
Тебе опасность угрожает ныне.
Но можешь скоро избежать злых чар ты,
Иди туда, где обитают нарты.
Там в скромном шалаше сестры названной
Жены алдара — твой приют желанный.

У женщины-колдуньи Кулбадаг
Тебя вовеки не найдет твой враг».
И мальчик, затаив в душе тревогу,
С одной сумою вышел в путь-дорогу.
Шел он ущельем, а потом равниной,
И так добрался до земли родимой.
Нашел впотьмах соломенный шалаш.
Сказал он нартам: «Я — потомок ваш.
Все потеряв и мать свою оплакав,
Пришел я к вам в изодранных чувяках».

БАТРАДЗ И СЫН ТАРА* — МУКАРА

Был небосвод безоблачен и ясен.
Вся молодежь собралась на ныхасе.
Играли, пели жители селенья,
Так проводили время в развлечениях.
Вдруг вестник прискакал. В большом волненье
Он сообщил о вражеском вторженье.
Скакун горячий дышит учащенно,
Весь в белой пене, с мокрою попоной.
Сказал им всадник: «Мир да будет с вами!
Приехал я с печальными вестями.
Ряды двойные новых войск Мукары,
Грозя нам всем стремительным ударом,
Вдруг показались на границе нартов,
Потом на север двинулись обратно.
Сам Уангур к нам с пешими стремится,
Чтоб с воинами нашими сразиться.
Там столько войск шагает ряд за рядом,
Что невозможно их окинуть взглядом».
Услышав это, нарты в должный срок
Вооружились с головы до ног
И понеслись вперед лавиной бурной
На Уарыпп, навстречу Уангуру.
Их вдохновляла доблесть и отвага
Старейшего из нартов — Урызмага.
От гула войска вся земля дрожала,
И за спиною пыль столбом стояла.

А на заре, холодным утром хмурым,
Они столкнулись с войском Уангура.
Мечи окровавленные сверкали,
Звон раздавался искрометной стали.
А в это время войско сына Тара
Грозило неожиданным ударом.
Мукара хитрый вестника послал
К приятелю Дзагкò, в его квартал.
«Знай, побратим, что прохожу я мимо
И видеть мне тебя необходимо.
Коль ты здоров и не лежишь в постели,
То приходи поговорить о деле
И приводи отряды молодежи,
Что храбростью своей с тобою схожи».
Дзагко тотчас помчался к сыну Тара,
Сын Тара был его приятель старый.
И в первый миг, лишь встретился он с ним.
Сын Тара крикнул: «Что же ты один?
Где ж молодежь? Куда она пропала?
Тебя она всегда сопровождала».
Дзагко ответил: «Как мне быть, о боже!
Нет никого из нашей молодежи.
На нартов наступает Уангур.
Но чтоб скорее дать отпор врагу,
Судьбу его решить в жестокой сече,
Вся молодежь пошла ему навстречу».
Сын Тара только этого и ждал,
Войскам приказ о наступленье дал.
И вот они лавиной устремились,
В тылу у нартов вскоре очутились,
Село кольцом змеиным окружили.
Мукара знал, что враг его бессилен.
В село послал гонца с таким веленьем:
«Вы — наши должники. Без промедленья
Должны нам дать от каждого двора

По девушке, как дань. Коль до утра
Не отдадите, то возьму я силой».
Но были старики неумолимы.
Отчаянно все нарты защищались,
В рядах мужчин и девушки сражались.
Но был сильнее их во сто крат сын Тара,
Селенье нартов предал он пожару.
Богатства нартов на волов навьючил,
Погнал стада их через лес и кручи.
Сто нартских девушек он взял с собой,
Благословляя свой удачный бой.
В то время Урызмаг, питомец чести,
С отборной нартской молодежью вместе
Кровь проливал в долине Уарыппа.
Был грозен Уангур в бою открытом.
С закатом солнца, с наступившей мглой
Устали все и прекратили бой.
А к Уангуру вестник прискакал,
Слова Мукары он пересказал:
«Село врага сравнивали мы с землей
И все добро их унесли с собой.
Нет смысла наступать теперь войскам,
Живой души ты не увидишь там».
Сам Уангур все понял хорошо
И в ту же ночь с войсками отошел.
Как только звезды скрылись с небосклона,
Блеснуло солнце на зеленых склонах.
С оружием нарты в этот день собрались,
На поле битвы снова показались.
Но не нашли там войска Уангура,
Безлюдно, тихо было в поле хмуром.
Нарт Урызмаг был этим озадачен:
«Куда девался враг? Что это значит,
Что в поле нет ни мертвых, ни живых?
Уж не земля ли поглотила их?»

Врагов искали нарты по полям
И шли без усталы по их следам.
А в это время там, на небесах,
Сын Бардуага мчался в облаках
На бороне дубовой, на оленях,
С Батрадзом юным, после похищенья.
Казалось, им и в синем небе тесно.
Неслись они и громко пели песни.
Когда они над нартами летели,
То Бардуаг остановил оленей
И к голосам прислушиваться начал.
Батрадз спросил его: «Что это значит?
Зачем остановился? Сделай милость,
Мне объясни». «Не видишь, что случилось?
Не слышишь разве ты мольбы людей?
Взывают нарты к помощи моей».
Услышав эту весть, Батрадз могучий,
Кипя от злости, пролетел сквозь тучи.
Летит к земле он, искры рассыпая,
Но Бардуаг Батрадза догоняет.
Он в облако мгновенно обратился,
Во двор Сатаны с нартом опустился.
Доставив друга, улетел обратно.
Батрадз огненноокий крикнул нармам,
И крик его потряс весь мир земной:
«Эй, кто живой здесь, коли есть живой?»
И мудрая Сатана разгадала,
Что мальчик — нартский, и ему сказала:
«По взгляду вижу я, что ты из нартов,
Войди и расскажи, как к нам попал ты
И из какого нартского ты рода».
«Пришел сюда я на мольбу народа.
Все разъясни теперь мне по порядку:
Кто сжег село и кто напал на нартов».
Батрадзу так ответила Сатана:

«Мукара злой напал на нас неожиданно.
Он нартское село сравнял с землею
И лучших девушек увел с собою.
Один его ты победить не сможешь».
«Но и меня не победит он тоже,
И я силен, и я стреляю метко.
Дай мне скорей оружие наших предков».
От этих слов Сатана просияла,
И подвела его к дверям подвала.
Вот с нетерпением юный нарт берет
Тяжелый меч и толстое копье,
Несет оружие, не моргнувши глазом.
Тогда Сатана молвила Батрадзу:
«Неопытность ты сразу обнаружил,
Раз вытащил тяжелое оружие.
Оно негодно для жестокой сечи,
Ты выбери оружие полегче».
Нарт торопился в бой вступить скорей,
Взял лучший он из нартовских мечей.
Вооружившись, он сказал Сатане:
«Пусти меня скорей на поле брани.
Коня лихого приготовь мне спешно,
Ведь не могу ж отправиться я пешим».
Сатана с грустью отвечала так:
«Все табуны угнал жестокий враг.
Есть, правда, конь Урыза — старый, хилый,
Остались только кости в нем да жилы.
Пасется он за нартовским селеньем
И ждет, должно быть, смерти с нетерпением».
Батрадз нашел несчастного коня,
Пошел к реке, оружием звеня.
Там он коня очистил от колючек,
И конь, как прежде, стал одним из лучших.
Нарт вышел из воды, омывшись в волнах,
Неся коня в своих руках огромных.

Подпруги подтянул и оседлал.
Когда ж засунул в рот он удила,
Невиданным виденьем изумлен,
Как вкопанный, остановился он.
Открылись десны лошади. Из них
Сверкнул блестящий ряд зубов стальных,
Похожих на булатные клещи.
Батрадз сел на коня и взял свой щит.
Конь взвился птицей, над грядою гор
Средь облаков летит во весь опор.
Летит авсург, летит и ржет тревожно.
Меч ерзает от жажды боя в ножнах,
И над мечом, звеня, булатный щит
На ярком солнце серебром горит.
Когда подъехал он к твердыням Тара,
Окликнул он воинственно Мукара:
«Эй, ты, сильнейший, выгляни наружу,
Во двор спустись, коль с мужеством ты дружен».
Стрелу пустил он — смелый вызов к бою.
Вскричал Мукара: «Кто передо мною?
Откуда ты? Коль ищешь бранной встречи,
То завтра утром приезжай на сечу».
В назначенное утро, на рассвете,
Сел на коня Батрадз и не заметил,
Как к Уартдзафу стал он приближаться,
Чтоб на холме с Мукарой рассчитаться.
Батрадз в пути беседует с конем
О поединке будущем своем:
«Коль в схватке злой я загорюсь в огне,
Какую помощь ты окажешь мне?»
Конь отвечал, копытами звеня:
«Рассчитывать ты можешь на меня.
Коль будет враг упорно наступать,
Его смогу копытами подмять.
Коль все же будет враг одолевать

И станет, как в тисках, тебя сжимать,
Тогда зубами, чтоб глаза смежил он,
Я мигом разгрызу ему все жилы».
Лишь солнце показалось на вершинах
И озарило горы и долины,
Батрадз к горе высокой прискакал
И на Мукара дерзкого напал.
Враги сначала копья испытали,
Потом сражаться начали мечами.
Лишь только солнце скрылось за горой,
Как завязался рукопашный бой.
Противники друг другу мнут бока.
Стальной Батрадз почувствовал накал.
Когда к земле он наклонился низко,
От привязи конь оторвался быстро.
Батрадзу помогал скакун, как другу,
И на Мукаре разорвал кольчугу.
Мукара же, оружием звеня,
Не обращал вниманья на коня.
Конь задние копыта в ход пустил
И два ребра Мукаре раздробил.
Но, видно, враг привык на бранном поле
Не чувствовать ни усталости, ни боли.
Тогда скакун вступил в сражение сам,
Схватил врага и бросил к небесам.
А юный нарт, как уголь раскаленный,
Помчался вихрем к волнам разъяренным,
И в море Черное, чтоб охладиться,
Быстрее стрелы сумел он опуститься.
Батрадза волны тотчас поглотили
И скрыли в глубине, в пучине синей.
Мукара, пав на землю, встал тотчас,
Сел на коня и мигом скрылся с глаз.
Укрылся у маликов он, разбитый,
«Отдал себя как гость под их защиту

Все, что случилось, рассказал он им.
Ответил царь: «Батрадз рожден стальным.
Нет сил, которых испугался б он,
Лишь хитростью он может быть сражен.
Теперь он будет гнаться за тобой,
Потянется он к крепости рукой.
Но у стены мы выкопаем яму.
Когда придет он к крепости, упрямый,
В ловушку попадет, не ожидая,
И мы его камнями закидаем».
И царь маликов свой народ собрал,
Он яму рыть скорее приказал.
Малики все пошли туда гурьбой,
Лопаты, кирки принесли с собой
И выкопали яму у ворот
Глубокую, имея свой расчет,
Покрыли яму свежими ветвями.
Батрадз в то время долами, горами
На черном скакуне летел могучий.
За нартом пыль вздымалась черной тучей.
Вот он уже у вражеских ворот,
С коня слезает, смело вглубь идет.
Ворота он толкнул плечом легко
И в миг на восемь расколол кусков.
Но только сделал шаг один вперед,
Как провалился в яму у ворот.
Тогда малики собрались толпой,
Одну скалу тащили за другой
И начали забрасывать Батрадза.
Батрадз свой меч из ножен вынул сразу
И поднял острие над головой,
Одну скалу ломая за другой.
Вершины скал и гор крутых отроги
Ему мукою сыпались под ноги.
Малики успокоиться не могут,

Таскают валуны и бьют тревогу.
Батрадз Стальной сражается упрямо.
А пыль и щебень наполняют яму
И поднимают воина все выше.
Батрадз Стальной палящим жаром дышит.
Когда из ямы, точно блеск луча,
Вдруг показалось острие меча,
Малики разбежались от испуга
По сторонам, крича, давя друг друга.
Никто не видел, кто куда бежал,
Дороги пред собой не разбирал.
Тогда Батрадз на корточки присел
И, выпрямившись, быстро вверх взлетел.
Стал гнать перед собою он галопом
И сына Тара, и маликов толпы.
За жизнь свою маликам стало страшно,
Они поднялись по ступеням в башню.
Батрадз не оставляет их в покое
И башню рушит силою стальною:
Выламывает двери он плечом,
Все семь дверей уже идут на слом.
И за последней дверью, за седьмой,
Направил меч непобедимый свой
Он на царя маликов и Мукару.
Они еще сопротивлялись яро,
Звенели долго их мечи стальные,
И рассыпались искры золотые.
Когда Мукара и малики стали
Уже слабеть, то насмерть испугались
И пред Батрадзом стали на колени.
Стальной Батрадз сказал с ожесточеньем:
«Два выбора у побежденных есть:
Быть мёченными или выбрать смерть».
Враги, дрожа от страха, отвечали:
«О пощади! Мы биться перестали.

Ты лучше меткой нас отметь своей
И отпусти из плена поскорей».
Батрадз в ответ взял острый меч стальной
И сделал метку собственной рукой.
Так в этой битве, грозной и великой,
Он победил Мукару и маликов
И пленникам, кто в рабстве прозябал,
Освобожденье от неволи дал,
Их взял с собой в ущелье нартских гор.
Маликов царь с Мукарой с этих пор
Им платят дань за пролитую кровь
Для всех сирот, для стариков и вдов.

КАК БАТРАДЗ ЗАКАЛЯЛСЯ

Лишь брызнули рассветные лучи,
Батрадз проснулся, на ноги вскочил
И в ручейке, под черною скалой,
Омыл лицо жемчужною водой.
И взвился он по солнечным лучам,
Протянутым, как нити, к небесам.
И, двигаясь стрелой по небосклону,
Примчался к кузнецу Курдалагону,
Остановился на его пороге,
Сказал: «Хозяин, я к тебе с дороги.
Наружу выйди, встретить земного гостя,
С поклоном он тебя об этом просит».
На зов его пришел Курдалагон,
Спросил его, кто и откуда он.
Тогда Батрадз решил ему открыться.
«Да будет фарном * труд твоей десницы!
Хочу закал, необходимый мне,
Принять в твоём немеркнущем огне».
Курдалагон подумал про себя:
«Коль закалю такую силу я,
То никому не даст она покоя».
Но вслух кузнец сказал совсем другое:
«Работаю я каждый день упорно,
Но в праздники не разжигаю горна.
Да и к тому ж задача нелегка,

Когда в запасе нет и уголька.
Ты знаешь сам, что для закалки крепкой
Потребуются угли, а не щепки.
Коль через год придешь ты в это время,
То на себя возьму я это бремя.
Ну, а теперь входи без огорченья,
Домашнего отведай угощенья.
Уже давно от нартов гостя жду я». —
Ответил нарт: «Тебя благодарю я,
Но должен возвратиться я обратно,
К себе домой, задолго до заката».
И маленький Батрадз пустился в путь
Ему волнение разрывало грудь.
По солнечным лучам он вниз спустился,
С Сатаной неудачей поделился:
«Ни с чем пришел я от Курдалагона,
Не хочет он, чтоб был я закаленным».
Тогда Сатана мудрая спустилась
В сокровищницу, где кольцо хранилось,
И вынесла его на свет к Батрадзу.
И золото сверкнуло солнцем сразу.
Она сказала: «Не найдешь ты краше.
Возьми кольцо — наследство предков наших.
С ним в небо поднимись без промедленья.
Оно небесной лестницы ступени
Тебе, как солнце, осветит лучами.
По лестнице ты поднимись сначала,
Как я советую, к владыке бурь.
Он молниями разожжет лазурь
И бурями огонь легко раздует,
И небеса пожаром забушуют.
Огня владыка — и к нему зайди —
Тебя огнем и углем наградит.
К владыке туч ты соберись потом,
На землю он обрушится дождем,

И вздуются озера и моря.
Тогда, одним желанием горя,
Ты крепче стали закалиться сможешь,
Стальную мощь во много раз умножишь».
И вот Батрадз, покинув стены дома,
На небеса зашел к владыке грома.
Дал Бардуаг ему небесных искр.
К владыке бурь его поход был быстр.
Усилил бурю Бардуаг великий.
Огонь и уголь дал огня владыка.
Владыка туч — потоки вод студеных.
Потом Батрадз пошел к Курдалагону.
Там, в облаках, он стал еще проворней
И спрятался без разрешенья в горне.
Никто его не видел, и в углу
Он со своим фандыром сел в золу.
Владыка бурь развел огонь в том горне.
Огня владыка свой огонь огромный
Одной рукою в этот горн кидал,
Другой рукою уголь подавал.
И все сильнее раскалялся горн,
Огонь, слепя, пылал со всех сторон.
Себя Батрадз в том горне ловко скрыл,
Поет себе, лаская свой фандыр.
Курдалагон был сильно удивлен,
Когда увидел, что пылает горн.
Он в кузницу вошел и обомлел:
«Я много видел необычных дел,
Но не видал такого чуда в мире.
Эй, кто играет в горне на фандыре?
Как видно, гость. А я и не приметил».
Батрадз из горна кузнецу ответил:
«А ну, кузнец, раздуй меха сильнее,
От холода я, право, коченею».
Кузнец Батрадза смелого узнал

По голосу и так ему сказал:
«Ну, ладно, я свое нарушу слово.
Лишь для тебя»,— добавил он сурово.
Курдалагон снял со стены совок,
Все угли всыпал в горн до одного.
Батрадз тело долго накалялось,
И грудь его от жара расширялась.
И нарт фандыр свой в руки взял опять
И струны ловко стал перебирать.
И чем Батрадз играл искусней в горне,
Тем и кузнец бил молотом задорней.
Стук молота и грохот наковальни
Сливались с пеньем в небесах хрустальных.
Как гром, те звуки отзывались в мире
И всех существ на свете пробудили.
Кузнец небесный продолжал стараться,
Хоть угля перевел возов двенадцать.
И выбился из сил Курдалагон.
А нарт Батрадз поет под гром и звон:
«Великий мастер неба и земли,
В огне меня скорее закали!»
И час желанный, наконец, настал:
Он закалил Батрадза, как металл.
С работой справился Курдалагон,
Своим закалом был доволен он.
Курдалагон промолвил Бардуагу:
«В награду за великую отвагу,
Чтоб до конца Батрадз стал закаленным,
Отдай его пучине разъяренной.
Пусть охладится он в воде холодной».
И Бардуаг тогда вздохнул свободно,
Высоко поднял молот свой, не споря,
И выбросил Батрадза в волны моря.
Батрадз исчез, покрытый белой пеной.
От жара море высохло мгновенно.

Донбетры моря, дружные с водой,
Вдруг очутились на земле сухой.
Тут Бардуаг послал свирепый ливень,
Что несравним с дождями проливными.
Тогда морские рыбы и донбетры
Нырнули в море под напевы ветра
И от мучений были спасены
Прохладою и влагою волны.
И вновь вода дошла до берегов,
Обильным снова в море стал улов.
А маленький Батрадз покинул море,
Пошел домой он, торжествуя, вскоре,
Пошел он к нартам с сердцем облегченным,
Огнем, водой навеки закаленный.

БАТРАДЗ И ХАФТАНГУР

Домой вернувшись, нарт Батрадз спросил:

«Кто землю нартвов кровью оросил?»

И, опустивши головы в печали,

Старейшие в волнение отвечали:

«Злодей коварный к нам пришел с востока,

То Уангур, дерущийся жестоко.

Мы вывели войска ему навстречу,

Чтоб окружить и уничтожить в сече.

Вступили в бѣй за нашею границей,

До вечера не прекращали биться.

Мы с Уангуром бились так геройски,

Что убежал он ночью вместе с войском».

Батрадз ответил старикам почтенным:

«О замысле скажу вам сокровенном —

Хочу я Уангура проучить,

Чтоб близко к нам не смел он подходить».

Батрадз коня лихого оседлал

И по дороге пыльной поскакал.

За ним пустились толпы молодежи:

«С тобою в бой пойти хотим мы тоже.

Возьми и нас, чтоб мы могли сражаться

И в битвах грозных духом закаляться».

Батрадз сказал им, взяв с собой в дорогу:

«Вы будете в сраженъе мне подмогой».

Оставили они свое селенье,

Не чувствуя ни страха, ни волненья.
Вперед они летят лавиной бурной
К земле врага, на битву с Уангуром.
А на авсурге черном впереди
Летит Батрадз с огнем в стальной груди.
Глаза Батрадза грозно мечут искры,
И своего коня он гонит быстро,
А где ступают конские копыта,
Там впадинами вся земля изрыта.
Так подскакали к вражьему селу,
Врагу послали вызова стрелу.
А лучник-вестник, возвратясь в дружину,
Сказал: «Врагами был я ранен в спину»,
И больше он не произнес ни слова,
Упал с коня. Бил землю конь подковой.
Отсутствовал в то время Уангур,
Явился в бой брат младший — Хафтангур.
Свои войска повел он в наступленье,
Стальным мечом взмахнул с ожесточеньем.
Батрадз в ответ на это, обозленный,
Из ножен вынул меч свой закаленный.
Лишь встретился с врагом Батрадз Стальной,
Как и дружины их вступили в бой.
Они друг друга копьями кололи,
Не чувствуя в пылу сраженья боли,
Без усталости сражались целый день,
Пока на землю не спустилась тень.
Усталый Хафтангур щит опустил
И отступить с войсками поспешил.
А Уангур в вечерний этот час,
Из дальнего похода возвратясь,
Заметил, что старейшие села
Несли к западу мертвые тела.
Спросил старейших он, луны бледнее:
«Кто поле боя мертвыми усеял?»

Старейшие ответили сердито:
«Будь проклят ты за то, что мы разбиты.
Своим злодейством ты навлек гнев нартов.
Героев павших не вернешь обратно.
С врагами биться мы не в силах боле,
А завтра надо быть на бранном поле».
Когда узнал могучий нарт стальной,
Что возвратился Уангур домой,
Он вестника к нему отправил снова.
Промолвил войску Уангур суровый:
«Бессильны мы. Пред нами враг могучий.
Заплатим-ка дань крови нартам лучше,
И в безопасности от них мы будем.
Щит примиренья приготовьте, люди».
Зарезали быков, столы накрыли,
На кувд в знак мира нартов пригласили.
Сиротам всем и неутешным вдовам
Героев, павших в тех боях суровых,
В оплату крови, пролитой в сраженье,
Направили немало подношений.

КУВД БУРАФАРНЫГА

Когда Батрадз, сражавшийся геройски,
В селенье нартов возвращался с войском,
С отарами для дряхлых стариков
И для сирот, и для несчастных вдов,
С ним встретился у крепости старинной
Бурафарныга старший сын с дружиной.
И встречный воин дерзко закричал:
«Эй, вы, младенцы! Где же ваш причал?
Откуда вы? Коль ехать далеко,
То с губ своих сотрите молоко.
От ваших стад, хоть я вас не неволю,
Но вам придется уделить мне долю».
Батрадз могучий стал мрачнее тучи:
«Удар меча — задаток самый лучший.
А крови дань, что взяли мы для вдов,
Сирот своих и дряхлых стариков,
Мы первым встречным не вернем обратно».
Фарныга сын тут вызов бросил нарту.
Стрелу врага Батрадз перехватил
И, вынув меч, врага им поразил.
Потом свой меч проворно в землю вбил,
Дубовые носилки смастерил,
Врагам сказал спокойно: «Не взыщите,
Носилки злополучные возьмите.
Заботе вашей поручаю их».

Вскочили нарты на коней лихих
И полетели быстрою стрелой,
Лес оглашая песней боевой.
И скот был отдан вдовам, дряхлым старцам,
Чтоб не пришлось им более нуждаться.
Тогда Батрадз отправился к Сатане
И снял с себя доспехи поля брани.
Надел он шубу ветхую, арчиты *,
Заснул в гуме на сене, как убитый.
Бурафарныг в то время пир устроил
И молодежь вниманьем удостоил,
А сам степенно поместился рядом
Со стариками и Сайнаг-алдаром.
Лишь только тост произнесли почетный,
Как стук потряс тяжелые ворота
И на пороге появился вестник.
Застыли пировавшие на месте.
Он от порога два шага отмерил,
Сжав плетъ рукою левой — знак потери.
Во двор большой он ввел коня гнедого,
А вслед за ним и скакуна другого
Ввел под уздцы, с седлом, но без подпруг.
Опомнились пирующие вдруг.
Вот показались черные носилки.
Покрытый черной буркой, на подстилке
Лежал погибший от руки Батрадза.
Убитого узнали гости сразу.
И пир алдаров, что недолго длился,
Мгновенно горькой тризною сменился.
Погибшему западз соорудили,
И с плачем горьким труп похоронили.
А утром у гонца отец спросил:
«Скажи, кто сына моего убил?»
«Убийца из бораевского рода,—
Гонец ответил.— С виду благородный.

Глаза его, как сито, велики,
Железные кувалды — кулаки,
Имел не зубы, а клещи тот встречный,
Холмов булатных крепче были плечи.
Домой он ехал, песни распевая
И никого ничем не задевая.
Твой сын ему дорогу преградил
И дерзким словом первый оскорбил».
Тогда сказал хозяину Сайнаг:
«Нет, не погибнет от стрелы твой враг,
Убить его возможно только ядом
На южных склонах ползающих гадов».
Бурафарныг созвал своих людей,
И принялись они за ловлю змей.
И вот корзины доверху набиты
Тяжелым грузом, скользким, ядовитым.
Тогда гонцов хозяин разослал,
Чтоб каждый вестник всех оповещал.
«Снимаю траур и прошу в мой дом
Друзей и тех, кому я был врагом.
Все приходите на веселый пир,
Таких пиров еще не видел мир».
Тут нарттов хлынули живые реки.
Здоровые, больные и калеки —
Все собрались на этот кувд великий.
Из дальних стран явились и малики.
Задумано все было хорошо.
Один Батрадз на пиршество не шел.
Бурафарныг, пылая жаждой мщенья,
Послов отправил в нартское селенье.
И чтобы вдруг не получить отказа,
Направил и невестку он к Батрадзу:
Нарт женщине не может отказать.
Батрадз пришел, чтоб с ними пировать,
Бурафарныг, застыв от черной злости.

С притворной лаской преподносит гостю
Искусно разрисованную чашу:
«Пей, нарт, до дна во имя дружбы нашей!»
Склонился нарт над чашею своею,
Усов концами он коснулся змей.
Исколотые острыми усами,
Они Батрадза испугались сами,
На дно нырнули и свернулись там.
А смелый нарт всю чашу осушил
И, кинувши лжецу, проговорил:
«Благодарю тебя за угощение.
Твой сладкий ронг я выпил с наслаждением.
Ну, а теперь, хозяин, будь смелей
И сам отведай ядовитых змей».
Бурафарныг был посрамлен пред всеми,
А нарт, смеясь, пошел в свое селенье.
С тех пор при срыве всяких дел нечестных
Ответ дают пословицей известной:
«Затея эта провалилась мигом,
Как провалился пир Бурафарныга».

КАК СОСЛАН ВОЗВРАТИЛСЯ К НАРТАМ

Вернувшись с кувда, от Бурафарныга,
Батрадз помчался к пастуху на выгон.
«Пришел к тебе как гость, издалека,
Овечьего отведать молока.
Я выпил ронг, отравленный злодеем,
Змеиный яд хочу запить скорее».
С гостеприимством был пастух знаком,
И напоил он гостя молоком.
И нартом был обычай соблюден —
С ровесником затеял игры он.
Играли, пели и, шутливо споря,
Пришли на берег голубого моря.
И там, где волны скалы берегут,
Загнали на ночь всех овец в закут.
И, приготовив из травы постели,
Ночному сну предаться захотели.
Едва сомкнули юноши глаза,
Как над землею пронеслась гроза.
И белой пеной закипело море.
Тогда из пены на морском просторе
Внезапно выплыл мальчик огнеокий,
За ним второй плыл на волне широкой.
Тот мальчик огнеокий был Сослан,
Второй, которого волна несла,—
Сын Хуандона *, юный Урагом,

Резвившийся всю жизнь на дне морском.
Они на берег вышли и смеются,
Их голоса в ущелье раздаются:
«Эй, пастухи! Вставайте-ка скорее,
Берите вы хлопушки и свирели».
Тогда пастух Батрадзу прошептал:
«Пойдем к донбетрам, если не устал.
Я издавна с их играми знаком,
И время мы неплохо проведем».
Тут к мальчикам пошли они навстречу
И в играх с ними провели весь вечер.
На берегу резвились, громко пели,
Играли вдохновенно на свирелях.
Веселью их и звукам песни внемля,
Сам Месяц сына к ним послал на землю.
Примчался быстро на рогах оленьих
И сын Афсати из лесов в то время.
Баргуна сын вдруг прилетел стрелой,
Измерив взором весь простор морской,
И заиграл он на своей свирели
Не хуже тех, чьи песни здесь звенели.
И этим песням голос эха вторил.
К ним сын Фалвара* опустился вскоре,
Веселый и неугомонный мальчик;
Со сверстниками он играет в альчик*.
А с высоты, что головы кружила,
Со звездных гор смотрел сын Уацилла*.
Спустился тоже он на берег моря,
Веселой песней юным песням вторя.
Когда собрались юноши гурьбою,
Повеселело небо голубое,
Проснулись звери, прилетели птицы
И в общей пляске начали кружиться.
В проворный пляс пустились вслед за ними
Песок и камни с волнами морскими.

И стаи рыб пришли тогда в движение,
Резвясь всю ночь под музыку и пенье.
С тех пор те мальчики всегда дружили,
На берег моря часто приходили,
И берег моря оглашался пеньем,
И не было конца увеселеньям.
Об этих играх, смелых и веселых,
Весть разнеслась по дальним нартским селам.
К поляне молодежь стекаться стала
В неделю раз из каждого квартала.
Играют в кен *, и в альчики, и в бат,
Живой игрою сердце веселят.
Из молодежи выделялись трое,
Как самые отважные герои.
Для пастуха, Батрадза и Сослана
По ловкости не находилось равных.
Играющие лук и стрелы взяли,
В стрелометанье состязаться стали.
Всю молодежь собрав, Батрадз кричит ей:
«Кладем втроем мы шапки и арчиты
Здесь на скале. Попробуйте их сбить,
Чтоб нас в стрельбе из лука победить».
Был принят вызов. Полетели стрелы.
Их было столько, что в глазах темнело.
Но в цель они никак не попадали,
Как будто их на зло заколдовали.
Одни, не долетев, в траве лежали,
Другие далеко перелетали.
Противников же шапки и арчиты
Стрелой мгновенно были все пробиты.
Все проигравшие к себе домой
Вернулись с непокрытой головой.
Бредя по улице села смущенно,
Они случайно встретили Сырдона.
Тот их спросил: «Что приключилось с вами,

Что вы чужими смотрите глазами?
Без шапок вид у вас осиротелый».
Тут рассказали те, в чем было дело,
Какое с ними приключилось горе
В игре с тремя героями у моря.
Сырдон сказал: «Не унывайте, дети,
Случается и худшее на свете.
Сейчас идите спать, а утром ранним
Просите вы совета у Сатаны.
Она мгновенно все узлы развяжет
И верный путь к победе вам укажет».
И юноши послушали Сырдона,
Пошли к Сатане, к играм благосклонной.
Пришли они и так сказали ей:
«О лучшая из нартских матерей,
Пришли к тебе мы с просьбою одной.
Как поступить нам? Будь для нас родной.
Уже не раз на игры бардуагов
Ходили мы с обычною отвагой.
Вчера с позором мы вернулись с поля.
Там состязались с нами три героя,
Их стрелы наши шапки прострелили
И нашу обувь в клочья обратили.
Из моря вышел мальчик, с солнцем схожий,
И одолеть его никто не может.
Как искупить нам наш позор нежданный,
Ты научи нас, мудрая Сатана».
Сатана улыбнулась и сказала:
«Тот мальчик — нарт, он нашего закала».
«Раз так, пойдем к нему мы с этой вестью,
Чтобы отныне жил он с нами вместе.
К земле отцовской мы его вернем».
«Нет, солнышки, он не покинет дом,
Из моря никогда не выйдет он,
Навеки жить он в море обречен,

Пути на сушу для него закрыты.
Но если Урызмаг наш именитый
Наутро выйдет вместе с вами в путь,
Сослана к нам вы сможете вернуть.
Не думая о шапках и арчитах,
Как можно лучше отточите бритву.
Когда придете вы на берег моря,
То Урызмага, тихо и не споря,
Начните брить вы левою рукой
И стороною не острой, а тупой.
Не выдержит Сослан. Быстрее ветра
Покинет он своих морских донбетров
И выплывет, чтоб научить вас брить.
Вот тут-то вы должны его схватить
И голову слегка ножом поранить.
Тогда о море думать он не станет
И будет принужден сухим путем
Вернуться снова в нартowski свой дом».
И юноши, прослушав наставленье,
Прохладным утром вышли из селенья.
Нарт Урызмаг, весть получив о сыне,
Шел вместе с ними к волнам моря синим.
Был пройден путь, что нартам так знаком.
И вот они на берегу морском,
Брить Урызмага начали не просто —
Тупую стороною бритвы острой.
По очереди Урызмага брили,
А сами за морской волной следили.
Заволновалось в это время море,
И вышел мадьчик с пламенем во взоре.
На юношей взглянув, он закричал:
«Эй, вы, пришельцы, кто вас обучал?
Что сделал вам несчастный человек?
Не видели вы бреющих вовек
Иль бритву в руки никогда не брали?»

А юноши спокойно отвечали:
«Один — умен, другой — еще умнее.
Один — силен, другой — еще сильнее.
Коль не умеем, научи нас брить».
Вторично гость не дал себя просить,
Он к Урызмагу поспешил скорее,
Чтоб пристыдить неловких брадобреев.
Но не успел и бритвы взять у нарттов.
Как в голову он ранен был внезапно.
Он, раненый, не мог нырнуть в пучину,
И юноши вернули нарттам сына.
Идут домой, ведут с собой Сослана,
Рожденного скалою мальчугана.
Ведут в село, в бораевский квартал,
Чтоб каждый нарт в нем нарта опознал
Бораевы же всей своей семьей
Устроили Сослану кувд большой.
Селенье все на этот кувд созвали,
Старейшин к небожителям послали.
И бардуаги, полные веселья,
Пришли на пир с обильным подношением.
Сын Уацилла к ним пришел с сохой,
Ячмень с пшеницей сыпал им горой.
И мельничные жернова донбеты
Несли с собою, чтоб связать их с ветром.
Пришел Фалвара с жирными бычками,
А сын его — с лихими скакунами.
Уастырджи — с кольчугою булатной,
Курдалагон принес мечи и латы.
Владыка туч явился с серой буркой,
Владыка грома — со стрелой и луком,
Сын Бардуага — с бороной дубовой.
И, поздравляя нарта с жизнью новой,
Осыпали подарками Сослана.
А радовалась больше всех Сатана.

АЦАМАЗ—СЫН УА́ЗА

Средь черных гор, куда проникнуть трудно,
Жила в светлице гордая Агунда.
Сайнаг-алдар, алдаров всех сильней,
Души не чаял в дочери своей.
Когда она, неся кувшин из меди,
Шла к роднику, казалось это лебедь
По озеру волшебному плывет,
Чтоб красотою поразить народ.
Сюда, к горé, что называлась Черной,
Шли толпы нартов по тропинкам горным.
Но, гордая душой, на нартов смелых
Красавица Агунда не глядела.
О, сколько было — вспомни молодежь —
В пути воловьих стоптано подошв
У бедных сватов, шедших из селенья,
Чтобы невесте сделать предложение.
Они лишь время проводили даром,
Пытаясь сватать дочь Сайнаг-алдара.
И Ацамаз — сын славного Уа́за —
Ее красой был околдован сразу.
Как опьяненный, целые недели
Играл в лесу на золотой свирели.
Над черною вершиною горы
Светлело небо от его игры.
Он вспоминал, играя, каждый раз,

Как умирал его отец Уаз,
Как завещал ему любовь святую —
Свою свирель, как солнце, золотую.
И вспоминал, как остальным двум братьям
Он уступил все земли без изъятия,
Как уступил богатые стада,
Чтоб овладеть свирелью навсегда.
С тех пор в лесу, среди кремневых скал,
Он на свирели золотой играл.
И вот однажды на скале крутой
Он заиграл, как не играл никто.
Под переливы золотой свирели
В глухом лесу раздались птичьи трели.
Ветвистые рога закинув вверх,
Олени в пляс пустились раньше всех.
За ними следом серн пугливых стаи
Пустились в пляс, над скалами взлетая.
И черные козлы, покинув бор,
Спустились к турам круторогим с гор
И в симд стремительный пустились с ними.
Проворней пляски не было доньше.
Не утерпели зайцы и лисицы
И на полянах начали резвиться,
И понеслись, средь свежих трав мелькая,
Друг друга в легком беге обгоняя.
Играет нарт, пленяет всех игрой.
И звук его свирели золотой
Достиг Полночных гор, в берлогах теплых
Медведей разбудил нерасторопных.
И ничего не оставалось им,
Как заплясать свой неуклюжий симд.
Цветы, что были лучше всех и краше,
Раскрыли солнцу девственные чаши.
Из дальних ульев утренней порою
Летели пчелы к ним жужжащим роем.

И бабочки, вкушая сладкий сок,
Кружась, с цветка порхали на цветок.
И облака, чудесным звукам внемля,
Роняли слезы теплые на землю.
Крутые горы, а за ними море,
Чудесным звукам стали вторить вскоре.
И песни их со звуками свирели
До ледников высоких долетели.
Лед, обогретый вешними лучами,
Вниз устремился бурными ручьями.
В ответ на звуки песни вдохновенной
Агунда, позабыв завет священный,
Отбросила в волнение рукоделье,
Плененная волшебною свирелью.
Подумал Ацамаз: «Что приключилось?
Ужели сердце у нее забилося,
Что вдруг она при белом свете дня
Стоит одна и слушает меня?»
Она ж сказала: «Юноша прекрасный,
Ты душу отдал песне сладкогласной.
Живи на радость матери своей,
Будь вечным светом для ее очей!
О ты, стоящий на скале крутой,
Утешь меня свирелью золотой.
Хочу я ею овладеть навек,
И буду я тогда счастливей всех».
Но нарт влюбленный не ответил деве,
Он о скалу свирель ударил в гнев.
Свирель со стоном жалобным и громким
Мгновенно разлетелась на осколки.
Навек простясь с любимой свирелью,
Домой он шел, шатаясь, как от хмеля.
А гордая красавица Агунда
Спустилась со скалы в одну секунду
И собрала осколки золотые,

Для Ацамаза бедного — святые.
Ударила их войлочною плетью,
Соединила вмиг осколки эти.
Теперь уже красавица Агунда
Одна владела той свирелью чудной.
Закутав в шелк, она ее под утро
Запрятала в ларец из перламутра.
Шел Ацамаз, печалью злой объятый,
В свой дом родной, в селенье славных нартов.
Вдруг видит он Уастырджи и Сафа *.
Обрадовался юноша, узнав их.
И видит он, как в тишине звенящей
От их коней исходит свет слепящий.
Два всадника, как будто ждал их пир,
С улыбкою оглядывали мир.
Бештау слева в снеговых сединах,
А впереди — широкая равнина.
Завидя Ацамаза, как пред другом,
Остановили всадники авсургов,
И крикнули они ему, смеясь:
«Куда бредешь ты, славный Ацамаз?
Что так печален? Молви, не тая.
А где свирель волшебная твоя?»
«Да славьтесь вечно, сердцу дорогие,
Надежда нартов, зэды все святые!
О кто пойдет по этим горным скатам,
Любя меня, к Сайнаг-алдару сватом?
О мог бы согласиться ты, скажи,
Быть шафером моим, Уастырджи?
И Сафа шафером иметь мне лестно.
И остается зэдам поднебесным
Всем дружками моей невесты быть.
Тогда б вовеки я не стал тужить».
Ответили ему святые дружно:
«Все сделаем мы для тебя, что нужно.

Ты ж извести друзей своих о том,
Что будем помогать тебе во всем».
И сын Уаза, славный Ацамаз,
Совет их добрый выполнил тотчас.
Через неделю, затаив тревогу,
Он выехал с друзьями в путь-дорогу.
С ним на своем Арфане * ехал рядом
Созырко-нарт с открытым, ясным взглядом.
Они неслись, горя от нетерпенья
Вручить друзьям на свадьбу приглашение.
Дома друзей — в местах непроходимых:
На Уазае * — Сафа их любимый,
На Адайхох * — Афсати, царь лесной,
Фалвара был за Кариу-горой,
На Уарыпп — Уастырджи священный,
Что в бурке белой ходит неизменно.
Заехали, святых всех уважая,
К владыкам облаков и урожая,
И, к лицам их не подымая глаз,
Сказали им, почтительно склонясь:
«Не огорчите нас своим отказом
Быть дружками на свадьбе Ацамаза».
На сватовство собрались все святые,
И ангелы, и жители земные.
К владыке черных гор спешат недаром,
В обильный дом спешат к Сайнаг-алдару.
Как старший, Сафа шел белобородый,
За младшего — Афсати благородный.
На удилах лучи горят золотые,
И совещаются в пути святые:
«Коль и теперь Сайнаг-алдар упрямый
Отказ пошлет уклончиво иль прямо,
Что нам тогда указано судьбой?
Без девушки уедем ли домой?»
Ответил так Уастырджи священный,

Что в бурке белой ходит неизменно:
«Я, шафер сына славного Уаза,
Скажу вам прямо: если только сразу
Сайнаг-алдар на просьбу «да» нам скажет,
То хорошо, а если он откажет,
Упрется, станет нам противоречить
И дочери он не пойдет навстречу,
Не станем слушать мы его речей,
Пусть он простится с дочерью своей».
«Но ведь скала,— сказал тогда Афсати.—
Так высока, что сил у нас не хватит
Красавицу похитить у отца.
К скале с какого подойти конца?»
А Сафа так владыке облаков
Сказал: «Прошу, не будь ко мне суров.
Дай облачко одно мне покрупнее,
И мы тогда увидим, кто сильнее:
Сайнаг-алдар надменный или я,
Скала стальная или мощь моя.
Я слов на ветер не бросаю даром.
И увезем мы дочь Сайнаг-алдара».
Афсати быстроногий, царь лесной,
Уже земли не чуял под собой:
«Мужчиною всегда во всем быть надо,
Я сам оленей отберу от стада,
В серебряную их впрягу телегу,
Удобную для быстрого побега».
«А я,— промолвил добрый зед полей,—
Тогда вперед помчусь стрелы быстрее
И буду вам указывать дорогу,
Чтоб вы забыли про свою тревогу».
Фалвара мудрый так сказал тогда:
«Я предоставляю вам свои стада».
Так, не заметив, как мелькнули дни,
К скале стальной приблизились они

И соскочили радостно с коней
Под черной грушей, среди густых ветвей.
И бурки, что белей снегов пушистых,
Уже лежали на траве душистой.
Расположились дружки на просторе;
Играет ветер прядями их бород.
От старого алдара вышло двое,
Чтоб, как гостей, приветствовать героев.
Гостей хозяин встретил на пороге,
Почтительный, но сдержанный и строгий.
Он — с тонким станом и широкоплечий,
В прекрасной шубе из отборной шерсти,
В руках его серебряная палка.
«Прошу вас в дом. Для вас добра не жалко.
Должно быть, утомились вы в пути?»
И просит он их в горницу войти.
Уастырджи и Сафа, как все гости,
Сядутся на диван слоновой кости
И дело начинают излагать:
«О ты, который может все понять,
Чье сердце — клад, чьи мысли глубоки.
Мы, сваты, просим у тебя руки
Красавицы твоей для Ацамаза,
Для сына достославного Уаза.
У сватов долг висит ведь на плечах,
Святая правда в искренних речах.
Никто не вымолвит плохого слова
О сыне нарта нашего родного.
Уаз был лучшим и храбрейшим нартом,
И сын его — из молодежи знатной,
Он на свирели лучше всех играет,
И баранту свою он охраняет,
Он каждому из нас, как брат родной,
С широкой благородною душой.
Ты милость нам большую оказал бы,

Когда просящему не отказал бы».
«О знатные и дорогие гости,
На прошлое мне стоит взгляд лишь бросить,
Чтоб вам сказать: сегодня лучший день,
Его вовеки не коснется тень.
Как вам угодно действуйте. На речи
Столь справедливые как я отвечу?
Но вы поймите. Именем святого
Прошу взглянуть на старика больного.
Нет у меня и тени прежней силы,
Я подошел к преддверию могилы,
Зима моя меня сразила сразу,
Размякли кости, помутнел мой разум.
К могиле темной приближаюсь я,
Мне заменяет солнце дочь моя.
Скажите, сваты, правду до конца,
Как ей покинуть бедного отца?
И очень молода она к тому же,
Чтоб думать ей о свадьбе и о муже».
Святые не ответили ни слова
На речь отца и в путь собрались снова.
Хоть речь его казалась им жестокой,
Они ушли, не высказав упрека.
С бровями в стрелку, стройная Агунда
Отца спросила об ответе мудром.
Узнав, что он отказом им ответил,
От ярости забыла все на свете.
Нахмутив брови, вышла из светлицы,
Была подобна разъяренной львице.
Сказал отец, увидя этот гнев:
«Да ты упрямей всех упрямых дев
И, видно, полюбила молодца,
Коль позабыла бедного отца.
Его свирель тебя навек пленила,
Еще сильнее певца ты полюбила.

Не зря осколки золотой свирели,
Что при паденье жалобно звенели,
Запрятала ты в свадебный сундук
От черных глаз и посторонних рук».
Когда вторично появились сваты,
Прося за Ацамаза, как за брата,
Сайнаг-алдар уже не возражал
И дочери благословенье дал.
Послал гонцов он к нартскому народу,
Звал молодых и звал седобородых,
Чтоб чашу ронга поднести к устам.
Но вот расселись гости по местам.
Был мудрый Сафа с белой бородою
Единодушно выбран тамадою.
Напитков было больше, чем воды,
А кушаний несчетные ряды.
И тура рог для них бокалом был,
Не отрываясь, каждый брагу пил.
Ломились фынги * от оленьих туш,
Ешь сколько хочешь, достолавный муж!
Но нет у них веселья кутежей,
И вместо песен слышен лязг ножей;
А сердце сытого вызывает к песне.
Тогда Сайнаг, что всех владык известней,
Решился Ацамазу так сказать:
«Что ж не играешь, мой почтенный зять,
Ты на свирели звучной и прекрасной,
Что овладела девою полновластно?»
И Ацамаз, томясь, с душевным жаром
Осмелился сказать Сайнаг-алдару:
«Давно уже забыл я эти трели,
Свою игру на золотой свирели.
Свирель свою в каком-то злом угаре
В тот грустный день я о скалу ударил.
На мелкие куски она сломалась».

Тогда Агунда тихо засмеялась
И тотчас принесла свирель, ликуя,
Свирель, вдвойне для сердца дорогую.
И вновь раздались звуки песен разных,
У молчаливых был язык развязан.
И, как обычно на пирах веселых,
Бывающих нередко в нартских селах,
У круглых фынгов кушаний отведав,
В ладоши гости хлопали победно.
И начал танцевать один из младших
Особый танец на заздравной чаше.
Ковер цветной был постлан во дворе.
Все отличались в плясках и в игре.
И длились эти танцы и игра
С утра до ночи, с ночи до утра.
Когда же стол покинули, то скоро
Живою цепью двинулись за горы.
А дружки свадебные Ацамаза
Ведут невесту в золоте, в алмазах,
Несут с собою множество добра.
Коляска вылита из серебра,
Ее везут рогатых семь оленей,
Что дал Афсати из своих владений.
А дальше едет семь повозок чудных,
В них впряжены выносливые зубры.
Они везут приданое невесты
В ущелье тесном, среди гор отвесных.
Был шафером Уастырджи святой,
Нарт Урызмаг по старшинству — второй,
А мудрый Сафа, озаренный солнцем,
Летел вперед. Он был знаменосцем.
На скакуне — владыка облаков.
Как гром небесный — цоканье подков,
Как молнии — блеск смертоносных копий,
А след копыт — бесчисленные топи.

Мужи, известные своей отвагой,
В селенье нартов дочь везут Сайнага.
Приехав в дом невестою желанной,
Она склонилась молча пред Сатаной.
И начался у нартов снова пир,
Веселье, танцы, праздник на весь мир.

КАК БАТРАДЗ УЗНАЛ УБИЙЦУ СВОЕГО ОТЦА

С высот Уаца, что был скрыт туманом,
Тревоги клич раздался утром рано.
У скал крутых и гор недостижимых
Сигнальные костры клубились дымом,
И пламя достигало облаков.
Батрадз к походу был уже готов.
Он на коне летит разгоряченном,
Вот он домчался до крутого склона.
Меч воина, подскакивая в ножнах,
Порой травы касался придорожной
И бороздил ряды пород сухих,
Как лемехами острыми сохи.
Он бросил взгляд на нижнюю долину
И увидал: у крепости старинной,
Что Калдом называлась, вспыхнул бой.
Враг нартов Уангур ведет с собой
Несметные войска. Вот осаждают
Они ту крепость, стены сотрясают.
Батрадз свой меч схватил, и не пошел,
А полетел туда он, как орел,
Разить врагов. Те падали на землю.
Казалось, небо шуму боя внемлет.
Цырынга сын промолвил возмущенно:
«Что ж ты не спросишь, из спины рожденный,
Кто твой отец? Об этом знают нарты.

Чужие пашни полешь аккуратно,
А на своих сорняк не замечаешь.
Отцеубийцу каждый день встречаешь
На кувдах нартских. За одним столом
Ты с ним сидишь и потчуеть вином.
Коль обладал бы настоящей силой,
За кровь отца врагу ты отомстил бы».
Батрадз врагу упрека не простил,
Он голову ему мечом срубил.
Потом он круто повернул коня,
Вновь биться стал, оружием звеня.
И войско Уангура он разбил,
Остатки войска в бегство обратил.
Повержен враг. Батрадз спешит домой,
Цырынга сын смутил его покой.
Батрадз отцеубийце отомстит,
Пусть знает враг, как меч его разит!
Приехал, наконец, домой Батрадз,
И на ныхас он подоспел как раз.
По одному почтенных старцев строго
Он спрашивал. Вопросов было много.
Взволнованный, он тихо говорил:
«Кто был отец мой? Кто его убил?
Зачем я назван «из спины рожденный»?
О чем кричат враги ожесточенно?»
Как сговорившись, старцы отвечали,
Склонивши низко головы в печали:
«Хамыц — отец твой. Он был с честью дружен.
Его убийца не был обнаружен».
«Куда же мог исчезнуть тот злодей?
Он здесь, средь нас, средь нартских людей,
Пирует с нами на пирах как равный.
Вы знаете, что сын Цырынга славный
В том упрекнул меня во время боя.
Он заплатил за это головую.

Могу ль отныне с нартами я жить,
Коль за отца не в силах отомстить?»
«Зачем же ты насмешника убил?
О кровнике зачем не расспросил?
Теперь подумай и решай как быть,
А мы не можем горю пособить».
«Коль кровника мне выдать не хотите,
За кровь его вы сами заплатите.
Отцовский шелк возьмите дорогой,
И сапоги, и шлем его стальной,
Снесите все на Черный перевал,
Чтоб там костер из шелка запылал,
Шелк хворостинкой тонкой подожгите,
Золу от шелка мигом соберите,
И сапоги и шлем отца стальной
Вы до краев наполните золой».
Что было делать нартским старикам?
Пошли они с поклажей по горам.
Несли они на черную вершину
Шлем, сапоги, тюки шелков старинных.
И, как просил Батрадз их, без заминки
Зажгли шелка сухою хворостинкой.
Тогда враги всех нартвов — Уангур,
Сайнаг-алдар, Мукара-самодур,
Маликов царь, а также и донбетры —
У бурь владыки попросили ветра:
«Не отвергай, владыка, нашей просьбы.
Когда б желанье у тебя нашлось бы,
То тучи пепла быстро б ты развеял,
Для обузданья нартского злодея».
И дикий ветер поднялся неистов,
И тучи пепла он развеял быстро.
И старики в тревоге и печали
Остатки пепла бережно собрали;
Но был едва заполнен шлем стальной,

А для сапог — ни горсточки одной.
И обратились старики к Батрадзу:
«Мы уплатить свой долг не в силах сразу.
Весь пепел наш отняли бури злые,
Возьми ж обратно сапоги пустые».
Им так ответил маленький Батрадз:
«На этот раз я требую от вас
Доставить то, что мне необходимо:
Из дерева крепчайшего стропило,
Из уа́дцым-дерева столбы и палки.
Доставьте мне и кедровые балки,
И черный дуб для косяков дверей.
Срок для доставки я даю семь дней».
Пошли они в дремучий лес искать
То, что Батрадз им наказал собрать.
Но не нашли они деревьев этих,
Их не было в лесу и на примете.
И стали нарты изнывать в печали,
Как поступить рядили и гадали.
Давно в селе не видно Уазыра,
Бедняк скитался по дорогам мира.
Но вот в тот день на лошади хромой
Он возвращался радостный домой.
Всех стариков застал он на ныхасе,
Приветствиями речь свою украсил.
Ответа нет. Тоска сковала лица.
Молчанью он не мог не удивиться.
И он спросил: «Что приключилось с вами?
Что смотрите печальными глазами?»
И Уазыру старцы рассказали,
Что довело их до такой печали.
Но вот Батрадз опять явился к ним,
И говорит он должникам своим:
«Ну, что же, старцы, не возьму я в толк,
Заплатите ль мне за отца свой долг?»

Сидите тихо, словно перепелки.
Иль повторилась неудача с шелком?»
Тут Уазыр вмешался: «Без причины,
Зачем, Батрадз, томить людей невинных?
И кровника зачем не ищешь сам?»
Батрадз сказал: «Я обращался к вам.
Раз имя кровника вы не назвали,
Платите сами за мои печали».
Опять вмешался Уазыр сердито,
Нахмурившись, Батрадзу говорит он:
«Коль здесь никто ответа дать не может
На тот вопрос, что так тебя тревожит,
Чем зря сердиться, обратись к Сатане,
Тебе она советчицею станет».
Батрадз достал и раскалил лопату,
В бораевский квартал помчался к нартам,
К груди Сатаны острое приставил
И отвечать на свой вопрос заставил:
«Скажи скорей мне, кто убил отца,
Иль жди сейчас же своего конца».
Сатана, вздрогнув, вымолвила сразу:
«Пусть будет богом кровный враг наказан!
О солнышко, седлай коня скорее
И отомсти проклятому злодею!
Сайнаг-алдаром твой отец убит,
Бери с собою острый меч и щит!»
С тревогой имя кровника узнав,
Батрадз погнал коня на Уартдзаф.
Когда достиг он Уартдзафских скал,
На камни пал и долго там лежал.

КАК БАТРАДЗ ОТОМСТИЛ ЗА СМЕРТЬ ОТЦА

Чтобы исполнить давнее желанье,
Стальной Батрадз отправился к Сатане:
«Служил совет твой для меня законом,
Я закалился у Курдалагона.
И, закаленный, к кровнику лечу,
Сайнаг-алдару отомстить хочу.
И знаю я, что у тебя хранится
Волшебный конь и меч стальной Хамыца».
Ему Сатана отвечает: «Верно,
Там, в подземелье, конь стоит волшебный,
Грызет скалу, на скуку обречен,
И по уши в густом навозе он,
Конь света дня не видит, как слепой.
Уздечка и седло над головой.
В бойнице верхней спрятан меч Хамыца».
Батрадз Стальной летит туда, как птица.
Для радости его настал черед.
Он сбросил камень, закрывавший вход.
Коня Хамыца с дерзостью упрямой
За оба уха вытащил из ямы.
Погнал его он к синим волнам моря,
Чтоб выкупать авсурга на просторе.
В морской воде его он вымыл чисто,
И шерсть авсурга стала серебристой.
Коня такого не было в округе.

Батрадз мгновенно подтянул подпруги,
Отцовское оружие взяв с собой,
Уже готов был ринуться он в бой,
Но охладила пыл его Сатана,
Радевшая о нартах неустанно:
«Пусть подождет твой кровный враг Сайнаг.
Отправься ты пораньше к Кулбадаг,
Которая Созырко воспитала,
И попроси совета для начала.
Весь ход борьбы она изложит кратко,
Откроет все сайнаговы повадки».
Помчался он, к кудеснице спеша,
И через час стоял у шалаша,
Скрывавшего кудесницу под сводом.
Вонзил копьё недалеко от входа
И, от авсурга отойдя на шаг,
Кудесницу окликнул Кулбадаг.
А домочадцам так сказал ее:
«Вам поручаю я мое копьё,
Что служит мне ключом для всех дорог».
Старуха вышла вскоре на порог.
Увидя меч и скакуна Хамыца,
Она сказала: «Как ты мог явиться,
Батрадз родной, чудесное дитя!
Откуда ты? Не ожидала я.
Тебе ж не приходилось здесь бывать».
«О милая, незнаемая мать!
Чтоб выполнить обет святой скорей,
Явился я за помощью твоей.
Хочу узнать совет последний твой».
«Дитя мое, храни огонь святой!
Свою надежду я в тебе нашла.
Цель твоего пути, как день, светла,
Но в бой еще повремени ходить,
Умом Сайнага надо победить».

Твой кровный враг прославлен не геройством,
Имеет он особенное свойство.
Не может меч чужой его сразить,
Лишь собственный способен погубить.
Меня послушай, не теряй надежды.
Ты облачись в потертые одежды,
Накрой коня поношенной полоной,
Чтоб кровный враг твой думал, удивленный,
Что жалкий нищий перед ним предстал,
И чтобы в нем он нарта не узнал.
Возьми с собою ржавый меч тупой,
Которым должен пренебречь герой.
И вот с конем, при пенье петухов,
Ты ровно в полночь будь к пути готов.
Но перед тем,— добавила она,—
Обмажь густым навозом скакуна
И дай навозу в корку обратиться,
Чтоб враг не смог узнать коня Хамыца.
И к черным скалам ты направься к бою.
Там двух авсургов черных к водопою
Как раз в тот час Сайнаг и поведет.
Ему при встрече окажи почет
И так скажи: «О ты, кто жизнь нам красит!
Я с нартами поспорил на ныхасе.
Там каждый нарт свой меч стальной хвалил.
Хваля свой меч, я выбился из сил,
Но на ныхасе меч мой осмеяли.
«Сайнага меч, вот это — меч! — сказали.
Не даром с ним Сайнаг-алдар так смел,
Он на весь мир отвагой прогремел».
Дай мне взглянуть на меч твой благородный,
Чтоб и себе я заказал подобный».
Он острием тебе свой меч протянет.
Но пусть тогда твой славный конь отпрянет.
А ты скажи, как будто в оправданье:

«Мой конь боится яркого сверканья.
Чтоб он не начал в ужасе дрожать,
Ты протяни мне лучше рукоять».
Лишь рукоять тебе протянет он,
Скажи: «Никак не различу сторон.
О если б ты растолковать мне мог,
Как распознать, где запад, где восток».
Лишь на восток кивнет он головой,
Срази его могучею рукой».
И нарт к реке помчался утром ранним
С тупым мечом и в одеянье рваном.
Сайнаг-алдар, его обидчик кровный,
На водопой ведет авсургов черных.
И вскоре нарт, Батрадз огненноокий,
Стоял пред. недругом своим жестоким.
Сказал Сайнагу: «Добрый день, сильнейший,
Из мудрецов великий и мудрейший!»
Алдар ответил: «Нищий на коне,
Не ветер ли занес тебя ко мне,
Чтоб выиграть жестокое сражение?»
Батрадз ответил с напускным смиреньем:
«О ты, алдар, который жизнь нам красит!
Я с нартами поспорил на ныхасе.
Там каждый нарт свой меч стальной хвалил.
Хваля свой меч, я выбился из сил,
Но на ныхасе меч мой осмеяли
И мне, бедняге, так они сказали:
«Меч самый лучший у Сайнаг-алдара,
Пред ним ничто и молнии удары».
Дай мне взглянуть на меч твой благородный,
Чтоб и себе я заказал подобный.
Курдалагон их делает искусно.
Коль он откажет, то вздохну я грустно,
Утешусь тем, что видел меч твой дивный».
Сайнаг сказал с усмешкою обидной:

«А ну, давай посмотрим меч твой бравый».
Батрадз, натужась, вынул меч свой ржавый
И протянул его Сайнагу ловко.
Сайнаг, не разгадав его уловки,
Взял меч и засмеялся: «Вот потеха!
Недаром нарты отвечали смехом,
Когда свой меч хвалил ты на ныхасе».
И он отбросил этот меч злосчастный,
А сам свой меч, что искры рассыпал,
Из ножен вынул, гордо показал
И острием Батрадзу протянул,
Чтоб тот на меч сверкающий взглянул.
Зафыркал конь Батрадза, испугался,
От острого меча назад подался.
Тогда Батрадз Сайнагу говорит:
«Бойтся конь мой — меч твой так блеснит.
Ты протяни его мне рукоятью».
Сайнаг-алдар — не мог уловки знать он —
Дал в руки рукоять ему надменно.
Взял меч его стальной Батрадз смиренно.
Таких мечей еще не видел он,
И дивной сталью был он восхищен.
Задумчиво окинув взором даль,
Батрадз сказал: «Чудесный меч, но жаль,
Что недостаток в лезвии стальном —
Заметил я зазубрины на нем».
Сайнаг-алдар вскричал: «Хамыц тому виною,
Пусть он и мертвым не найдет покоя.
Когда его я в схватке поразил,
О зубы вражьи меч свой притупил».
Батрадз обиду эту перенес
И, побледнев, спокойно произнес:
«Понятно мне, что славен ты в народе.
Я ж смутно знаю даже о восходе,
И не могу никак я уяснить,

Где начинает солнце восходить».
Сдержать усмешки злой алдар не мог
И указал Батрадзу на восток.
Алдар лишь только повернул плечо,
Как поразил Батрадз его мечом,
И голова Сайнага отлетела,
И рухнуло горой огромной тело.
Подумал нарт: «Предсказано недаром:
Меч собственный сразит Сайнаг-алдара».
Врагу отрезав ухо и десницу,
Чтоб с ними к нартам на ныхас явиться,
Он, радуясь удаче отомщенья,
Помчался быстро в нартское селенье.
Трофеи вражьи он везет с собой.
Вот пред Сатаной предстает герой:
«Смотри скорей на этот знак отмщенья —
Висит врага десница без движенья.
А вот, смотри, держу и вражье ухо».
Но молвила ему Сатана сухо:
«Скажи, какого пастуха убил ты?
Бессмертьем славен враг твой знаменитый,
И кто поверит вымыслу, что сразу
Сайнаг-алдар был поражен Батрадзом».
Батрадз сказал: «Я умолчал о том,
Что враг убит был собственным мечом».
И он поведал ей, как было дело.
Сатана же и слушать не хотела.
Потом, подумав, улыбаться стала
И так ему таинственно сказала:
«Коль завтра утром солнечное пламя
К нам ниспадет кровавыми столбами,
Коль ветер на село внезапно дунет,
Протягивая, как оленье слюни,
Седые нити вырванных волос
Сестер алдара, с капельками слез,

То мы поверим, что убил Сайнага
Стальной Батрадз, прославленный отвагой».
И впрямь, на утро солнечное пламя
Ниспало вдруг кровавыми столбами,
И ветер буйный над селом пронес
Седые нити с капельками слез.
Тогда Батрадзу молвила Сатана:
«Враг освящен, коль пал на поле бранном.
Таков обычай древний: не годится
Труп хоронить без уха и десницы».
И выполнил Батрадз ее совет,
В дорогу снова двинулся чуть свет.
Вот вскоре он примчался к месту боя,
Вздыхнув, взглянул на небо голубое,
С копьем, вонзенным в землю, рядом встал,
К копыю коня лихого привязал,
И, лишь закат покрылся позолотой,
Десницу с ухом он вернул с почетом.
А родственники павшего алдара
Готовились к ответному удару.
В боях не раз испытанные парни
Мстить кровнику считали делом славным.
Но вышел старец к храброй молодежи,
Предупредив их, что спешить негоже.
И молодежь совету старца внемлет:
«К копыю Батрадза, воткнутому в землю,
Пока не поздно отправляйтесь смело
И постарайтесь действовать умело.
Кто из земли копье достанет сразу,
Лишь тот способен поразить Батрадза.
А коль копье останется на месте,
Навек забудьте вы о кровной мести.
При всех стараньях и при всем упорстве
Батрадза не сломить в единоборстве».
И молодежь, волненья не тая,

Вмиг собралась у славного копья.
Как ни возились храбрецы с копьем,
И как они ни висли все на нем,
Копье стальное не качнулось даже
От всех усилий юношей отважных.
И молодежь уже ночной порой,
Кляня копье, понуро шла домой.
Вернулся и Батрадз в свое селенье,
Где ожидали нарта с нетерпеньем.
И после пиршества и игр обычных
С друзьями вышел он в поход годичный.
Тем временем родня Сайнаг-алдара
На храбрых нартох призывала кары.
И, столам оглушительным их внемля,
С небес спустились зэды все на землю.
Они алдара почитали другом
И смерть Сайнага встретили с испугом.
От гнева зэдов вдруг за солнцем ясным
Зажглось второе солнце светом красным.
Оно, Батрадзу предвещая смерть,
Окрасило кровавым светом твердь.

ГИБЕЛЬ СЕМЬИ СЫРДОНА

Сердца людей испуганно забились:
Два солнца вдруг на небе появились.
Лучи весь мир с двойною силой жгли.
Поднялся дым от выжженной земли.
И высохли источники и реки,
Как будто влаги не было вовеки,
И на ныхасе, в горе и печали,
Голодные смеяться перестали.
Казалось, все забыли об оружье,
О битвах славных и о кувдах дружных.
Испытывавший бедствие народ
Сам перерезал и поел свой скот.
В селеньях ни одной овцы не стало,
И опустели людные кварталы.
И лишь в горах, где громыхали льдины,
Один табун остался лошадиный.
И черная корова Урызмага
С тем табуном паслась в крутых оврагах.
Созырко славный средь отвесных скал
Последний скот в тени оберегал.
В одном квартале парни приуныли,
Жестокий голод выдержать не в силах.
Один голодный говорит другому:
«Кто нам мешает увести корову?»
Другой ответил: «Славная затея,

Но выполнить ее мы не сумеем.
Созырко, видно, дружит не с глупцами,
И вот завел он обруч с бубенцами.
И, как ни жаль, клянусь своею кровью,
Но этот обруч — на ногах коровьих.
Мы лишь тогда Созырко проведем,
Когда уснет он ночью крепким сном».
Сырдон подслушал этот разговор,
С ныхаса тихо он ушел, как вор.
И вот хитрец побрел тропинкой горной,
Чтоб выполнить свой замысел проворно.
С собой в дорогу мула взял Сырдон,
А для чего, об этом знал лишь он.
Пробрался он к пещере незаметно,
Нашел Созыра обруч он заветный.
Густою грязью бубенцы набил.
Так хитрого хитрец перехитрил.
Потом спокойно, в ожиданье мглы
Он спрятался за выступом скалы.
Пришел Созырко на ночной привал,
Табун в пещеру, как всегда, загнал,
Себе постель из сена приготовил,
А обруч привязал к ногам коровьим.
Лишь пастуха сковал глубокий сон,
Как перед ним уже предстал Сырдон.
И, не нарушив сон его здоровый,
Сырдон тихонько отвязал корову
И тут же ловко на ее копыта
Надел с подстилкой травяной арчиты,
А мула, приведенного с собой,
К ноге Созырко привязал травой.
И, тихо обойдя весь горный склон,
В село пробрался незаметно он.
А дома тайно, под ночным покровом,
Зарезал увиденную корову

И, чтоб едою сытной насладиться,
В котле поставил на огонь вариться.
А между тем голодная ватага
Парней, забывших доблесть и отвагу,
К пещере кралась в тишине ночной,
Чтоб замысел исполнить воровской.
Вот и пришли и, как лесные звери,
Обнюхали все уголки в пещере.
Мул длинноухий тер о стену спину.
И отвязали молодцы скотину.
Как будто покровительствуя краже,
Бубенчики не шевельнулись даже.
Покончив с воровством, ночные воры
В лесу дремучем очутились скоро.
И вот у разожженного костра
Попировать собрались до утра.
Но мула опознавши лишь сейчас,
Все поняли. В них злоба поднялась.
Не знали, что и делать, а пока
Намяли мулу бедному бока.
Кляня свое ночное приключение,
Голодными отправились в селенье.
Печальные сидели на ныхасе
И вспоминали свой поход злосчастный.
Созыр в тревоге прибежал. Кричал он:
«Друзья, корова в эту ночь пропала.
Как мне сказать об этом Урызмагу?
Как честь свою спасти мне и отвагу?»
Сырдон сказал: «Завидую я очень
Тому, кто овладел скотиной ночью.
Тот молодец, который взял корову,
Шашлык нажарил из добра чужого
И, примостившись где-то на закуте,
Теперь, наверно, жирный ус свой крутит»
Лишь он закончил, в это же мгновенье

У пастуха закралось подозрение.
По запаху, по салу на руках,
По хитрой речи и огню в глазах
Созырко понял, злобою пронзен,
Что вор — один, и этот вор — Сырдон.
И, воровским поступком оскорбленный,
Хотел тотчас напасть на дом Сырдона.
Но тут он вспомнил, что хитрец лукавый
Скрывал свой дом от правых и неправых.
Печальный, злой, с поникшей головой
Побрел Созырко горною тропой.
Вдруг он увидел, побледнев от злости,
Что пес Сырдона разгрызает кости.
Сообразив, что час настал желанный,
Собаку быстро он поймал арканом,
Веревкою он ногу обвязал
И войлочною плетью отхлестал.
Собака бросилась бежать, ворча,
Обвязанную ногу волоча.
Созырко шел за нею неуклонно,
И так дошел он до дому Сырдона.
Но лишь обидчика она узнала,
Как огрызнулась, злобно зарычала
И на пороге сторожем легла.
Нарт лук схватил — задела пса стрела.
И пес Сырдона, как избитый вор,
С протяжным лаем кинулся во двор.
Тогда вошел Созырко смело в дом,
Чтоб посмотреть, что происходит в нем.
Увидел он едою увлеченных
Трех сыновей лукавого Сырдона.
Пред мальчиками стол стоял простой,
А на столе — котел полупустой.
Тогда Созырко дверь прикрыл безмолвно
И мясо вынул из котла проворно.

А трех детей злосчастного Сырдона
Он изрубил мечом ожесточенно.
Кусками тел мешок набил он туго
И, завязав, забросил в дальний угол.
А мясо в шкуру завернул воловью
И дом покинул, обагренный кровью.
Сырдон же радостно домой шагал
И о проделке ловкой вспоминал.
Но дом его еще не так был близок,
Когда он был смущен собачьим визгом.
При свете дня иль в беспросветном мраке
Всегда тревожен визг и лай собаки.
И вот тропой давным-давно знакомой,
Как зверь к берлоге, кинулся он к дому
И, очутившись на своем пороге,
Застыл у двери в горестной тревоге.
Он не слышал ни возни, ни пенья
Своих мальчишек резвых, как олени.
«Чтоб вы пропали,— буркнул он ворчливо,—
Как без присмотра бросить дом могли вы?»
Вошел он в дом, искал детей напрасно,
Но вот решил он подкрепиться мясом.
Взял фыдис * он и опустил в котел,
Но даже кости мелкой не нашел.
Пар, что вздымался над очажной цепью,
Дразнил его, и он сказал свирепо:
«О, чтоб шататься вечно вам без крова!
Как вы могли одни сожрать корову?»
Но, в угол заглянувши на мгновенье,
Остановился он в оцепененье.
Заметил он мешок от крови красный,
Все понял сразу нарт Сырдон несчастный.
И выпал фыдис из разжатых рук,
Вмиг исказилось все лицо от мук.
Сырдон собрал куски трех мертвых тел,

В последний раз на них он посмотрел.
Очажный камень стал плитой могилы,
Детей своих под камнем схоронил он.
Но одного из сыновей десницу
Себе оставил, чтоб всю жизнь томиться
За то, что сам обрек детей на гибель.
И на деснице мертвой, на изгибе,
От кости лучевой до плечевой,
Из кос покойной матери родной
Он натянул двенадцать волосков.
И был фандыр излюбленный готов,
Фандыр из кости собственного сына,
Где струны — материнские седины.
И в первый раз во всем огромном мире
Над трупами сыграл он на фандыре.
И полилася песнь его живая,
Отцовское мученье изливая.
Растрогал так он нартовы души,
Что вся окрестность пенье стала слушать.
Всю глубину своей безмерной боли
Он отдал ветру и родному полю.
От боли той, из сердца исходящей,
Заплакали и звери в темной чаще.
Не знал Сырдон, как хист погибшим справить,
И он решил их песнею прославить.
Но вот Сырдон, оплакивая горе,
Покинул дом, и на ныхасе вскоре
Он заиграл на горестном фандыре
И так запел, как не певали в мире.
Кто не был в сердце хоть однажды ранен,
Тот не поймет сердечного терзанья.
И слушала земля его с тоскою,
Роняло слезы небо голубое,
На ветках птицы смолкли от печали,
И на цветах уж пчелы не жужжали.

И плакали, забывши все на свете,
Мужья и жены, юноши и дети.
И, истомившись от своих страданий,
Поняв значенье тяжких испытаний,
Сказали нарты бедному Сырдону:
«До нас дошли твои глухие стоны,
Ты наш по крови, и во имя мира
Будь вечно с нами со своим фандыром!
Ты изобрел фандыр, рожденный мукой,
Пусть внемлет мир его волшебным звукам!
Ты весь народ потряс своим страданьем,
Живи средь нас, будь нашим упованьем!
За наши боли ты скорбишь душой,
Где ж быть тебе, как не в семье большой».
В народной памяти навек осталось
Сырдона имя, пробуждая жалость.
И вот с тех пор известна стала в мире
Игра Сырдона на его фандыре.

СОЗЫРКО И КАРАДЗАУ

Зимою лютой нартовский народ
Терпел немало всяческих невзгод.
Ночами часто злые ветры выли,
Поля полны глубоким снегом были.
В ту зиму гордым скакунам пришлось
От голода есть собственный навоз.
Погиб еще недавно скот рогатый,
А ныне гибнет и табун богатый.
И на ныхасе нарты в дни печали
О бедствии народном рассуждали:
«От голода пропал наш скот рогатый,
Падет, должно быть, и табун богатый.
Как без коней свершать нам дальний путь?»
Тогда Сырдон решил их обмануть.
Нашел он где-то средь отвесных скал,
У теплого источника фасал *.
Большой пучок сорвал и напоказ
Торжественно принес он на ныхас.
С насмешкою сказал он: «Что случилось?
Иль в головах у нартов помутилось.
Табун ваш погибает, вы ж — в покое.
А рядом пастбище лежит большое,
За Уарыппом, где берет начало
Большая степь, покрыто все фасалом.
Там есть, должно быть, и другие травы.

Где ваш табунщик? Удивляюсь, право.
А, впрочем, нечему и удивляться,
Табунщики чужой земли боятся».
Созырко был обижен этим словом,
Он тотчас же от крова и до крова
С таким призывом по селу прошел:
«Кто только знает в конном деле толк,
Пусть смело выгоняет лошадей
На пастбище, в табун наш поскорей».
Обрадовались нарти, как бывало,
Своих коней сгоняли исхудалых.
За дело нартот принимаясь пылко,
Весь свой табун собрал тогда Созырко,
И двинулся за Уарыпп он смело.
Глаза слепило от сугробов белых.
Созырко гнал табун свой исхудалый,
И пастбище увидеть ожидал он.
Но даже травки не было в помине,
Лишь снег кругом, да лед, как небо, синий.
Нарт изнемог, замерз, проголодался,
И лишь тогда он только догадался,
Что он обманом завлечен был в горы.
Но возвращаться он считал позором,
Он вел табун, на голод обреченный.
Снег разрывал и проклинал Сырдона.
Когда листву под снегом находил,
То ею он своих коней кормил.
А в это время нарт Сырдон лукавый
Быстрее ветра мчался к Карадзау.
Уже давно он слышал от людей,
Что тот был всех богатырей сильней.
Силач заметил всадника со склона
Горы крутой и встретил благосклонно
Немедленно освеживал барана
И приготовил сам шашлык румяный

Но, несмотря на ласковый прием,
Сырдон не шел в гостеприимный дом.
И Карадзау молвил: «Что с тобою?
Иль стол мой слишком скуден для героя?
Иль горькая беда стряслась с тобой,
Что чаши не касаешься рукой?»
Сырдон сердитый отвечал с досадой:
«О может ли еда доставить радость,
Могу ль о ронге думать ныне я,
Когда Созырко оскорбил меня.
Коль был бы ты обидчика сильней,
Пригнал бы вмиг табун своих коней
И, выбрав быстроногого коня,
Догнал Созырко на исходе дня
И голову ему бы отрубил.
Тогда б тебя я отблагодарил».
И он помчался, не взглянув на дверь,
Злой и голодный, словно дикий зверь.
А Карадзау оседлал коня,
Помчался в поле, скакуна гоня.
Летел к Созырко на единоборство,
Хотел сломить он нартское упорство.
Он самого Созырко и не знал,
Но многое о нем уже слышал.
Вот он объехал первый горный склон,
Виднелись здесь дубы со всех сторон.
За Уарыппом встретиться пора.
Вот едет он, громадный, как гора,
Деревья топчет, ветки обрывая,
Пыль снеговую за собой вздымая.
Созырко наблюдал издалика,
Как подымались пыли облака.
Он испугался за своих коней
И понял сразу, что пред ним — злодей.
«А вдруг он мчится, голодом влеком,

Сожрет меня он вместе с табуном». От страха он на дерево залез, Оттуда смотрит на шумящий лес, За всадником он сверху наблюдает И видит, как зловещий меч сверкает. Вдруг ураган пронесся над горами, Деревья ветер вырывал с корнями, И было очевидно, что напасти Исходят только из огромной пасти. То — Карадзау грозного дыханье, Что в людях вызывало содроганье. Но вот остановился Карадзау И посмотрел налево и направо. Табун был здесь, табунщика же нет. Тогда, желая услышать ответ, Он крикнул: «Эй, откликнись, отзовись, Коль жив, не бойся и ко мне явись». Не знал Созырко, как и поступить. Не откликаться — значит, честь забыть. Тогда он закричал: «Но коль не вор ты, Ужели к нам пришел из царства мертвых? Ты испугал табун мой исхудалый, Я с ним и так намучился немало, Выискивая травы средь сугробов». Тот засмеялся и сказал без злобы: «Слезай-ка, друг мой, с дерева скорей. Чей ты табунщик? Чьих пасешь коней?» «Я охраняю нартровский табун, Табунщик, проклиная судьбу. А ты кто будешь? По лицу — герой. Куда летишь в ненастный день такой?» И Карадзау отвечает гордо: «Лечу к Созырко, прямо через горы. Его хотел бы вызвать я на бой. Поведай мне, что это за герой,—

Силен ли очень и с кого он ростом,
Сражается лукаво или просто?»
С притворным страхом тот ему ответил:
«Сильней его не встретишь ты на свете,
Пред ним на птичку будешь ты похож,
При встрече с ним кого не бросит в дрожь».
«Пусть он могуч. Но чем же он силен
И чем, скажи, меня храбрее он?
Куда свою он силу направляет
И чем свою отвагу проявляет?»
Созырко молвил: «В нем такая сила,
Что многим путь к победе преградила.
Любого силача берет он меч
И просит голову себе отсечь».
Со смехом Карадзау отвечал:
«А ну-ка, ты руби меня с плеча,
Прикинься на минуту силачом
И испытай меня своим мечом».
И, быстро вынув нарта меч из ножен,
Сказал спокойно: «Действуй осторожно.
Меня ты можешь им разить без страха,
Но лишь себя не изувечь, вояка».
Схватил Созырко меч свой закаленный
И рубанул по голове склоненной.
Но Карадзау и не вздрогнул даже,
Проговорил он: «Я тебя уважил.
Теперь, надеюсь, о своем Созырко
Сказать ты сможешь: «Уж не так велик он»».
Созыр дивился силе Карадзау,
И, поразмыслив, так ему сказал он:
«Созырко часто открывает рот
И говорит: «Стреляй в него, народ!»
От стрел каленых воинов отважных
Во рту не сыщешь и царапин даже».
Подумав, Карадзау молвил вслух:

«Прошу тебя, не поленись, пастух,
И стрелами, я не веду им счет,
Рази меня бесстрашно прямо в рот».
Немало стрел пустил Созыр. И что же,
Ему царапин нанести не может,
Ломаясь, стрелы падали в канаву.
Тогда спросил Созыра Карадзау:
«Скажи, пастух, раз встретился со мною,
Еще чем славен ваш хваленый воин?»
Созырко, скрыв немое изумленье,
Отвечил так: «Он славится терпеньем.
Хвалясь своим могуществом телесным,
Он у скалы становится отвесной,
И вот, поставив под удары спину,
Он просит самых крепких исполинов
Кидать с горы огромные каменья,
А сам стоит, как глыба, без движенья.
Вот так силен Созырко, воин ратный,
Непобедимый воин, гордость нартов».
Ответил Карадзау: «Вот веселье!
Ну что ж, от нас недалеко ущелье.
Я стану тоже у скалы отвесной,
И ты, коль силой наделен телесной,
Влезь на скалу и вниз кидай каменья,
А я спокойно встречу нападение».
Он спешил, коня за гриву взял
И к дереву большому привязал,
А сам, смеясь, горé подставил спину.
Созырко влез тотчас же на вершину
И, выворачивая глыбы скал,
На Карадзау их с трудом бросал.
Грохочут камни, вниз несутся с треском,
И над ущельем пыль встает завесой.
Под камни, что с горы летели вскачь,
Со смехом спину подставлял силач.

И глыбы те, что на вершине были,
Теперь взметались тучей серой пыли.
А Карадзау говорит Созырко:
«Поведай, мальчик, чем еще велик он?
Какие есть достоинства у нарта
И чем еще чудесен и богат он?»
Созырко испугался: «Что за чудо
И что за сила эта и откуда?»
Но он сказал: «Нет, он тебя сильнее,
Раз в тысячу мудрее и храбрее.
Кидает хворост он в пучину вод,
Потом, раздевшись, в озере плавает.
Всю ночь проводит там он, а когда
Вода покроется корою льда,
Он на своих плечах выносит лед
И хворост вместе с рыбою несет.
Вытряхивает рыбу он для нартов,
А лед и хворост — в озеро обратно».
Тут Карадзау в чашу побежал,
С корнями вырывать деревья стал,
Запасся быстро ветками большими
И озеро наполнил сразу ими.
Когда оно наполнилось ветвями,
То Карадзау влез в него, как в яму,
По самый подбородок влез он в воду.
И оба обратились к небосводу:
«О бог богов, вершитель дел земных!
Ты выслушай просителей своих.
Все зимние морозы собери
И эту ночь ты ими одари,
Чтоб злой мороз сковал бы все кругом,
Чтоб озеро покрылось толстым льдом».
Никто из них не знал, как и откуда,
Но в ту же ночь свершилось это чудо.
Мороз таким ожесточенным стал,

Что льдом железным озеро сковал.
И весь почти табун тогда замерз,
Спастися коням немногим удалось.
Но лишь лучами засиял восход,
Как Карадзау поднимать стал лед.
Хоть от напора плеч его могучих
Земля дрожала, разгонялись тучи
И затрещала льдина по краям,
Но вырваться никак не мог он сам.
За ним, смеясь, Созырко наблюдал.
Он Карадзау бедному сказал:
«Ну что, силач, как видно, ты смущен.
Что возишься ты, коли так силен?
Ведь ты могуч, так что ж не лезешь кверху?
Иль, может быть, ты влез туда для смеха?
На что надеялся, когда шел к нартам,
Домой вернуться думал ли обратно?»
И лишь теперь все понял Карадзау,
Узнал Созырко и забыл про славу.
Остаток сил морозу отдавая,
Стоял во льду он, быстро замерзая.
Тогда схватил Созырко меч свой славный,
Приставил быстро к горлу Карадзау,
Но меч не резал, точно стал тупее,
Не срезал даже волоска на шее.
Тут Карадзау молвил сгоряча:
«Нет смерти мне без моего меча.
Не мучь же зря, мой меч возьми скорей,
Моим мечом меня же и убей.
Умом силен, но все же слаб ты силой.
Когда бы мощь моя в тебе бурлила,
То был бы ты вовек непобедимым.
Когда убьешь меня, будь терпеливым,
Мозг позвоночника ты теплым вынь
И повяжись, как поясом, ты им.

И передастся сила от меня
К тебе навеки. Так желаю я».
Взмахнул тогда его мечом Созырко,
И враг упал, лицом ко льду прикинув.
Мозг позвоночника Созырко вынул,
И опоясаться собрался им он,
Но вдруг подумал: «В спешке толку нет,
Быть может, враг коварный дал совет».
И чтоб ему все стало сразу ясно,
Вмиг вражьи́м мозгом дуб он опоясал.
И на две части раскололся дуб,
И на́земь повалился он, как труп.
К другому дереву он подошел,
И пополам переломился ствол.
Футляр тогда Созырко смастерил,
И, как стрелу, в него он мозг вложил,
И вместо памятника дорогого
Воткнул он меч у берега крутого.
На меч он череп насадил врага,
Чтоб труп найти, когда спадут снега.
Тут на коня врага вскочил герой,
Помчался быстро радостный домой.
Оставшихся от табуна коней
Погнал с собой, несясь ветров быстрее.
Несется нарт, табунщик молодой,
С веселым присвистом к себе домой.
Приехал он, и славный конь зафыркал.
А дома песню затянул Созырко.

СОЗЫРКО И СЫН АЛБЕГА ТОТРАДЗ

Давно в семье Албега сына ждали.
Муж и жена о первенце мечтали,
Но первенца им бог не посылал.
Но вот однажды весь народ узнал,
Что нарт Албег отцом счастливым стал
Рожденье сына, вызвав удивленье,
Обрадовало нартское селенье.
И кувды длились целую неделю.
Новорожденного все захотели
Увидеть сами. Имя выбирали.
И вот Тотрадзом мальчика назвали.
Созырко, возвратившись из похода,
О новости услышал от народа.
Задумался он и промолвил так:
«Нет, то не сын Албега-старика,
Родить дитя старуха не могла.
Чьего ж младенца сыном нарекла?
Албег, должно быть, хитрость замышляет,
Меня коварно погубить желает.
Албег меня в бою не победит,
Он мне теперь противника растит».
И вот Созырко выразил желание
Устроить вскоре в играх состязанье.
Глашатая отправил к нартам он,
Был нартовский народ оповещен:

«Через одну неделю, утром ранним,
Пусть соберутся нарты на поляне
По одному от каждого жилища
В вооруженье, подкрепившись пищей.
А кто бойца не сможет снарядить,
Ребенком должен будет уплатить».
И нарты, получив тот вызов странный,
Собрались вмиг для игрищ на поляну,
Чтоб силами помериться своими.
Созырко появился вслед за ними,
Он поскакал на скакуне вперед,
Окинул взглядом нартово́ский народ.
Картина игрищ воину знакома:
Сюда собрались по бойцу от дома,
Как полагалось, в полном снаряженье.
Сверкают шлемы от лучей весенних,
Мечи горят и рассыпают искры.
Созырко поле игр объехал быстро,
Весь нартово́ский народ он обошел,
Албегова посланца не нашел.
Албега самого уже не стало,
Вдова лить слезы не переставала.
А сын ее, младенец трехнедельный,
Лежал еще в плетеной колыбели.
Старуха-мать слезами залилась
И с колыбели не сводила глаз,
Скрыть не могла отчаянье свое.
Тогда спросил младенец у нее:
«Зачем печаль в твоём угасшем взоре?
Зачем со мной не делишься ты горем?»
«Пусть жертвою я буду за тебя,
Родимое, любимое дитя!
По одному от каждого жилища,
В вооруженье, подкрепившись пищей,
Сегодня все бойцы должны собраться,

Чтобы в стрельбе и играх состязаться.
А кто не сможет вóвремя прибыть,
Себя обязан будет заменить
Своим ребенком, чтоб, не ждя спасенья,
Ребенок тот служил стрелкам мишенью».
Младенец молвил матери своей:
«Не плачь, о лучшая из матерей,
Свой род вовек не дам на поруганье».
Мать отвечала мальчику рыданьем:
«О если б ты, младенец мой прекрасный,
Был юношей, я не была б несчастной,
Не плакала бы горько пред тобой».
Тут маленький Тотрадз одной рукой
Сломал мгновенно доски колыбели,
Они и скрипнуть даже не успели.
Поднялся он и мать свою спросил:
«О неужель отец мой не носил
Оружия и не имел коня?
Они б спасли в тяжелый час меня».
Ответила взволнованная мать:
«Не раз водил отец твой в битву рать.
Оружия у нас запас большой,
И в подземелье спрятан конь лихой.
Спустись к нему, о солнышко родное,
И пусть тебя ничто не беспокоит.
А в комнате отцовские доспехи,
Возьми любые, там не мало всех их».
Спустился в подземелье он впервые
И под уздцы коня лихого вывел,
Пошел к реке, шумевшей среди скал,
Коня он быстро в волнах купал,
Отцовское оружие вынес он,
Как воин, был теперь вооружен.
Когда Тотрадз готов уж был к дороге,
Родная мать предстала на пороге.

«Свет сердца моего,— ему сказала,—
Будь осторожен, ты ребенок малый».
Тотрадз ответил матери своей:
«Коль мой отец был всех других смелей
И гарцевал на взмыленном коне,
Постыдно будет быть трусливым мне».
И вот Тотрадз стегнул коня слегка,
И конь помчал его под облака.
Там, в вышине, он птицей покружился
И вскоре вновь на землю опустился.
Увидя мать, сын молвил напоследок:
«Взгляни, достойный пред тобой наследник?»
Сказала мать: «О солнышко родное,
Ты можешь ехать, ты рожден для боя.
По ловкости твоей, считаю я,
Достоин ты отцовского коня.
Уастырджи да будет век с тобой,
Чтоб, победив, вернулся ты домой!»
Дотронулся он до коня слегка,
И конь его помчал под облака.
Летел он над полями в синей дали.
Коня Албега нарты опознали,
Но всадника никто не мог узнать.
«Кто этот всадник?» — начали гадать.
Пока велись все эти разговоры,
Тотрадз спустился к ним по кособогу.
Спустился он в вооруженье полным,
Насмешливый, веселый и задорный.
Оружья блеск всем им слепил глаза.
Встав пред Созырко, он ему сказал:
«Так это ты — Созырко знаменитый,
Врагов не раз одолевавший в битвах?»
«Да, я Созырко», — отвечал герой.
«Албега сын стоит перед тобой.
К тебе явился я не без причины:

Другого нет в роду у нас мужчины,
Вот потому к тебе приехал я».
Созырко же сказал своим друзьям:
«Попарно надо мерить наши силы».
И лишь Тотрадзу пары не хватило.
Тогда Созырко он сказал: «Герой,
С тобою будем в паре мы одной».
Созырко гневом вспылал мгновенно,
Юнцу Тотрадзу отвечал надменно:
«Смеешься надо мной, молокосос,
О, как бы вскоре ты не пролил слез!
От материнских ласк ты не отвык,
Младенческий еще ты помнишь крик».
Тотрадз вскричал: «Начнем единоборство!»
Не мог Созырко победить упорство,
И, выполняя дерзкое желанье,
С противником вступил он в состязанье.
Бой между ними вскоре закипел,
В нем каждый доблесть показать хотел.
Тотрадз к Созырко быстро подскочил,
Его кольчугу в ярости пронзил,
И не успел опомниться нарт смелый,
Как на копье противника висел он.
Так день прошел в невыносимых муках.
Но хоть Созыр не произнес ни звука,
Признал он все же вражье торжество.
И вырвалось признание у него:
«Спусти меня на землю, а потом
Чини свой суд над сдавшимся врагом.
Во имя бога милостивым будь,
Дай на мгновенье мне передохнуть»
Тотрадз его на землю опустил
И в землю твердую копье вонзил,
И предложил Созырку сгоряча:
«Испробуем-ка силу на мечех».

Созырко так противнику сказал:
«Ты на копье весь день меня держал.
Теперь тебе, конечно, нипочем
Усталого сразить своим мечом.
Для отдыха мне дай недельный срок.
А что вернусь, даю тебе зарок.
Через неделю встретимся мы снова
И вступим в бой, жестокий и суровый».
Тотрадз согласие дал. Был бой отсрочен,
На этом поединок был закончен.
Они вскочили на своих коней,
Разъехались и скрылись средь степей.
Созырко удручен бедой неожиданной.
А дома встретила его Сатана,
Подробно расспросила обо всем:
«С каким, родной, ты встретился врагом?
Что побледнел и стал неузнаваем?
Поведай мне, какой тоской снедаем?»
«Все расскажу я о своем позоре.
На состязанье вышел мне на горе
Албега желторотый сосунок,
Что силой храбрых удивить бы мог.
Он поднял на своем копье меня,
На нем висел я до исхода дня.
И обратился я к нему с мольбой,
Он согласился и отсрочил бой.
Недельный срок он дал мне для того,
Чтоб, отдохнув, я встретить мог его
В условный час на прежнем поле бранном».
Ответила тогда, смеясь, Сатана:
«Какая же причина для печали?»
И не таких мы недругов встречали.
Тотрадза конь был дьяволом испорчен,
Он до смерти боится шкуры волчьей,
Боится он и звона бубенцов.

Когда ты будешь к выезду готов,
Ты волчью шкуру на коня повесь,
И в бубенцах пусть будет конь твой весь.
На поле игрищ ты устрой засаду,
Не отвечай, хоть враг и будет рядом,
А постарайся, чтоб при встрече сразу
Ты оказался за спиной Тотрадза.
И ты увидишь, что случится с ним,
С противником прославленным твоим».
Созырко в день назначенный явился
На поле игрищ раньше, притаился
И терпеливо ждал врага в засаде.
Тотрадз пришел и оказался сзади.
«Созырко! — крикнул он. — Куда девался?
Иль ты единоборства испугался?
Коль не придешь к назначенному сроку,
То посрамишь ты честь свою жестоко.
Бог проклял тех, кто совесть потерял».
На этот крик Созырко промолчал:
Пускай напрасно тот его зовет.
Когда противник выехал вперед,
Стегнул Созырко своего коня
И стал уже Тотрадза догонять.
Тотрадза конь, несясь среди лугов,
Услышал звук звенящих бубенцов.
Когда ж почуял волчьей шкуры запах,
Еще быстрее помчался с диким храпом,
Встал на дыбы, отчаянно заржал,
Быстрее птицы мальчика помчал.
Тотрадз все удила уже порвал,
Но дикого коня не удержал.
Тогда со злости, выбившись из сил,
Он ловко за уши коня схватил.
Он все усилья прилагал в тревоге,
Чтоб конь его не сбросил по дороге.

Созырко же настойчиво, умело,
Тотрадзу вслед пускал стальные стрелы,
Пока несчастный головою вниз
На лошадиной шее не повис.
А конь летел, безумный и шальной,
Тотрадза мертвым приволок домой,
Остановился во дворе открытом,
Стал громко ржать и бить своим копытом.
Когда же мать то ржанье услышала,
Заплакала она, запричитала:
«Кровь пролилась, осиротел мой род».
А во дворе скакун безумный ржет.
Конь ударяет о порог копытом.
О, горе матери, тоской убитой!
Тут сыну мать западз соорудила
И труп, рыдая, в нем похоронила.

СОЗЫРКО И ЧЕЛАХСАРТАГ

Однажды нарты пировали долго,
Шашлык горячий запивали ронгом.
Седые старцы — на почетном месте;
Как гость и чужестранец с ними вместе
Челахсартаг, сын Хиза — гордый воин,
Веселый, бравый и, как тополь, стройный.
Присутствовал, конечно, и Сырдон,
Сегодня — первый пивочерпий он.
Хозяйка щедрая из кладовой
Напитки шлет с обильною едой,
И пиво черное, что всех пленяет,
И ронг, что незаметно опьяняет.
Едою переполнены столы,
Здесь курдюки и целые волю.
Неделю пир, не прекращаясь, шел,
От буйной пляски сотрясая пол.
Мир радовался песням их веселым.
И птицы пели, и жужжали пчелы,
Дубы ветвями тихо шелестели,
И водопады звонко песни пели.
От нартских плясок взволновалось море,
И скидывало волны на просторе,
И до небес подбрасывало их.
Донбетры вышли из глубин морских,
На танец нартов издали смотрели,

Внимая звукам радостным свирели.
И выкатилось солнце золотое,
Оно остановилось над землею
На полпути, залюбовавшись пляской,
Мир обжигая огненной лаской.
Сын Бардуага, словно на коне,
Явился на дубовой бороне,
Разбрасывая пригоршнями искры,
Над нартами кружился в небе чистом.
Все разузнать Курдалагон успел
И на огромном молоте слетел.
Он молотом стучал по наковальне,
Тот стук был слышен и в округе дальней.
Явился к ним Уастырджи могучий,
Он разогнал сгустившиеся тучи.
Быстрее ветра мчался в поднебесье
Под звуки танцев нартовских и песен.
И пляской нартов любовались зэды
И им улыбки посылали с неба,
В ладоши били, удивлялись статным
Красавицам — подругам смелых нартов,
Они за молодежью наблюдали,
Участья же в игре не принимали.
А молодежь и пела, и играла,
И танец свой любимый танцевала.
И старики довольны были пиром,
Усы свои, лоснящиеся жиром,
Поглаживали, чаши поднимали,
За Урызмага тост провозглашали.
Нарт взял фандыр свой и запел протяжно:
«Пусть молодежь нам мужество покажет.
Кто всех прекрасней с копьями станцует
И кто Созырко победит, ликуя,
Тому к успеху будет путь открыт».
Челахсартаг, сын Хи́за, говорит:

«Открыто нартам я хочу сказать:
Надеюсь я Созырко обыграть,
И я его на пляску вызываю».
Тогда Созыр, улыбки не скрывая,
Из-за стола ему ответил так:
«Сын Хиза, нартский гость Челахсартаг,
Начнем мы пляску старикам в угодую,
Покажем силу, ловкость пред народом.
Ловчее кто станцует и живей
И кто из нас окажется сильней,
Пусть старики и молодежь рассудят,
Решенье их для нас законом будет.
Наш Урызмаг, что славен в нартском мире,
Играет пусть сегодня на фандыре,
А молодежь пускай в ладоши бьет.
Но ты скажи, сын Хиза, наперед,
Коль выиграю я, к твоей досаде,
Подумал ли ты о моей награде?»
Сын Хиза, доблестный Челахсартаг,
Ответил на вопрос Созырко так:
«Коль выиграешь ты, огненноокий,
Не будешь больше жить ты одиноким,
Тебе сестру Бедуху я отдам,
Счастливой жизни пожелаю вам».
«Да будет так,— сказал Созыр,— согласен.
Я верю в то, что танец твой прекрасен.
Коль скажут судьи, к радости твоей,
Что ты танцуешь лучше и живей,
То, не жалея о твоём успехе,
Тебе отдам я все свои доспехи,
Бидаса шлем *и Церека кольчугу *,
Носи тогда их, вспоминая друга».
«Огненноокий нарт, да будет так.
Согласен я,— сказал Челахсартаг.—
Обманывать не стану нартов я.

Тому порукой будет честь моя».
И тотчас вышел он из-за стола.
Уверенность Созырко возросла,
Он рукава повыше засучил,
К Челахсартагу сразу подскочил.
Друг против друга стали оба дружно
И затянули пояса потуже,
Колчаны перекинули за плечи,
Как будто приготавливаясь к сече.
А Урызмаг фандыр настроил свой,
Чтоб удивить весь мир своей игрой.
Был сыну Хиза нартом вызов брошен.
И молодежь ударила в ладоши.
Созырко в пляс пустился огневой,
Смеясь задорно и гордясь собой,
На стол поднялся на носках легко,
На пальцах ног взлетая высоко.
Народ следит за пляской с восхищеньем,
В глазах рябит от быстрого движенья.
Скользит, как лебедь, он по краю чаши,
И крошки хлеба, к удивленью старших,
Он со стола, танцуя, не роняет,
И капли ронга он не проливает.
Закончив танец под фандыра звон,
На место молча опустился он.
Тогда Челахсартаг пустился в пляс,
Сын Хиза, бравший первенство не раз.
Он завертелся на носках так ловко,
Что восхитил пирующих сноровкой,
Без устали вел танец гордый свой.
Он плавно неся, сделав круг большой,
То, как стрела, взлетал он высоко,
Как будто силой неземной влеком,
То, изгибаясь, в небо он стремился,
То, словно птица раненая, бился,

То падал он на землю вдруг ничком,
То, встав, вертелся бешено волчком.
Но вот, на стол забравшись, над столом
Он закружился вдруг веретеном.
Но стол не шелохнулся от толчка,
И крошки не упало со стола.
Тут молодежь, дыханье затаив,
Из ножен вынула мечи свои,
И он плясал на остриях мечей,
Свет излучался из его очей.
Танцора нарты тут остановили
И вновь за стол с собою усадили.
Старейшие решили на ныхасе,
Что каждый был по-своему прекрасен.
У всех старейшин расходились мнения,
Кому отдать, не знали, предпочтенье.
И у хозяйки после споров долгих
Потребовали все нартацамонгу.
Нартацамонгой называлась чаша,
Знакомая далеким предкам нашим.
Она все знала, был ей мир понятен,
Она показывала правду нартам.
Коль правду пьющий говорил, она
Бурлила ронгом, как в морях волна.
От лживых и неискренних речей
Напиток делался спокойным в ней
И постепенно в чаше высыхал.
Сырдон сметливый это свойство знал.
И вот до кувда, затаив тревогу,
Наполнил чашу не одним он ронгом.
Туда лягушек, ящериц и змей
Он накидал, самой лисы хитрей,
И чашу ту своими же руками
На стол поставил перед стариками.
Танцорам же совет он дал коварный:

«Кто протанцует танец этот славно
С нартацамонгой над своей главой
И не прольет ни капельки одной,
Того мы назовем лихим танцором,
Тогда конец наступит всяким спорам».
Все право первенства Созырко дали.
Он чашу взял, не ведая печали,
На стол взлетел он плавно и легко
И закружился на столе волчком.
Но все ж пред окончаньем незадолго
Он пролил на пол две-три капли ронга.
Окончив танец, под фандыра звон
На место плавно опустился он.
Тогда Челахсартаг пустился в пляс,
Сын Хиза, бравший первенство не раз.
Привел он снова нартов в восхищенье.
Но самое большое изумленье
Он вызвал тем, что, стоя на краю
Стола, из чаши вытащил змею,
И бросил он ее в Созырко смело,
Схватив лягушку скользкую умело,
Он в грудь Созырко запустил тотчас,
Вслед ящерицу кинул он, смеясь,
Созыру прямо в лоб она попала.
Всех нартов это страшно удивляло.
Челахсартаг закончил танец свой,
Не пролив ронга капли ни одной.
«Скажите, старшие,— он так сказал,—
На этот раз кто лучше танцевал?
Коль побойтесь вы Созырко снова
И правды не объявите суровой,
Ему, Созырко, оказав почет,
Средь бела дня погибнет нартский род!»
Но старцы успокоили его:
«Сын Хиза славный, празднуй торжество.

Ты первенство, конечно, заслужил,
Мы признаем, твой танец лучшим был».
Созырко так сказал Челахсартагу:
«Ну, хорошо, цenia твою отвагу,
Свои доспехи вынесу тебе;
Узнаешь копь, на зло моей судьбе,
Кольчугу Церека, тебе отдам».
«Неси ее,— сказал сын Хиза,— к нам».
К себе домой помчался вмиг Созырко,
Принес доспехи, как для поединка,
И под ноги их бросил сыну Хиза.
Противнику не посылая вызов,
С улыбкою назвал врага он другом,
Подумал: «Пусть найдет свою кольчугу».
И так сказал: «Вот все мои доспехи.
Свои найди-ка для моей утeхи».
Челахсартаг внимательно взглянул
И каждую кольчугу повернул,
Но Церека кольчуги не нашел,
Хоть осмотрел доспехи хорошо.
Он растерялся и развел руками,
И от досады вспыхнул, словно пламя.
Тогда Сырдон, объятый чувством мести,
Сказал ему: «Созыр не знает чести,
Тебя обманет для своей потехи,
И никогда он не отдаст доспехи.
Подумай лучше о моем совете:
Ты оседлай авсурга на рассвете
И день начни ты кличем боевым:
«Кольчуга, будь соратником моим!
Спешу на битву я, и конь мой взвился,
Тебя носить достойный появился».
И лишь услышит голос твой кольчуга,
Как прилетит она к тебе, как к другу.
Бой для нее — простор небес для птицы,

Вот почему на клич она примчится».
Сын Хиза вспомнил о благом совете
И появился в поле на рассвете.
Он громко крикнул: «Выхожу я в бой,
Кольчуга, появись передо мной.
Будь верным мне соратником и другом!»
Зашевелилась Церека кольчуга
И, пламенные искры испуская,
Приблизилась к избраннику, сверкая.
Челахсартаг подставил ей копье,
Как птица, села та на острие,
К нему приникла, звеньями звеня.
Тогда Челахсартаг, хлестнув коня,
Домой помчался. Конь храпел и фыркал.
Ему вдогонку полетел Созырко.
Он вслед пускал отточенные стрелы,
Но беглеца настигнуть не успел он.

ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ ХИЗА

Челахсартаг, забывши все на свете,
Ворвался в крепость, словно буйный ветер.
Тогда Созырко повернул обратно
И клич тревожный подал храбрым нартам:
«Сын Хиза в крепость ускакал к себе,
Скорей готовьтесь к яростной борьбе!»
Но нарты не откликнулись на зов,
В походе было большинство сынов
За Уарыппом, далеко от дома.
Тогда Созырк позвал к себе на помощь
Ту молодежь, которая осталась.
Средь них немало храбрых оказалось.
И Сауá, и Арахцú, герои,
Уже давно готовы были к бою.
Вся молодежь уверенно и лихо
Шла под командой молодого Джиха.
Сказал Созырко: «Нартская отвага
Поможет нам сразить Челахсартага.
Но выйдем в бой с условием одним:
Мы изловить должны его живым.
Пока его кольчуга бережет,
Его и смерть, пожалуй, не возьмет».
Промолвил Сауа: «Однако в плен
Возьмем его среди его же стен».
И двинулись тогда в поход герои
На крепость Хиза с песней боевою.

Позвал Сауа товарищей своих,
Поднялся на вершину гор крутых.
А Джих и Арахцу к реке спустились,
На берегу в кустах расположились.
И в зарослях, у светлых вод жемчужных
Засел Созырко, спрятавши оружие.
Когда ж лучи рассвета утром ранним
Над крепостью рассеяли туманы,
На приступ нарти бросились, всем войском
Сражались с неприятелем геройски.
Кидали камни со скалистых гор,
Но выдержала крепость их напор.
Тогда сказал им старый Урызмаг:
«С ней силою не справиться никак,
Но коль объединятся ум и сила,
Тогда врагам придется лечь в могилу».
Созырко согласился с Урызмагом,
Что надо ум соединить с отвагой:
«Теперь придется действовать обманом.
Я притворюсь пред ними бездыханным,
А вы начните смело наступленье.
И победим мы, в этом нет сомненья».
Тут нарти кинулись на крепость Хиза,
Бросая осажденным дерзкий вызов.
Они камнями крепость забросали,
Покая осажденным не давали,
Бойцов Челахсартага убивали
И постепенно войско ослабляли,
Твердыней Хиза овладеть желая.
Тем временем Бедуха молодая,
Которой надоело хорониться,
Со страхом выглянула из бойницы.
И увидала, что в траве густой
Лежит недвижно воин молодой.
Копье его вонзилось в землю криво,

Меч обнаженный брошен сиротливо,
Чуть дальше — щит, он не помог в беде,
А черный шлем покоем в воде.
Тогда она сказала громко брату:
«Пой и пляши, убит твой враг заклятый!»
Челахсартаг готов был петь от счастья,
Сказал сестре он: «Кончились напасти!
Хотел кольчугу он отнять в бою,
А кончил тем, что отдал жизнь свою.
Знак милостивый этот явлен богом,
Враг мертвым пал у нашего порога,
Созыр отважный ныне недвижим,
Его войска погибнут вместе с ним.
Но смелый воин был всегда смышлен,
Быть может, мертвым притворился он
И думает сыграть на мнимой смерти.
Возьмите накалите длинный вертел.
Пусть два иль три отборных молодца
Потрогают им ногу мертвеца
И вертел тот сумеют так вонзить,
Чтоб костный мозг я мог бы положить
Перед собой, тогда пойму, конечно,
Нашел ли враг покой свой вековечный».
Два воина к Созырко подошли,
Над ним, дрожа, склонились до земли
И по приказу грозному, смущенно,
Вонзили в ногу вертел раскаленный.
Созырко же не шевельнулся даже,
Боль страшную он перенес отважно,
Не дрогнул мускул на его лице,
Как он не дрогнул бы на мертвеце.
А сам следил тайком из-под ресниц
За взглядами над ним склоненных лиц.
На их жестокосердную потеху
Он про себя врагам ответил смехом.

Но вот они свой раскаленный вертел
И костный мозг, как верный признак смерти,
Доставили тому, кто их послал,
Кто их с большой тревогой ожидал.
Лишь Хиза сын взглянул на костный мозг,
Затрясся он и пожелтел, как воск.
Сказал он им, преодолевши страх:
«Обманывает нас коварный враг.
Ведь этот мозг принадлежит живому,
Враг жив еще, я вижу, что здоров он».
Тут молвила красавица Бедуха:
«Не воин ты, а жалкая старуха!
О горе мне, что трус в семье моей,
Что вражий труп тебе врага страшней.
Когда Созырко видел ты воочью,
То от него бежал и днем, и ночью.
Когда ж, всадивши вертел раскаленный,
Мозг вытащили, кровью обагренный,
То нарт лежал, как камень, молчалив.
Подумай-ка, ну если б враг был жив,
Как мог не вздрогнуть, не пошевелиться?
Твоим словам нельзя не подивиться.
Как может он лежать еще живой!
Не жди его, непризнанный герой.
Пора уже ворота открывать,
Не заставляй нас без толку страдать,
К источнику стада пусти скорей,
От голода спаси своих коней,
А тело окаянного злодея
Вели бойцам нести сюда скорее.
На голову надень Бидаса шлем
И острый меч возьми того, кто нем.
Сильнейшим в мире будешь ты тогда
И не лишишься чести никогда».
С сестрою согласившись, подал знак

Ворота распахнуть Челахсартаг,
Людей и скот он выпустил наружу,
Сел на коня и, взяв с собой оружие,
Из крепости, как ветер, полетел он
К источнику, где распростерлось тело.
Стегнул коня любимого по крупу,
Чтоб поскорей дотронуться до трупа.
Он с торжеством к убитому подъехал,
Хотел вонзить копьё в него для смеха,
Но мнимый труп вдруг встал и улыбнулся.
Челахсартаг со страха покачнулся.
И, глупость женскую кляня свирепо,
Он ринулся, как трус, обратно в крепость,
Забыл о мести, растерялся вдруг.
Звеня, оружие выпало из рук.
Он крепостных ворот уже достиг,
Но подоспел Созырко в этот миг
И высоко взмахнул своим мечом.
Челахсартаг уже одним плечом
В воротах был, но меч старинный нарта
Полголовы отсек ему внезапно.
Все ж враг укрыться в крепости успел.
Засов тяжелый тотчас заскрипел.
Беглец вскричал, став снежных гор белей:
«Сестра, погиб я по вине твоей!
О, сколько зла ты брату принесла!
Сразить меня ты нарту помогла».
Но вот, чуть отдышавшись, с злым упорством
Он и с судьбой вступил в единоборство.
Упав на землю, горем пораженный,
Он весточку послал Курдалагону,
Курдалагону, мастеру большому,
Чтоб тот к нему явился, как к родному,
И череп починил ему скорее.
Кузнец решил помочь, его жалея.

Слетел он к сыну Хиза для того,
Чтоб быстро череп починить его.
Челахсартаг был этим восхищен:
«О златорукий мой Курдалагон,
Спаситель ты и самый лучший мастер!
Мой череп раскололся на две части.
Тыкрепи его мне красной медью,
Чтоб мог опять стремиться я к победе.
И будет твой навек Челахсартаг».
Курдалагон ему ответил так:
«Мне починить не трудно череп твой
И справиться с разбитой головой.
Но, если просьбу выполнив твою,
Я крепко гвозди в череп твой вобью,
То кто ж их сможет изнутри, родной,
Загнуть с коробкой вровень черепной?
Кто укрепит их? Бога ты побойся!»
«Об этом, друг мой, ты не беспокойся,—
Сказал сын Хиза.— Можешь мне поверить.
Не поленись лишь починить мне череп».
Согласие дает Курдалагон,
Помощников к себе сзывает он.
И вот они идут уж друг за другом,
Для сына Хиза тащат черный уголь.
Курдалагон потребовал двенадцать
Больших тюков, чтобы за дело взяться.
И вот зажег он этот уголь черный
На самом дне вместительного горна.
На друга вмиг меха направил он,
Своей работой страстно увлечен.
Мозг, что испорчен был, он сразу вынул,
И лишь тогда меха он отодвинул.
Мозгов овечьих наложил немало
И другу пододвинул поддувало,
И громко крикнул: «Быстро начинай,

Меха, дружок, сильнее раздувай!»
И поддувал Челахсартаг прекрасно.
Курдалагон клепать стал медью красной.
Едва кузнец свой молот опускал,
Сын Хиза громко кашлять начинал.
Тогда в его коробке черепной
От кашля вмиг сгибался гвоздь большой.
Кузнец небесный, не теряя сил,
Разбитый череп медью укрепил.
В работе все, как подобает, было,
В одном лишь месте меди не хватило,
Курдалагон все сделал хорошо,
Не закрепил он лишь последний шов.
Сын Хиза нартов больше не боялся,
Но в поле с ними все же не встречался.
И вот для нартов пробил час желанный:
Из крепости им удалось неожиданно
Челахсартага выманить наружу.
И вышел он, блестя своим оружием,
И как в боях испытанный герой,
Он с нартами вступил в неравный бой.
Вперед помчался, схваткой увлеченный.
Ряды же нартов, в битвах закаленных,
Все глубже отступали перед ним
И устремлялись к пажитям родным.
А войско сына Хиза все быстрее
Несется вдаль по зелени полей.
Когда же солнце землю накалило,
То войско нартов путь им преградило.
И вот возобновился снова бой
Под жарким солнцем, посылавшим зной.
И голова несчастного героя
Не выдержала пламенного зноя.
Последний раз стальному звону внимая,
Упал сын Хиза на сухую землю.

Тогда Созырко в Церека кольчуге
Помчался в крепость с думой о подруге
И в крепости, забыв о поле бранном,
К Бедухе юной подошел нежданно,
К красавице, забывшей вмиг о брате.
Он заключил ее в свои объятья
И посадил на быстрого коня.
Конь полетел, подковами звеня.
Созырко-нарт привез ее домой,
Пред нартами назвал своей женой.

СОЗЫРКО И АЦИРУХС — ДОЧЬ СОЛНЦА

В один из дней по кочкам и болотам
Отправился Созырко на охоту.
В зеленой чаще разбегались тени.
И вот в лесу набрел он на оленя.
Таких больших оленей не встречал он,
Шерсть золотая искрами сверкала,
Лежал он мирно и щипал траву.
И натянул Созырко тетиву,
Стрела его бесследно скрылась в чаще.
Он выхватил из ножен меч разящий,
К оленю, нетерпением горя,
Он ринулся, оленю говоря:
«Олень золотошерстный и рогатый,
Ужель не опасаясь меня ты?
Я не встречал вовек такого дива!»
Но тут олень поднялся торопливо,
Легко взлетел он по тропинке горной
К скале отвесной, людям непокорной.
Там, на скале, дворец чернел, как уголь.
И во дворец вбежал олень в испуге.
Но мог ли знать охотник, нарт суровый,
Что перед ним дочь Солнца золотого.
Не знал Созырко, что само светило
Ее в лучах на землю опустило,
И что оно дало в охрану ей

Семь храбрецов, семь солнечных лучей.
Преобразился в этот светлый день
В красавицу испуганный олень.
Созырко славный поднимался в гору,
И от нее не отрывал он взора.
Вот в горницу вошел он для гостей,
И, взяв фандыр, он обратился к ней,
С красавицею он заговорил,
Звения струною, душу ей открыл.
«Я — нарт Созырко, нарт огненноокый,
Я пир люблю и бой люблю жестокий».
К нему семь братьев кинулись с оружием,
На одного все семь напали дружно,
Но им осилить не пришлось героя,
Понурые, вернулись с поля боя.
Пошли к сестре, сказали грустно ей:
«Что делать с ним? Созырко всех сильней»
Дочь Солнца братьям гордо отвечала:
«Его судьба мне в женихи послала,
Поласковой поговорите с ним
И за меня потребуйте калым».
Тогда они к Созырко подошли
И поклонились нарту до земли,
И начали вести беседу с ним:
«Ты за сестру обязан дать калым,
Нам предоставить должен ты скорей
Оленей, туров и других зверей.
Среди равнины раннею весной
Ты должен выстроить дворец стальной
И раздобыть, как знак благоволенья,
Цветы азá — редчайшего растенья».
Созырко был обеспокоен этим.
Никто его тревоги не заметил.
И он к себе отправился домой
Печальный, злой, с поникшей головой.

Придя в селенье в час рассвета ранний,
Взволнованный отправился к Сатане.
«Дочь Солнца я удачливо засватал,
Но мнится мне, что Солнце против нарта.
Мне задали нелегкую задачу,
Успех мой обернулся в неудачу.
Семь братьев требуют калым такой,
Что не назвать невесту мне женой».
И перечислил, что необходимо
Ему собрать для щедрого калыма.
«О солнышко,— промолвила Сатана,—
Я весь калым легко тебе достану.
Но вот аза — и в этом вся беда —
Ты на земле не встретишь никогда,
Их не найдешь в долинах и у гор ты,
Они растут лишь только в царстве мертвых.
Без робости в путь соберись ты длинный
И в царстве мертвых подойди к любимой,
К той, что была Бедухою желанной,
Пока она не стала бездыханной.
Когда придешь, ты Расскажи скорей,
Что за аза пришел с надеждой к ней.
Ей не ответит Барастыр * отказом
И просьбу эту выполнит он сразу.
Цветок аза, тебе необходимый,
Получишь ты из рук своей любимой.

СОЗЫРКО В СТРАНЕ МЕРТВЫХ

Вот в царство мертвых нарт огненноокий
Однажды утром двинулся до срока.
Привратник царства мертвых Аминон *.
Пришедшему сказал: «Таков закон,
О храбрый муж, о нарт огненноокий,
Всему предел есть, для всего есть сроки.
Вернись обратно в светлые края,
Не наступила очередь твоя.
Никто здесь до кончины не бывал».
Тогда Созырко гневом вспыхнул,
В железные ворота он ударил
И в преисподню скакуна направил.
Он на коне объехал царство мертвых,
Увидел там супругов распростертых
В изнеможенье на воловьей шкуре,
На ней они лежали, брови хмурая.
Хоть шкура и громадная была,
Казалось, что для них она мала.
Они глядели друг на друга хмуро,
Не зная, как же разделить им шкуру.
На шкурке зайца, в двух шагах от них,
Заметил путник пару молодых.
Короткой шкуркой укрываясь нежно,
Покоились супруги безмятежно.
Он едет дальше. Вот, едва живая,

Прорехи гор вдовица зашивает,
Пот градом катится с ее чела.
Сверкает мрачно толстая игла.
Вот — женщина, и жернова над ней.
Но не муку, а пыль лишь от камней
Выбрасывает мельница большая.
Встает картина перед ним другая:
Старушка надоила молока,
Полна им бочка, хоть и высока.
Но сыр, как ни трудилась она,
Не превышал ячменного зерна.
Другая ж в ложку с птичий ноготок
Чуть надоила молока, глоток,
Но сыр ее — и сочный, и большой,
Пред ней он белой высится горой.
Он дальше едет. Вот под бугорком
Сидят супруги за большим столом,
Что яствами уставлен дорогами.
И не пустеет пышный стол пред ними.
Он едет дальше, видит старика,
Что носит кучи щебня и песка.
В мешке дырявом днем и ночью носит,
Но снисхожденья у судьбы не просит.
Нарт едет дальше. На траве зеленой
Вол отдыхает, солнцем озаренный.
Жует он рьяно чей-то ус седой,
Не соблазняясь сочною травой.
Созырко, онемев от изумленья,
Путь продолжает в прежнем направлении.
Вот остров, словно пост сторожевой,
Как лезвие, там мост волосяной.
На острове, что перед ним возник,
В яичной скорлупе живет старик.
Вот кто-то бороды седые бреет
Каких-то старцев, брить их не умея

У жертв своих не может сбрить никак,
При всем старанье, даже волоска.
А дальше сука старая лежит
И чей-то вход безмолвно сторожит,
И слышен лай двенадцати щенят,
Что из утробы вырваться хотят.
Вот видит он: бегут чувяк и árчи.
Созыр подумал: «Что же это значит?
Как в состязанье нартов огнеоких.
Для бегунов кто установит сроки?»
Чувяк был впереди, и вот, казалось,
Ему уже победа улыбалась,
Но árчи обогнал его внезапно,
Сноровкою напоминая нарта.
Созырко дальше едет по дороге.
Вот средь равнины стол стоит треногий,
Стол ломится от яств, напитков редких,
А за столом он видит славных предков.
Он созерцает вид обычный кувда.
Но вдруг он вздрагивает: «Что за чудо?
Лежат на блюде среди сочных лакомств
Зажаренные кошка и собака».
Всем виденным ошеломлен был нарт.
И вот спросил Созырко их, как брат:
«О предки нартов, расскажите мне,
Откуда столько бед у вас в стране?
Я на коне объехал царство мертвых,
Увидел и супругов распростертых
В изнеможенье на воловьей шкуре.
На ней они лежали, брови хмурая.
Хоть шкура та громадная была,
Казалось, что для них она мала.
Они глядели друг на друга хмуро,
Не зная, как же поделить им шкуру».
Созыру предки дружно отвечали:

«Был потому их облик так печален
И потому судьба их так плачевна,
Что ссорились супруги ежедневно».
«На шкурке зайца в двух шагах от них
Супругов наблюдал я и других.
Короткой шкуркой укрываясь нежно,
Они лежали дружно, безмятежно».
«А это пара любящих была,
Которая смогла прожить без зла.
Они любили жизнь и в дни печали
Друг друга никогда не покидали».
«Потом я видел, как, едва живая,
Прорехи гор вдовица зашивает.
Катился пот, как град, с ее чела,
Сверкала мрачно толстая игла».
«А это, друг, была одна блудница.
Беда, коль и во сне она приснится!
Дружку белье строчила строчкой мелкой,
А мужу крупной — вот ее проделки».
«По царству мертвых дальше проезжая,
Я видел сам, как женщина другая
Лежала молча; жернова — над ней.
Но не муку, а пыль лишь от камней
Выбрасывала мельница большая».
«А это вот что, милый, означает:
Всю жизнь свою она была воровкой,
Муку чужую воровала ловко.
Вот здесь и платит долг она примерно
И на груди тяжелый держит жернов».
«Поехал дальше и увидел я
Корову и старуху у ручья.
В огромную она доила бочку,
И молоко лилось по ободочкам.
Но сыр, как ни трудилась она,
Не превышал ячменного зерна».

«А это, друг, хозяйюшка скупая,
Она для ближних, как собака злая.
Она имела больше ста коров,
Но был всегда ответ ее готов,
Когда попросит молока сосед:
«Ни капли молока сегодня нет»,
То: «Не доила нынче я корову»,
То: «Скисло молоко, к несчастью, снова»».
«Другая ж в ложку с птичий ноготок
Чуть надоила молока, глоток.
Но сыр ее — и сочный, и большой,
Пред ней он белой высится горой».
«А эта — щедрая хозяйка крова.
Она владела лишь одной коровой,
Но просьбе обездоленных людей
Вовек отказа не было у ней».
«В пути увидел я под бугорком
Супругов за обеденным столом,
Что яствами уставлен дорогими.
И не пустел обильный стол пред ними.
Лишь выпит ронг, как пенится опять».
«О них мы тоже можем рассказать,—
Супруги эти часто пировали,
Но без гостей к еде не приступали».
«Я на пути заметил старика.
Носил он кучи щебня и песка
В дырявом таске *, выбившись из сил,
Но у судьбы пощады не просил.
Вздыхал он только, будто от забот.
С его лица катился градом пот».
«А этот отнимал у бедных землю,
Ни разуму, ни совести не внемля,
Жил краденым, хотел он всем владеть
И все ж никак не мог разбогатеть».
«Я видел остров — пост сторожевой,

Как лезвие, там мост волосяной.
На острове, что предо мной возник,
В яичной скорлупе сидел старик».
«А это, солнышко, был нелюдим,
Он равнодушен был всегда к другим.
Он не имел ни близких, ни друзей,
К столу ни разу не позвал гостей».
«Заметил я вола в траве зеленой,
Среди равнины, солнцем озаренной.
Жевал он рьяно чей-то ус седой,
Не соблазняясь сочною травой».
«Судьба карает всех скупцов сурово.
И это — участь каждого скупого.
Когда пахал он с другом иль знакомым,
То их волю подсовывал солому,
А своего кормил душистым сеном.
Так поступал он в жизни неизменно».
«Я видел: сука старая лежит
И чей-то вход безмолвно сторожит.
Был слышен лай двенадцати щенят,
Что из утробы вырваться хотят».
«А это означает: будет время,
Когда придет младое поколение,
Которое сочтет себя всех краше
И разуму учить захочет старших».
«Потом я видел бег чувяк и арчи.
Я не могу понять, что это значит.
Чувяк был впереди, и вот, казалось,
Ему уже победа улыбалась.
Но арчи обогнал его внезапно,
Сноровкою напоминая нарта».
И улыбнулись предки, отвечая:
«А это, солнышко, то означает,
Что бедняки, судьбой так суждено,
Богатых перегонят все равно».

«Я видел стариков обледенелых.
Тупая бритва брила неумело,
И не могла она у них никак,
При всем старанье, сбрить и волоска».
«А это, пусть тебе известно будет,
Судьба плохих, несправедливых судей,
Что богачам вину за мзду прощали,
А бедняков невинных осуждали».
«О предки, вы собрались здесь для кувда,
Так объясните мне и это чудо.
Зачем лежат среди обычных лакомств
Зажаренные кошка и собака?»
«А это, гость наш славный и желанный,
Совет дала нам мудрая Сатана:
«Придет Созырко скоро в царство мертвых,
Там встретит предков, доблестных и гордых,
Когда же он придет домой обратно
О виденном поведать смелым нармам,
О кошке и собаке он расскажет.
И только этим нармам он докажет,
Что хоть недолго в царстве мертвых был,
Но видел вас и с вами говорил».
Созырко был ответами доволен,
И с предками поговорил он вволю.
А под конец, не скрыв от них волнения,
Он рассказал о цели посещения:
«Дочь Солнца полюбил я всей душой,
Но требует она калым большой.
Я должен к свадьбе предоставить ей
Оленей, туров и других зверей,
В долине выстроить дворец стальной,
Блещающий волшебной красотой,
Углы же зданья по ее веленью
Украсить должен я аза-растеньем.
Зверей разнообразных я достану,

Мне обещала славная Сатана
Их выпросить у щедрого Афсати,
Но как дворец построю я богатый?
Цветы аза, где я возьму, о предки?
Встречаются цветы те очень редко».
Сказали предки нартскому герою:
«Возьми кольцо Бедухи золотое.
Стальной дворец ты выстроишь без рук:
Кольцом ее ты очерти лишь круг,
И на равнине, что была пустой,
Дворец стальной возникнет пред тобой.
Цветы ж аза, столь редкие для мира,
Есть у владыки мертвых, Барастыра.
Их выпросит Бедуха для тебя,
Живого мужа, мертвая любя.
Обычай давний есть в стране у нас —
Неведом нашим женщинам отказ».
Бедухе Барастыр не отказал,
Цветы аза он для нее сорвал.
Бедуха же, придя от Барастыра,
Дала цветы аза с кольцом Созыру.
Нарт взял кольцо с цветком аза, столь редким,
Поклон отвесил достославным предкам.
На землю он спешил вернуться быстро.
Но Аминон сердитый был неистов,
Созырко не хотел он выпускать.
«Закон привратник должен соблюдать,—
Сказал он, путь рукою преграждая.—
Тебе уехать я не разрешаю.
Ты задом наперед подкуй подковы
И лишь тогда поедешь к нартам снова.
Все мертвые иначе за тобой
Повалят бесконечною толпой».
Созырко вмиг коня перековал
И в путь-дорогу собираться стал.

А мертвые за нартом наблюдали.
И Аминону так они сказали:
«И нас навверх ты отпусти за ним,
Ты видишь, мы от холода дрожим,
Вода и хлеб здесь вкуса не имеют,
Здесь солнце нас своим теплом не греет».
Но Аминон одно ответить мог:
«Другого счастья не послал нам бог.
Из царства мертвых вам возврата нет.
Вот поглядите вы на конский след,
Ведет он внутрь, а не на землю, правда?»
Никто не разгадал уловки нарта.
И мертвые, поверив Аминону,
Вернулись вновь дорогой погребенных
И неохотно расходиться стали
На те места, что раньше занимали.
Когда на землю храбрый нарт вернулся,
Кольцом провел он круг и оглянулся —
Пред ним, сияя дивной красотой,
Утесом высился дворец стальной.
Цветы аза, что Барастыр любил,
По четырем углам он рассадил.
Сатана у Афсати попросила
Его свирель и нарту подарила.
Вот заиграл Созырко на свирели.
И стаями к нему сбегались звери.
На зов его, как будто по велению,
К нему пришли и туры, и олени.
Тогда семь братьев отдали в супруги
Дочь Солнца славному Созырко-другу,
В селенье нартское ее послали
И радостно на свадьбе пировали.

КАДЗИ ЛЖЕ-САТАНА

У гор высоких племя кадзи * жило,
Но с нартами то племя не дружило.
Все ж молодежь их к нартам приходила,
Чтоб ловкостью помериться и силой.
И нарты говорили не без злости:
«Чурбаньи головы пришли к нам в гости».
Вот как-то раз собрались эти парни,
Чтоб освятить обычай стародавний
И в нартовском селе повеселиться,
И с девушками в танцах покружиться.
Шел впереди шальной и беззаботный,
С дырявою щекою Криворотый.
Он балагурил со своей ватагой:
«Ох, захирела нартская отвага!
Чтоб не были однообразны игры,
По-своему пропляшем нартский симд мы».
И вот, достигнув нартовского поля,
Своим желаньям грубым дали волю
И к девушкам несчастным приставали,
Проходу им нарочно не давали.
Кого щипнут, кого толкнут немножко,
Кому подставят невзначай подножку.
Вдруг девушки увидели Сослана,
Явившегося к ним совсем неожиданно.

Пожаловались девушки герою:
«От Криворотого нам нет покоя.
Его ватага нам бока намяла,
Танцуя симд, до боли защипала.
Чурбаньи головы чудят от скуки,
Под видом игр нам причиняют муки».
Сослан ответил: «Предоставьте мне их!»
И вышел быстро в поле игр к игре их.
И в этот миг он был подобен буре,
Сжимал он кулаки и брови хмурил.
Буяны же никак не унимались,
Дурачились, кривлялись и толкались.
Один из них сказал, смеясь, Сослану:
«Встаешь ты поздно, а ложишься рано.
Что ж не танцуешь, нартский оборванец,
Иль в первый раз ты видишь этот танец?»
Сослан того и ждал. Среди нартв гостю
Не мог никак он первым вызов бросить,
Но раз сам гость повел себя так дерзко,
То и Сослан ему ответил резко.
Так, слово за слово, возникли споры,
А там недалеко уж и до ссоры.
А за словами поднялись мечи,
И гость удар смертельный получил.
Упал он наземь, обливаясь кровью,
А нарт суровый не повел и бровью.
Победой горд, дорогою прямой
Он с поля игр пошел к себе домой
И вычистил свой меч золой горячей,
Считая день сегодняшний удачным.
Но после этого урока разве
Могли смириться все мужчины кадзи?
Тут воспылали кадзи жаждой мщенья,
Послов послали в нартское селенье:
«Чем можете вы заплатить за кровь,

Чтоб столкновенья не случилось вновь?»
Собрались старцы, чтоб распутать нити.
Послов спросили: «Что же вы хотите?»
И вот ответили послы нежданно:
«Мы — кадзи — взять к себе хотим Сатану.
Коль выполните с честью вы условие,
Тогда на кровь мы не ответим кровью».
Их просьбу обсудили на ныхасе
И порешили дать свое согласие:
«Хотя условие ваше очень странно,
Но вскоре мы доставим вам Сатану.
Нарядная, по уговору, честно
Чуть свет назавтра к вам придет невеста,
Хозяюшкой отныне будет вашей».
И подняли они в знак мира чашу.
Послы дивились, радуясь успеху,
И нартского не замечали смеха:
«Так, значит, будет нашею Сатана,
Она нашьет одежд нам златотканых!»
Довольные уступчивостью нартов
Послы, смеясь, пустились в путь обратный
А нарты в это время не дремали,
Ловушку для глупцов подготавливали.
И вот они к колдунье Кулбадаг
Отправились и ей сказали так:
«Ведь до того все кадзи обнаглели,
Что овладеть Сатаной захотели.
О мудрости ее они слыхали,
Но никогда Сатаны не видали.
Вели ты старшей дочери своей
Невестой к ним отправиться скорей.
Она у кадзи, у голов чурбанных,
Век проживет в довольстве лже-Сатаной».
Вдова, подумав, дочь отдать решила
И без труда на сделку согласилась.

И вот невеста собралась в дорогу.
Везет с собою подношений много,
Чтобы у кадзи, средь голов чурбанных,
Век жить хозяйкой, у глупцов, желанной
Вдова же кувд устроила для нартов,
С нуждой простившись, зажила богато.

КАДЗИ КАХЦ*

Но вот и день настал для всех желанный,
И разрешилась сыном лже-Сатана.
Поэтому-то кадзи ликовали,
На празднество гостей к себе сзывали.
К родителям счастливым населенье
Охотно посылало приношенья.
Им пастухи прислали лучший скот,
Чтоб был доволен празднеством народ.
Устроили все кадзи кувд большой
Для всех гостей, с открытою душой.
Когда полгода стало мальчугану,
Уже готовы были люди к кахцганану *.
Но лже-Сатану с ног болезнь свалила,
За кахц пойти она была не в силах.
Что предпринять? Недолго размышляла.
Вот самых бойких девушек квартала
К себе созвав, так обратилась к ним:
«Спешите вы за кахц к моим родным.
От них все подношенья принесите
И дядина коня мне приведите».
С беспечным смехом девушки дошли
До благодатной нартовской земли,
К Бораевым вошли во двор обширный
И встретили прием гостеприимный.
Там угостили их и обласкали,

От радости присесть им не давали.
И продолжали до зари девицы
С их молодежью весело кружиться.
А на заре, когда был кончен симд,
То много поднесли подарков им.
И на прощанье с легкою душой
Вручили им и кахц свой дорогой,
Коня им оседлали и сказали:
«Ну, девушки, теперь мы вас узнали.
Пусть будет легок весь ваш путь обратный
И пусть сопутствует вам счастье нарттов!»
Вот скрылись девушки за поворотом.
И их сопровождали в знак почета
Те девушки из нартского селенья,
Что славились хорошим обращеньем.
Шли с играми и плясками они.
Так незаметно пролетали дни.
На полпути, прощаясь при разлуке,
Красавицам пожали крепко руки,
«Путь добрый!» — крикнули в последний раз
И в путь обратный двинулись тотчас.
Но лишь они с пещерой поравнялись,
Как с молодежью кадзи повстречались.
С дырявою щекою Криворотый
Шел впереди с усмешкой беззаботной.
Его товарищ, грубиян известный,
Шел сзади, забавляясь грубой песней.
Намерений своих они не скрыли
И девушек толпою окружили.
Загнав в пещеру силою, смеялись,
Всю ночь над ними грубо издевались
И мучили несчастных до утра.
Когда пришла рассветная пора,
Их выпустили, но над их обидой
Глумились сами злобно и бесстыдно:

«Теперь идите в дом своих отцов
И вспоминайте бравых молодцов».
И девушки пошли к родимым селам,
Стеная, плача, по горам и долам.
Сатану и других они ругали
За то, что в путь далекий их послали.
Все поняла Сатана, но для вида
Их снова расспросила про обиды:
«О чем вы плачете? Что приключилось?
За что и на кого вы разозлились?
Да будет с вами благодать моя!
А горе не скрывайте от меня».
Заплакали они еще сильнее
И о позоре рассказали ей:
«Как нам не плакать, как не быть в печали,
Коль злые парни нашу честь отняли!
Всю ночь в пещере дерзкие буяны
Над нами издевались неустанно,
Лишь утром отпустили нас домой
С жестокою насмешкой, озорной».
Сатана их подробно расспросила,
Кто главный был обидчик и насильник,
Кто начал первым это безобразие,
Посмел кто первым в нартов бросить грязью.
И девушки ответили стыдливо:
«Был Криворотый, грязный и блудливый,
С дырявою щекою, точно с меткой,
И был его товарищ однолетка.
Своей же кровью пусть он захлебнется!
Пусть от чумной заразы не спасется!»
Задумалась Сатана, помолчала
И ласково обиженным сказала:
«Вы позабудьте о беде своей
И нынче будьте даже веселей.
Остерегайтесь, девушки, огласки

И знайте, за насильственные ласки
От нартских храбрецов — а их немало —
Не сдобровать бесстыжим тем нахалам».
Сатана, не раздумывая, сразу
К себе позвала смелого Батрадза,
Ему сказала: «Солнышко, поди-ка
И кликни мне Базыга и Созырко.
Хочу на них я поскорей взглянуть,
Вам предстоит сегодня дальний путь».
Батрадз все понял и единым мигом
Послал к Созырко, к юному Базыгу,
Базыгу, сыну Уазыра-старца,
А сам к походу стал приготавливаться.
Надел кольчугу лучшую для боя
И в руки взял свое копье стальное,
Сел на коня. Конь взвился быстроногий
И полетел, как ветер, по дороге.
Но от посланцев вдруг пришел ответ:
«В селе Созырко и Базыга нет,
Охотятся они в глуши лесной».
Ударил скакуна Батрадз Стальной
И углубился в чащу, чтоб найти
Своих друзей для дальнего пути.
В то время кадзи от пещеры шли
И разговоры меж собой вели.
И невзначай Созырко и Базыг
Им повстречались. Голос кадзи стих.
Их страх объял от домыслов, догадок:
«Хотят убить они нас из засады,
Когда б отомстить они нам не желали,
В такую рань оружия бы не брали».
И хоть Базыг с Созырко не считали
Их за врагов и мирно путь держали,
На нартов кадзи кинулись неожиданно,
Связали их и нанесли им раны.

Их, избивая, насмехаясь зло,
Подталкивая, привели в село
И правду там так ловко извратили:
Как будто нарты их убить решили,
Они-де отразили нападение
И нападавших привели в селенье.
И там, в одной из комнат древней башни
Приставили к стене врагов бесстрашных
И приковали кольцами кольчуг,
Чтоб причинить как можно больше мук.
Не ведая об этом, лже-Сатана
На кувд всех кадзи созвала желанных.
А для Созырко время подошло
В те дни вернуться в нартское село.
Созырко к сроку не попал в селенье,
От этого народ пришел в смятенье.
Его искали по лесам, болотам,
Но не нашли там ни живым, ни мертвым.
Давно дочь Солнца и Батрадз Стальной
Для нартвов были словно брат с сестрой.
Стальной Батрадз к ней в небо устремился
И у дворца ее остановился,
И в слуховое закричал оконце:
«Эй, вы, хозяйева, эй, дети Солнца!
Во двор сойдите. Гость пришел усталый».
Дочь Солнца голос путника узнала,
Покинула она дворец хрустальный,
Спросила гостя: «Что такой печальный?
Не помню я, чтоб ты таким бывал».
«Не спрашивай меня,— Батрадз сказал.—
Из нашей славной молодежи двое
Исчезли и лишили нас покоя.
Искали долго по следам мы свежим.
Лишь на тебя теперь одна надежда.
Не видела ли в зеркале ты их?»

Дочь Солнца же среди чудес других
И зеркалом волшебным обладала,
По зеркалу волшебному гадала.
А в зеркале ее, на небосклоне,
Вселенная была, как на ладони.
Дочь Солнца грустно в зеркало взглянула
И, на Батрадза посмотрев, вздохнула.
«Стальной Батрадз, о брат названный мой,
Все вижу я, как будто пред собой:
У кадзи злых, в одной из комнат башни,
Героев нартских ты найдешь бесстрашных.
Прикованные кольцами кольчуг
К стене, они изнемогли от мук.
А кадзи нагло держат в башне пленных
И тешатся над ними неизменно.
От их мучений кадзи веселеют.
Ни пить, ни есть им не дают злодеи».
Батрадз проститься с нею не успел,
Скорей на землю он попасть хотел.
А на земле он Уазыра встретил,
Тот словом дружеским его приветил.
«Славнейший нарт, мой сын Базыг пропал,
Случайно ты его не повстречал?
А коль не видел, что мне предпринять?»
И поспешил Батрадз ему сказать:
«Я сам искал, я исходил весь мир,
Но ты не беспокойся, Уазыр.
Не называй меня славнейшим нартом,
Коль не придет к тебе он до заката.
К Бораевым иди и жди меня».
И он стегнул горячего коня,
К злодеям-кадзи быстро прискакал
И двери с петель башни снимал,
И, разгромив всех кадзи-гордецов,
Освободил Созырко от оков.

Базыг уже едва-едва дышал,
Когда Батрадз его освобождал.
Стада же кадзи он погнал домой
И бедным роздал щедрою рукой.

ГИБЕЛЬ КАДЗИ

Был пастухом у нартов Уазыр,
Он с детских лет любил пастуший мир.
Однажды к землям Тара вышел он,
Туда, где лес уперся в небосклон.
Вдруг налетела на него ватага,
Разбой в лесу считавшая отвагой.
То были злые кадзи-гордецы,
Иль попросту чурбанные глупцы.
Разбойники вмиг пастуха связали
И войлочною плетью исхлестали.
Бедняк-пастух от боли извивался,
А Криворотый бить больней старался.
Покончив вскоре с истязаньем грубым,
Его под хохот привязали к дубу.
На жалобные крики Уазыра:
«Натешились, так отпустите с миром!»
Они лишь бранью наглой отвечали,
Потом ушли и скот его угнали.
А в это время шел лесной тропой
Базыг, сын Уазыра молодой.
Искал отца он и не находил,
Лес обошел и выбился из сил.
Подумав, что отец ушел со стадом,
Он понял, что идти по следу надо.
И он пошел, горя от нетерпенья.

След стада вел в далекое селенье,
И там, в селенье кадзи, за оградой,
Увидел все похищенное стадо.
Тогда он быстро кинулся обратно,
Тревогу поднял, призывая нартов:
«Эй, нарты, горе! Коли дух ваш пылок,
Скорей, вставайте со своих подстилок!
Чурбанные глупцы угнали стадо,
Его отбить нам поскорее надо».
Собрались нарты на ныхас тотчас же,
Готовы были выступить отважно.
Вдруг Урызмаг пред ними появился,
С призывной речью к нартам обратился:
«О молодежь, вперед, орлята наши!
Вы не забыли нартское бесстрашье?
Как и в былых горячих схватках, снова
Проучите вы недругов сурово.
За прошлое вы вправе отомстить,
Ведь кадзи мирно не умеют жить,
Они своим насилием звериным
Порочат наших девушек невинных,
От них обид терпели мы немало,
И вот сегодня наших стад не стало.
Для грозной мести наступило время.
Вперед! Оружье — в руки, ноги — в стремя!»
Ответили отважные герои:
«Мы — на конях, и все готовы к бою.
Оружье — метко, быстры наши кони,
И горе тем, кто нартов честь затронет».
И вот внезапно, появившись с тыла,
Селенье кадзи войско окружило.
Перед осадой объявили нарты:
«Мы к вам пришли сегодня за расплатой».
Но озорные кадзи не смутились,
Насмешливо к пришедшим обратились:

«Не признаем мы вас и не боимся,
Общаться с вами вовсе не стремимся».
Ответ был дан: «Пусть знают в вашем стане:
Лишь только солнце завтра утром встанет
И разукрасит горные вершины,
Как встретите вы час своей кончины».
И вот лишь только солнце показалось —
Какая может быть к убийцам жалость! —
Отряды нарттов, как поток весенний,
Ворвались в осажденное селенье.
Гнездо врагов они с землей сравнивали
И вновь себя победой увенчали.
С тех пор живет в народе изречение,
Прошедшее века без измененья:
«Средь бела дня ты в пропасть упавши
И про́падом, как кадзи, пропади».

СЫН КРИВОГО ВЕЛИКАНА

Поляна игр у нартов — Зилахар,
В степи, где ветер умеряет жар.
Там молодежь симд танцевала свой
И развлекалась пеньем и игрой.
Смех нартов, доносившийся с поляны,
Услышал сын Кривого великана
И увидал, как девушки и парни
То пляшут вместе, то идут попарно.
Так наблюдал он долго за поляной,
И зависть овладела великаном.
Вошел он в дом с поникшей головой,
Сказал отцу: «Родитель славный мой,
От зависти меня бросает в дрожь,
Когда с горы смотрю на молодежь.
Ты отпусти меня на Зилахар
Потанцевать средь оживленных пар
И нартам, кстати, там намять бока».
Отец сказал: «Сын, воздержись пока.
Припомни-ка злых кадзи ты семью.
Кто отомстит тогда за кровь твою?
Ты знаешь, молодежь у нартов сильных
Трудноsgоворчива и крепкожильна.
Зачем спускаться к людям незнакомым,
Не лучше ли тебе остаться дома?»
Сын был покорен, слушался отца,

Но скучно быть покорным без конца.
Однажды нарты, оседлав коней,
В соседний край собрались на семь дней,
Немногие из них остались дома.
Сын великана, играми влекомый,
Раздумывал, но, потеряв терпенье,
С горы спустился, чтоб послушать пенье.
Там на поляне он натанцевался
И вечером лишь дома показался.
Сказал отцу: «Я был у крепкожилых.
Ты говорил, они сильнее сильных,
А между тем, скажу по правде я,
Они, пожалуй, не сильнее меня».
«Эх, милый сын, не верь им никогда ты!
Я знаю лучше, кто такие нарты.
Они к тому ж теперь на поле брани,
Лишь отроки играют на поляне.
Ты не храбрись, уж не такой ты воин!»
Ответил сын: «Будь за меня спокоен».
Поставил он котел перед собой,
Наполненный похлебкою густой,
Больших хлебов десятков накрошил,
Одним глотком котел опустошил.
Насытившись похлебкою, опять
На Зилахар пошел он танцевать.
Он снова в самом центре симда встал,
Красавицу под локоть быстро взял.
Танцующих толкал он без стеснения
И подставлял подножки в озлобление.
Но тут Батрадз неожиданно появился
И к молодежи нартской обратился:
«А ну-ка, станьте в смид наш круговой,
Получше спляшем танец удалой».
Все заплясали в симде круговом,
От песен их гремело все кругом,

От пляски их сама земля дрожала.
Батрадз, как бы нечаянно, сначала
На ногу великана наступил
И руку сжал его, что было сил.
Хоть вывихнул он руку великану,
Но великан плясал все так же рьяно,
Из симда выйти за позор считал.
Тогда Батрадз его к себе прижал,
Сдавил до боли правое предплечье,
И великана крепко искалечил.
И тот из симда вырвался с трудом,
Не думая уж больше ни о чем.
Он на вершину поднялся, стеною
И за собой след крови оставляя.
А великан тревожился за сына
И на игру поглядывал с вершины.
И видя, что опаздывает сын,
Отец считал с тревогою часы.
«Ужель мой мальчик навсегда пропал!»
Навстречу сыну вышел и сказал:
«Ведь я предупреждал тебя, мой сын,
Чтоб не спускался со своих вершин,
Я говорил, что нарты не прощают
Того, кто женщин нартских оскорбляет
Вот потому тебя я так просил,
Чтоб ты на игры к нартам не ходил».

СМЕРТЬ БЕЗЫМЯННОГО СЫНА УРЫЗМАГА

Навек остался в памяти народной
Несчастный год, тяжелый и голодный.
Взволнованный ужасною бедой,
Пришел однажды Урызмаг домой.
Не мог он скрыть своей тоски смертельной
И жалости к народу беспредельной.
Сатана грустно молвила: «О небо!
Мой Урызмаг, таким давно ты не был!
Я чувствую, что боль твоя сильна.
Скажи мне все, ведь я твоя жена».
Ответил ей печально Урызмаг:
«Покой найти я не могу никак.
Измученная голодом и мором,
Земля глядит на небеса с укором.
О если б всех я накормить был в силах,
Счастливейшим я был бы из счастливых!»
Ответила Сатана: «Успокойся
И за народ измученный не бойся.
Узнай теперь, что в нашей кладовой
Есть разной живности запас большой
От всех пиров, когда мы ели вволю,
Я каждый раз откладывала долю.
Чурек сушила, долю отделяла,
О безымянном сыне вспоминала.
При сушке рыб брала от середины,

И эту часть я прятала для сына.
Адаты древних нартов уважая,
Брала совок зерна от урожая.
И вот теперь глубокие подвалы
У нас полны запасов небывалых.
Всем этим славных нартов угостим,
Погибнуть нашим нартам не дадим.
Теперь, Урыз, пройди по всем кварталам
И созови голодных и усталых».
И Урызмаг отправился в селенье,
Где уж давно не раздавалось пенья.
Он ослабевших нартов созывал,
На все селенье так провозглашал:
«Народ почтенный! В этот тяжкий час
На кувд большой я приглашаю вас.
Придите выпить и поговорить
Все те, кто в состоянии ходить.
Не оставляйте старцев и больных
И на носилках принесите их».
В село, к Бораевым на кувд большой
Идет народ огромною толпой.
А на большом бораевском дворе
Котлы уже кипели на заре,
Воловьи ляжки, курдюки варились
Старухи с молодыми сговорились,
Кому муку просеивать, кому
Готовить тесто к кувду своему.
Уаливыхи * жарили на сале,
В золе горячей тесто запекали.
А Урызмаг тем временем проворно
Всем нартам раздал горы чистых зерен.
И начался у нартов пир великий,
Веселые не прекращались крики,
От ронга и горячих шашлыков
Немало закружилось голов.

И целый месяц длился пир горой,
И нарты месяц тешились игрой,
Забыты были тяжкие невзгоды.
Но очерствело сердце у народа,
Очаг свой каждый бережно хранил,
Очаг же общий вовсе не ценил.
Сказал тогда сурово Урызмаг:
«Не забывают общий наш очаг,
Его огню не дайте вы угаснуть».
Но Урызмаг им говорил напрасно,
Никто не слушал больше старика,
И каждый думал о своих кусках.
И понял он, что на его желанье
Никто не обращает и вниманья.
Рассерженный, измученный тревогой
Он в лес пошел, чтоб отдохнуть немного.
И вот, когда он чашу обошел,
С высот небесных снизился орел,
Над нартом он недолго покружился,
Схватив его, к небесным далям взвился.
И быстро полетел орел могучий
Над снежными вершинами сквозь тучи.
Вот горные хребты исчезли вскоре,
Они летят над золотистым морем.
И тут взор нарта, пристальный и острый,
Вдруг различает отдаленный остров.
Тогда орел с высот небесных быстро
На остров опустил каменный.
Оставив Урызмага на камнях,
Он сам исчез в лазурных небесах.
А Урызмаг глядит вокруг в смятенье:
Средь острых скал лишь чахлые растенья,
Здесь нет, конечно, и живой души.
Что будет делать он один в глуши?
И вот нежданно он увидел чудо:

Струился дым из бездны изумрудной.
Но, наблюдая за волшебным дымом,
Кругом нигде огня не находил он.
Тогда, пройдя ущельем каменистым,
В морскую глубь он опустился быстро
И в дверь глухую постучался там.
Две девушки тут подошли к дверям,
И радости их не было конца.
Они ввели его во двор дворца,
К столу его с почетом пригласили,
Приветливы, как с лучшим гостем, были.
Оставив с гостем дочерей любимых,
Хозяюшка семьи гостеприимной
Вмиг вывела барашка для закланья,
Чтоб Урызмагу оказать вниманье.
Фынг вынесен во двор был из-под кровли,
Для мяса соль была уже готова.
И раз уж не было мужчины там,
Барашка Урызмаг зарезал сам.
И в тишине, на шелковистых травах,
Он приготовил шашлыки на славу.
Но прежде чем к еде он приступил,
Пред трапезой молитву сотворил.
Моленье кончив, вымолвил старик:
«Пусть юноша отведаст шашлык!
Без этого не приступает к пище
Ни воин славный, ни безродный нищий».
Старуха бедная заволновалась:
У них мужчин в доме не оказалось.
Был только мальчик, но он очень мал,
К тому ж в ту пору мальчик крепко спал.
Но Урызмаг к еде не приступает,
Адат нарушить долг не позволяет.
Пришлось тогда ребенка пригласить.
Две девушки пошли его будить.

Ребенок подбежал к столу, смущенный,
Покачиваясь, он еще был сонный.
Но не успел отведать шашлыка,
Как с полусна качнулся он слегка
И наскочил на острие кинжала.
И сердце, вздрогнув, биться перестало.
Вдова-старуха вся окаменела,
Держа в руках безжизненное тело,
И девушки заплакали навзрыд
Над мальчиком, который был убит.
А Урызмаг, на небо негодуя,
Поднялся снова на скалу крутую.
Лишь первый луч рассвета появился,
Опять орел с небес к нему спустился,
Вцепился в спину острыми когтями
И поднял высоко над облаками,
И нес его среди облаков обратно,
К земле родной, к его любимым нартам,
И там, в лесу, где нарт недавно был,
На землю осторожно опустил.
Нарт, дров набрав, покинул лес густой
И не спеша пошел к себе домой.
Развел огонь он в очаге родимом
И взглядом всех пирующих окинул.
А гости все друг друга угощают,
Вниманья на него не обращают,
Пьют и едят, и хлопают в ладоши.
Тут Урызмаг сказал: «Народ хороший,
Ты веселишься не в последний раз.
Прослушай же короткий мой рассказ.
Его решил я нартам посвятить,
Он многому их сможет научить».
И рассказал он про орла и море,
И про свое неслыханное горе.
Узнав об этом, бедная Сатана

Смутилась и заплакала неожиданно:
«О гости дорогие, наши братья,
Поведать все должна вам без изъятья.
Уже давно над нартом Урызмагом,
Прославленным великою отвагой,
Злой женщины проклятье тяготело
За то, что он ее отвергнул смело.
И вот за это мы всю жизнь страдали,
Все наши дети в детстве умирали.
Имели мы семнадцать сыновей,
И каждый жил не более трех дней.
Последнего ж, чтоб не покинул света,
Я отнесла тайком от всех к донбетрам.
И вот теперь я узнаю, что он
Своим отцом случайно поражен.
Что делать мне? На всем земном просторе
Не может быть сильней такого горя.
Ведь каждый раз, себя спасти желая,
Мы этим смерть скорее приближаем!
Я счастлива была еще недавно,
Сегодня сердце превратилось в камень».
Народ ответил безутешным плачем
И вскоре с кувда расходиться начал.

ПУТЕШЕСТВИЕ УРЫЗМАГА С ЕГО БЕЗЫМЯННЫМ СЫНОМ

Подходит как-то мальчик к Барастыру:
«Позволь расстаться мне с подземным миром,
Я побывать хочу на божьем свете».
«О мальчик храбрый! — Барастыр ответил,—
Коль отпущу тебя, то за тобой
Все мертвецы потянутся толпой».
Отказом мальчик не был удивлен,
И Барастыру так ответил он:
«О Барастыр, дай только разрешение,
А мертвецов введу я в заблужденье.
С коня подковы без больших хлопот
Перекую я сзади на перед.
Пойми, для мертвых будет лишь утехой,
Что в царство смерти новый путник въехал».
Тут Барастыр расхохотался громко,
День сроку дал он хитрому ребенку.
А тот был рад, что будет дома снова,
Перековал, как надо, он подковы.
Привратник Аминон раскрыл ворота,
И скрылся мальчик вмиг за поворотом.
Тогда собрались толпы погребенных
И подошли с надеждой к Аминону.
Взывали скорбно: «Выпусти и нас»,
Но Аминон ответил им, смеясь:
«Следы подков, как видите, не стерты,

Их направление не из царства мертвых». И мертвые, устав считать недели, Потупя взор, вернулись в подземелье. Под вечер мальчик к нартам прискакал, Он Урызмага во дворе застал И так сказал с почтительным поклоном: «О нарт великий, в битвах закаленный, Завоевавший славу и почет, Хочу с тобой я выехать в поход». В поход с юнцом ему идти обидно, Но отказать просящему постыдно. И нарт ответил, криво улыбаясь: «Куда поехать, право, я не знаю. Всю землю я объехал, все познал». Но Урызмагу мальчик отвечал: «Наутро укажу тебе я путь, Сегодня же ты можешь отдохнуть». Умчался мальчик на коне своем, А Урызмаг вошел печальный в дом. На стул он опустился сам не свой. Встревожилась Сатана: «Что с тобой? Лицо твое пылает, как в огне». Ответил нарт: «Как не сердиться мне. Мальчишка — и в седле его не видно, — Молокосос — и вспомнить даже стыдно — Мне, старику, сказал, как будто равный: «Со мной в поход отправишься ты славный». Поедешь с ним — все будут насмехаться, Но честь не позволяет отказать». Ответила Сатана: «Будь спокоен, Улажу дело, все тебе устрою». Три пирога медовых утром рано Любовно испекла ему Сатана И пироги на башню отнесла, И там молитву небу вознесла:

«О небо, я молю тебя о том,
Чтоб снег пошел и все сковало льдом».
И небо тучами покрылось сразу,
И засверкал повсюду лед алмазный.
Она Урызу молвила в тревоге:
«Застрянешь ты на собственном пороге,
Не помышляй ты в дальний путь поехать».
Промолвил Урызмаг: «Взгляну для смеха,
Куда девался мальчик наш бесстрашный».
И поднялся по лестнице на башню.
Оттуда степь обозреть он стал,
И видит: лошадь мальчик расседлал,
Под голову седло он положил,
Себя мохнатой буркою покрыл,
Среди травы — там снег и не бывал —
Заснул он сладко, словно век не спал.
Спустился Урызмаг с высокой башни,
Сказал Сатане: «Мальчик-то — бесстрашный,
Он подходящий спутник для меня».
И оседлал он белого коня,
Вскочил и в путь отправился верхом.
А мысли были только об одном:
«Коль покажусь я с мальчиком в походе,
То кривотолки вызову в народе.»
Чтоб не смеялись надо мною нарти,
Покончу с ним мечом своим булатным».
Как только нарт в пути юнца нагнал,
Из ножен меч сверкающий достал,
И, замысел свой выполняя черный,
Он полоснул юнца мечом по горлу.
Но мальчик был, должно быть, заколдован,
Он невредимым ехал и здоровым
И так спокойно Урызмагу молвил:
«Пришел ко мне. Теперь ты долг исполнил.
Спасибо, что не обманул меня».

Ударил мальчик своего коня
И с нартом старым в путь помчался дальний.
Вздыхает только Урызмаг печальный,
Конь застревает средь сугробов снежных.
Сказал тогда бедовый мальчик нежно:
«Неловко мне, ты заслужил почет,
Но если б ты послал меня вперед,
Расчистил бы я все сугробы эти».
Старик сказал: «Бывает все на свете».
И мальчика вперед он пропустил,
А сам покорно следовал за ним.
Конь мальчика растапливал дыханьем
Холодный снег на дальнем расстоянии.
Вот мальчик Урызмагу говорит:
«Нарт Урызмаг, не знающий обид,
К какой земле помчимся мы с тобой?
Куда еще ты не ступал ногой?»
Ответил Урызмаг: «Я был повсюду,
От черных скал до речек изумрудных,
В полях терк-турков не был никогда,
Да и попасть немислимо туда.
В густых лесах шныряют волчьи стаи
И все живое жадно пожирают,
Там ястребы огромные, как скалы,
Там змеи вьются с ядовитым жалом
И под охраной пастухов могучих
Пасется скот, на свете самый тучный.
Но что о нем напрасно вспоминать,
Никто не может этот скот угнать!»
Ответил мальчик: «Это все не в счет,
Мне предоставь ты отобрать их скот».
Вновь перед ними открывались дали,
А путники скакали и скакали.
Но вот на зеленеющем просторе
Гурты терк-турков показались вскоре.

Погнали нарты скот перед собой,
Но пастухи вступили с ними в бой.
Бедовый мальчик стал героем битвы,
Уничтожая пастухов сердитых,
Он, как грибы, их уши собирал
И в свой карман, огромный опускал.
Тут ястребы внезапно налетели,
Но справиться с прищельцем не сумели.
Он головы им быстро отрывал
И в свой карман вместительный их клал.
Расправившись со всеми без пощады,
Он овладел незащищенным стадом.
Тогда промолвил мальчик Урызмагу:
«Теперь домой води ты стадо шагом,
А я терк-туркам объявлю богатым,
Что угоняем мы их скот рогатый.
Попрячутся они иль выйдут в бой».
Тут Урызмаг погнал стада домой.
К терк-туркам возвратился мальчик смелый,
Вошел в село и начал речь умело.
Он громко крикнул им: «У вас беда,
Угнали ваши тучные стада».
Они сказали: «Посмотрите, эй,
Какой-то странник ждет там у дверей
В надежде выпить и покушать сытно.
Ну, что ж, пусть будет гостем именитым,
Пусть попирует за столом обильным.
А скот, табунщикам доверив сильным,
Мы потерять не можем навсегда!»
Воскликнул мальчик: «Угнаны стада!
Не верите? Так в подтверждение слов,
Вот уши ваших смелых пастухов,
Вот ястребиных множество голов,
Бессменных охранителей гуртов».
И вытащил, как из сетей улов,

Он из кармана уши пастухов
И ястребиных множество голов.
Их раскидав, сказал: «Мой счет — таков».
Он в путь обратный двинулся едва,
Как подошла к нему одна вдова
И говорит: «Да буду жертвой я!
Три сына юных было у меня,
Все трое были славные герои,
Шли впереди всегда во время боя.
Погибло двое, жив остался третий.
Чтобы в походе не нашел он смерти,
Прошу тебя, порань его легонько
И отнеси куда-нибудь в сторонку».
Тем временем опомнились терк-турки,
Схватили луки, развернули бурки.
И сын вдовы бежит с лицом суровым.
А мальчик говорит ему бедовый:
«Мне мать твоя тебя препоручила,
Домой вернись, нето верну я силой».
Но сын вдовы и слушать не желает,
Он едет дальше, стадо догоняет.
И мальчику пришлось его схватить,
Слегка поранить, после положить
В густой траве, в сторонке от дороги.
Других прогнал он, уничтожил многих,
Но никого не пропустил вперед.
Кто жив остался, не пошел в поход.
И, наказав своих врагов сурово,
Юнец вернулся к Урызмагу снова.
Гурты скота они, смеясь, погнали.
Поля пред ними снова замелькали.
Но вот уже окраина села,
И к дому их дорога привела.
Не мешкая они сошли с коней,
Чтоб свой дележ закончить поскорей.

И выбрал мальчик белого бычка,
Веревку вмиг накинуд на рога,
От всех других его он отделил.
Стада он на три части разделил.
А Урызмаг, за этим наблюдая,
Невольно думал, тяжело вздыхая:
«Наверно, он себе возьмет две части,
А мне — одну, в его ведь это власти.
О, как я нартам покажусь тогда?
Смогу ли быть я снова в их рядах?»
Но мальчик молвил нарту величаво:
«Ты долю выбери себе по праву».
«Нет, раньше младший должен выбрать долю.
Не знаешь разве наших предков волю?»
«Ну что ж, — ответил мальчик, — коли так,
Меня послушай, старый Урызмаг.
Вот — доля старшего, то — предков воля,
А вот и младшего вторая доля.
Ее тебе я в дар преподношу.
И этот дар принять тебя прошу.
А белого бычка возьми для сына, —
Он безымянным стал не без причины, —
Чтоб, разобравшись, понял ты в чем дело
И для него поминки дома сделал».
«Но кто же ты!» — воскликнул Урызмаг.
Ответил мальчик Урызмагу так:
«Я — сын твой безымянный. В день печальный
Меня пронзил ты острием кинжальным.
То было в море у донбетров смелых.
И мне с тех пор поминок ты не делал.
А я, чтобы проститься с этим миром,
Из царства отпросился Барастыра».
Едва успел закончить это слово,
Как в мир загробный он помчался снова.
Нарт Урызмаг тогда заплакал громко.

В тоске он крикнул мальчику вдогонку:
«В последний раз взгляни ты на меня!»
Но след простыл горячего коня.
Он отдал нартам весь свой скот рогатый,
К Сатане побежал, тоской объятый,
И со двора ей закричал в волнение:
«Ты знаешь, кто здесь промелькнул виденьем?»
Тот, чьими радостями ты жила,
С родимым сыном нас судьба свела.
Я с ним свершил к терк-туркам путь суровый,
И сын уходит в царство мертвых снова!»
Сатане было нестерпимо больно,
За сыном бросилась она невольно.
«О сын, чьим взглядом я не любовалась,
Чьим голосом вовек не наслаждалась!
О пожалей, останови коня,
Хоть раз один взгляни ты на меня».
Но мальчика срок краткий беспокоил,
Уже тускнело солнце золотое.
Он крикнул ей: «Кончается мой срок,
И миг захода солнца недалек».
Сатана, побледнев, все поняла,
Молитву к богу молча вознесла:
«Коль ты читаешь в материнском сердце,
Верни на миг последний отблеск солнца».
И бледный свет вдруг вспыхнул из-за гор
В то время мальчик отвратил свой взор
От входа в царство мертвых, и неожиданно
Его лицо увидела Сатана.
И бросила ему кольцо Сатана:
«Надень кольцо на палец безымянный!»
И в царство мертвых безымянный сын
Ушел один, как и пришел один.
Была печаль поминок глубока,
И закололи белого бычка.

УРЫЗМАГ И КРИВОЙ ВЕЛИКАН

Вся молодежь из нижнего квартала
Раз на ныхасе пела и играла.
И вышел спор горячий за игрою,
Когда заговорили о героях,
Кто из мужчин у нартов всех храбрее
И чья жена всех краше и умнее.
Но не было согласия между ними,
Всяк называл жены любимой имя.
«Зачем нам спорить? — Уазыг сказал. —
Пойдите в верхний нартовский квартал,
Спросите там у вещей Кулбадаг.
Не ошибется вещь никак,
Она решит, кто из мужчин храбрее
И кто из жен и краше, и умнее».
Они помчались к ней во весь опор.
«Кто в доме есть, пусть выглянет во двор!»
Из шалаша старуха тотчас вышла
И так сказала: «Что на свете слышно?
Что привело вас в мой шалаш простой?»
«Мудрейшая, о будь для нас родной!
Хотим мы правду от тебя узнать.
Сегодня мы поспорили опять,
Кто из мужчин у нартов всех храбрее
И чья жена всех краше и умнее».
Ответ такой слышали от вещей:

«Сатана всех мудрей из нартских женщин,
А из мужчин храбрейший — Урызмаг.
О солнышки мои, то знает всяк».
Как только это нарты услышали,
Они к старухе злобой воспылали,
Несчастную избили Кулбадаг,
Чтоб никогда не отвечала так.
Узнав об этом, мудрая Сатана
Разгневалась на дерзостных буянов.
А в это время из походов дальних,
Не ведая о случае печальном,
Вернулся Урызмаг к себе в селенье.
Сатана встретила его с почтеньем:
«Пусть долго слава о тебе живет!
Пусть жизнь твоя проходит без забот!
Как хорошо, что ты сегодня, к сроку,
Явился невредимым издалека.
Узнай про подвиг молодцов спесивых,
Которые не любят слов правдивых.
Они от злобы поломали ребра
Старухе Кулбадаг, простой и доброй,
За то, что та нас лучшими назвала
Из самых лучших нартов всех кварталов».
«Как, женщину они избили так! —
Вскипел от гнева старый Урызмаг. —
О, до чего же можно опуститься!
Чем жить в позоре, лучше не родиться!
Средь славных нартов это случай редкий.
Бить женщину! Завет нарушить предков!»
Отправился немедля Урызмаг
В шалаш тот ветхий, к бедной Кулбадаг.
«Зачем ты плачешь? В чем твоя беда?»
Она ему ответила тогда:
«Как мне не плакать, славный Урызмаг.
Со мной жестоко поступили так.

Ко мне пришли вдруг нарты молодые
И меж собой судили да рядили,
Кто из мужчин у нартов всех храбрей
И чья жена всех краше и умней.
Назвать мудрейших у меня просили,
Я назвала — они меня избili,
За правду ребра поломали мне.
Уж сколько дней горю я, как в огне!
Теперь с достоинством непоборимым
Иди к юнцам и докажи спесивым,
Что имя доблестное Урызмага
Обозначает вечную отвагу».
И двинулся он к нижнему кварталу.
И на ныхасе нартов так сказал он:
«О молодежь, выдавшая врага,
Валяешься зачем у очага?
В поход годичный лучше б устремилась».
И молодежь на это согласилась,
И в тот же час отправилась в поход,
Который должен был продлиться год,
И Кулбадаг молиться стала, чтобы
Послало небо снежные сугробы:
«Засыпь снегами путников настолько,
Чтоб можно было испытать их стойкость!»
И снег пошел, и всех застиг в горах он.
В пещеру нарты спрятались от страха,
От холода и голода страдая,
Неделю жили, мир весь проклиная.
Но небо все же проявило жалость:
В конце недели солнце показалось.
А в это время великан кривой,
Что властвовал над ближнею горой,
Погнал своих овец по горным склонам,
Ветрами от снегов освобожденным.
И знали все, что великан кривой

Имел ягнят с быков величиной,
А годовалые — такое чудо —
Величиною превзошли верблюдов.
И молодежи молвил Урызмаг:
«Пусть самый храбрый выступит на шаг,
Чтоб наши кости тлеть здесь не остались».
И многие на зов вперед подались,
Желая храбрость показать и рвенье,
Но падали сейчас же в изнуренье.
Тут Урызмаг, чтоб показать пример им,
Обледенелый вышел из пещеры.
Направился он к стаду великанов,
Чтоб отобрать хорошего барана.
И скоро в наступившей темноте
Подкрался осторожно к баранте.
Схватил барана, но рука примерзла,
И холод пронизал его до мозга.
И от барана оторвать никак
Руки своей не может Урызмаг.
Испуганный баран метнулся к дому,
Где спал спокойно великан огромный.
Кривой проснулся и врага заметил,
Схватил его и насадил на вертел.
И вертелу он дал такой наказ:
«Изжарь на ужин нарта мне тотчас,
А я пока прилягу и вздремну,
И от забот немного отдохну».
Огромный камень он легко схватил
И вход в пещеру плотно завалил,
А сам в пещере, на плите гранитной,
Глубоким сном уснул он, как убитый,
Но не пронзенный вертелом стальным
Нарт Урызмаг остался невредим.
Пронзил тот вертел лишь одну одежду.
И Урызмаг с воскресшею надеждой

Мечом своим одежду перерезал,
Схватил мгновенно вертел тот железный,
И, раскаливши до красна, неожиданно
Воткнул он в глаз кривого великана.
Взвыл великан от нестерпимой боли:
«О, не завидую твоей я доле!
Чтоб проклял бог тебя, коварный враг!
Пусть навсегда погаснет твой очаг!
Уже я слышу плач твоих родных.
Ты не уйдешь теперь из рук моих».
И вот при первых утренних лучах
Поднялся великан и стал в дверях,
Расставил ноги и, ведя свой счет,
По одному стал пропускать он скот.
На каждого он руку опускал,
Наощупь Урызмага он искал.
Но Урызмаг под животом козла
Себя козлиной шерстью привязал.
Козел прошел под великаном шагом,
И вынес он с собою Урызмага.
И великан, кляня и свет и мглу,
Промолвил тихо своему козлу:
«Тебе спасти я поручаю стадо,
А мне съесть нарта дерзостного надо».
Тут Урызмаг ответил громким смехом:
«Тебе желаю полного успеха.
И если ты теперь настолько смел,
То съешь других, как съесть меня хотел».
Но великан ему не отвечал,
От ярости на землю он упал.
А Урызмаг угнал тогда все стадо.
Добыча эта — доблести награда.
Он нартов славных плотно накормил,
И каждый нарт и сыт и весел был.
Вернулись с песнями они обратно

В село родное достославных нарттов.
И стадо на две части разделили,
И Кулбадаг одною одарили,
Обогадив ее в одно мгновенье.
Из остальной же части для селенья
Был сделан кувд, за ним еще другой.
Все поняли, кто лучший был герой.
И радовалась больше всех Сатана,
Что Урызмаг вернулся долгожданный.

КАК САТАНА ПОДДАЛАСЬ СОБЛАЗНУ

В поход годичный Урызмаг собрался,
С Сатаной любимой попрощался.
«Я в путь иду, далекий, незнакомый,
А ты, жена, храни ключи от дома.
На всякий случай я оставляю шило,
Что обладает чудотворной силой.
Смотри за ним и бережно храни,
А срок придет, ты им ладонь проткни.
Коль из нее польется кровь струей,
То не вернется Урызмаг домой;
Коль из ладони брызнет молоко
И пена разойдется широко,
То, значит, жив и в нартское селенье
Я возвращусь к тебе без промедленья».
Когда Тутыр * среди мирских забот
Узнал, что нарт отправился в поход
И что Сатана будет жить одна,
Проворно он вскочил на скакуна.
В пути он думал: «Нартская Сатана
Не поддавалась ловкому обману.
Мужчин к себе она не допускала
И все уловки их распознавала.
Но у нее я должен ночевать,
Чтоб нартову хозяйку испытать».
Примчался он в село во весь опор

И к Урызмагу лошадь ввел во двор.
Уже темнело. Приближался вечер.
Сатана вышла путнику навстречу:
«Мне разрешает наш адат старинный
Принять тебя, хоть в доме нет мужчины».
Сатана в дом его ввела с почетом
И окружила путника заботой.
Для гостя в знак особого вниманья
Приволокла барана для закланья.
«Коль муж уехал,— молвила Сатана,—
То пусть же гость заколет сам барана».
Сатана быстро стол ему накрыла
И гостя дорогого угостила.
Тутыр сказал Сатане без смущенья:
«Я не скрываю цели посещения.
К тебе приехал, ты не будь в обиде,
Не только для того, чтобы увидеть,
Хочу возлечь с невестой, как жених,
Ты приготовь подстилку для двоих».
Разгневалась Сатана, задрожала
И угощать Тутыра перестала.
Сказала гордо: «Глуп ты, как осел,
Коль для соблазна ты ко мне пришел.
Пред женщиной стыда ты не имеешь.
Как издеваться надо мною смеешь!
Ты думаешь, что я на склоне лет
Позор приму на голову? О нет!»
И, возмущенная, средь ночи темной
Сатана выгнала его из дома,
Избив за дерзость кочергой железной,
Чтоб он забыл о мыслях бесполезных.
Тутыр и света божьего не взвидел,
Домой бежал он в гневе и обиде.
А Сафа, мастер золотых изделий,
Узнав о том, подумал: «И без хмеля

Тутыр был пьяным. Он ушел избитый.
Пути к Сатане для него закрыты.
Но если браться вновь за это дело,
Мне надо будет действовать умело.
Со мной, быть может, выйдет по-другому,
И встречен буду я не так сурово».
Обдумав все свои шаги заранее,
Собрался Сафа к нартвской Сатане.
И тайно, чтоб другие не узнали,
Он ловко сделал из чудесной стали
Два ножичка складных на удивленье,
Два ножичка складных на загляденье.
Их свойство было необыкновенно:
Захочет лишь хозяин, и мгновенно
Пред ним уже не ножички стальные,
А девочка и мальчик разбитные.
Хозяину в пути они служили
И только для него на свете жили.
Когда же он хотел им отдых дать,
То обращал их в ножички опять.
От ветра и дождя оберегал,
И в свой карман их осторожно клал.
Не ножички, а просто загляденье!
Вот въехал Сафа в нартское селенье;
Спешит к Сатане. У ее дверей
Он спешил и крикнул громко ей:
«О, добрый вечер, нартова Сатана!
Прими меня, я — гость для всех желанный».
Уже темнело. Приближался вечер.
Сатана вышла путнику навстречу:
«Дает мне право наш адат старинный
Тебя принять, хоть в доме нет мужчины».
Тогда вошел спокойно Сафа в дом,
Как добрый гость расположился в нем.
Хозяйка вышла, стала у дверей,

В ладонь воткнула шило поскорей.
Запенилось на ранке молоко,
Она вздохнула радостно, легко.
«О боже, жив он! Все мы в божьей власти,
Не угрожают путнику напасти».
Она вернулась к гостю с торжеством:
«Оставила тебя я одного,
Будь милостив, прости меня за это,
Ведь Урызмаг мой странствует по свету.
Не ведала, вернется ли он ночью,
И потому я волновалась очень.
Теперь же я узнала, что домой
Вернется он рассветною порой».
Сказала это и во двор пошла,
И жирного барашка привела:
«О гость почтенный, в доме нет мужчины,
Не нарушай обычаев старинных.
Быть может, даже вопреки желанью,
Но все же выполни обряд закланья».
Тут вытащил из двух карманов тайных
Кузнец два ножичка необычайных,
И обратил их с ловкостью отменной
Он в мальчика и девочку мгновенно.
Зарезал мальчик тотчас же барана.
Дивясь, глядела на детей Сатана,
Как быстро все они приготавлиали,
Хозяину проворно угождали.
И думала она: «Вот чудеса,
Каких не встретишь даже в небесах».
Тем временем поджарился шашлык,
И дети изумительные вмиг
Пред Сафою поставили на стол.
А Сафа даже бровью не повел,
И лишь когда окончил ужин свой,
Он юным слугам сделал знак рукой.

Промолвила почтительно Сатана:
«Ложись и отдохни, мой гость нежданный.
В парадной комнате ты будешь спать».
Едва она успела то сказать,
Как мальчик с девочкою подбежали
К хозяину и вновь ножами стали.
А тот почистил тщательно ножи
И снова их в карман свой положил.
Сатану к чуду потянуло властно.
Что может быть таких ножей прекрасней?
Лишь в комнате улегся гость усталый,
Она зашла к нему и так сказала:
«О гость достопочтенный и желанный,
Пока не дашь ножей твоих карманных
Мне навсегда, не успокоюсь я,
Продай их мне, озолочу тебя.
За них любую цену запроси».
Ответил мастер: «Боже упаси!
Моих кормильцев как же мне лишиться!»
Сатана не могла уговориться
И продолжала гостя умолять
Два ножичка диковинных продать.
Молчанья долго гость не прерывал,
Но, наконец, с улыбкою сказал:
«Те ножички мне дороги, как дети.
Я не отдам их ни за что на свете.
Но если их придется променять,
То лишь на женщину». «Что мне сказать,—
Ответила ему Сатана сразу.—
Не поддавалась никогда соблазну,
Но коль впаду теперь в соблазн за них,
То будет грех, но грех не из больших.
Никто меня не упрекнет за это».
И вот они до самого рассвета
Глаз не смыкали. Ну а утром ранним

Довольный Сафа радостной Сатане
Два ножичка чудесных подарил.
Лишь солнца луч поля позолотил,
Как Урызмаг, старик белобородый,
Наставник славный нартского народа,
Чуть свет в селенье прибыл с табунами
Из дальнего похода за горами
И крикнул: «Исходил я все края!
Где ты, хозяйка старая моя?
Взгляни скорей — и сердце будет радо —
Пригнал я многочисленное стадо».
Лишь голос Урызмага услышала,
Заплакала она, запричитала:
«Кровавый дождь пронесся надо мной,
Над бедною, несчастной головой.
На старости в какой соблазн я впала
И честь свою навеки потеряла.
Что делать мне? Кто боль мою измерит?
Смогу ль теперь ему открыть я двери?
Коль он войдет и здесь найдет другого,
Расправится, должно быть, с ним сурово,
И мой позор пойдет гулять по свету.
Нет, никогда я не пойду на это!»
Пока Сатану мучило волнение,
Закралось в сердце старика сомнение.
Он ближе подошел к родному дому,
Услышал сразу голос незнакомый,
И понял он, чем вызвано молчанье...
«Кто без меня посмел придти к Сатане?»
И Урызмаг стоял, как пригвожденный,
Тяжелым горем в сердце пораженный.
Посыпались из глаз мгновенно искры,
И мысль одна его пленила быстро:
«Убить его и с ним убить Сатану!»
Он к двери подошел, от злобы пьяный.

Но вот остановился он внезапно:
«О небеса! Что скажут наши нарты?
Что делать? Взять ли на себя мне грех?
Убить легко, но как уйти от тех,
Кто прибежит на крики и стенанья?
Что я тогда скажу им в оправданье?
И разнесется страшный мой позор
От мест родных до отдаленных гор.
Придут сюда испуганные нарты...
Что делать мне? Иль убежать обратно?
Но если убегу я из селенья,
Друг другу нарты скажут с удивленьем:
«Год не был Урызмаг, домой попал
И от жены обратно убежал»».
Недолго колебался Урызмаг.
В конце концов решил несчастный так:
«Уйти и не вернуться никогда,
Забыть про все прошедшие года».
И скакуна он оседлал опять,
Чтоб день и ночь в чужих краях скакать.
Умчался он куда-то далеко.
Узнав о том, кузнец вздохнул легко.
Оставив ножички свои Сатане,
Смеясь, домой помчался утром ранним.
Все поняла тогда Сатана сразу:
«О, как могла поддаться я соблазну!
И коль об этом нарты будут знать,
Смогу ль свое лицо им показать?
Допустят ли меня в свою среду?
Нет, лучше я от них навек уйду
И за свою измену в наказание
Вдали погибну, где-нибудь в изгнанье».
В тоске неудержимой, без надежды,
В мужские облачившись одежды,
Ушла она, как странница, из дома,

Пошла к местам далеким, незнакомым,
Но ножички с собою захватила.
И про себя она проговорила:
«Пусть пропаду в неведомых я странах».
Пошла в изгнание нартова Сатана.
Степями шла и чащею дремучей,
Не обходила рывины и кручи,
Шла по горам, переходила реки,
От горьких мыслей не смыкая веки.
Усталости не ведала она.
Страну сменяла новая страна.
Каким путем, какою шла дорогой,
Известно было одному лишь богу.
А нарта Урызмага нет как нет.
В каких краях его затерян след?
Однажды ночью, темною и длинной,
Сатана шла долиною пустынной.
Шла в полной тьме, о камни спотыкаясь,
И все ж вперед упорно продвигалась.
Но вот и солнце над землею взошло,
Все ожило вокруг и расцвело.
Сатане захотелось отдохнуть,
Ведь впереди еще был долгий путь.
Заметив бугорок, она пошла
К нему скорей и на траву легла.
Сон вмиг подкрался к путнице усталой.
Проснулась — солнце высоко стояло,
И пламень ярких солнечных лучей
Всю землю согревал еще сильнее.
Глаза от солнца заслонив рукой,
Она взглянула на простор земной.
Кругом поля, цветущие равнины,
Над ними горы, снежные вершины.
В одной долине солнечной стада
Заметила Сатана. И тогда

С надеждою подумала она:
«Раз вся долина барантой полна,
То и пастух, должно быть, недалече.
Я подожду пока наступит вечер».
Но вот и солнце скрылось за горой,
Повеяло прохладой ночной.
И тотчас же, как это полагалось,
К ночным стоянкам баранта собралась.
И пастуха Сатана разглядела.
Он занят был своим обычным делом.
Кружился на коне средь трав высоких
Старик широкоплечий, огнеокий,
Барашками своими окружен.
На них замахивался плетью он
И на ночную собирал стоянку,
Чтоб их пастись отправить спозаранку.
Когда собрал, чтоб не было потерь,
Заколотил он загородки дверь,
А сам пошел к себе в шалаш прохладный
Чтоб подкрепиться отдыхом отрадным.
Сатана, притаившись, темной ночью
Поодаль шалаша сидела молча.
Вдруг крикнула: «Открой-ка гостю двери!
В пути немало он дорог измерил».
Пастух сейчас же выбежал на зов,
Он странника был приютить готов:
«О заходи, будь долгожданным гостем,
Здесь странствующих принимают просто».
Лишь голос тот Сатана услышала,
Как Урызмага сразу же узнала,
Узнала мужа, старика родного,
Пропавшего и найденного снова.
От радости Сатана задрожала,
Едва-едва она себя сдержала,
Чтоб не открыться до конца тотчас же.

А Урызмаг и не подумал даже,
Когда вводил в шалаш гостеприимный,
Что этот гость неожиданный был любимой
Женой, с которой жил он дружно прежде.
Она теперь была в мужской одежде.
Нарт Урызмаг барашка притащил
И на кремне свой ножик отточил.
Сатана же достала из кармана
Два ножичка любимых и желанных.
И ножички те из чудесной стали
Вмиг мальчиком и девочкою стали.
И мальчик, взяв у пастуха барана,
Пред старым нартом заколол неожиданно.
Нарт Урызмаг совсем оторопел,
На мальчика и девочку смотрел.
Дивился он невиданному диву:
«О боже мой! Ты дал мне день счастливый.
Весь свет изъездил, не сидел я сиднем,
Мир наблюдал, и многое я видел,
Свидетелем чудес не раз бывал,
Такого ж чуда в жизни не встречал».
Закончив быстро скромный ужин свой,
Лжестранник сделал детям знак рукой,
И мальчик с девочкою подбежали
К лжестраннику и вновь ножами стали.
И он почистил тщательно ножи,
И в свой карман их снова положил.
Тут Урызмаг, как громом пораженный,
Остановился весь преображенный:
«Не рассердись ты на слова мои,
Продай мне, странник, ножички твои.
Не пожалел бы ничего на свете,
Все отдал бы, что только глаз приметит,
А доброту твою бы помнил вечно».
Сатана улыбнулась: «Да, конечно,

Таких, как ты, я в жизни не встречал,
Хотя людей немало я видал,
И за добро я должен отплатить,
Все за него ты можешь попросить.
Я в ножичках своих души не чаю,
И ни на что я их не променяю.
О не сердись, ты видел сам воочью,
Они мне верно служат днем и ночью,
Они — мои кормильцы дорогие.
И коль на блага их менять другие,
На женщину лишь променяю их
И ценностей не требую других».
Тогда промолвил Урызмаг Сатане:
«Исполнил бы я всякое желанье.
Коль женщиной родился б я на свет,
То верности нарушил бы обет,
Не вынес бы я этого соблазна».
Тут назвала себя Сатана сразу,
И молвила она ему невинно:
«Теперь, Урыз, ты, доблестный мужчина,
Поймешь меня, как, свой обет нарушив,
Я отдала за это чудо душу».
Сатану снова обнял Урызмаг,
Он к примиренью сделал первый шаг.
Они решили поспешить обратно,
Вернуться снова к огнеоким нартам.
Не забывали и односельчане
Об Урызмаге славном и Сатане,
Сходились часто на ныхасе вместе
И о пропавших ожидали вести.
«Уж срок прошел годичного похода,
Вне дома Урызмаг уже два года,
В селенье нартов нет его ноги,
Наверное, он где-нибудь погиб.
Печален был конец их жизни дружной».

Жена исчезла вскоре вслед за мужем». Тогда Сырдон проговорил: «Поверьте, Нам незачем и говорить о смерти. Живыми и здоровыми они В свое село вернутся в эти дни, Опять стада они пригонят к нам И сделают подарки беднякам». Исполнилось предчувствие Сырдона: Лишь луч зари скользнул по небосклону, Как радостная весть распространилась, Что дружная семья к ним возвратилась. Пригнала баранту она с собой, Довольная походом и судьбой. И все селенье, как гостей желанных, Встречало Урызмага и Сатану. Все поздравляли с возвращеньем их — Наставников, сородичей своих, Им руки старцы крепко пожимали, А молодые пели и плясали. Так радовались нартские герои, Как будто солнце вдруг взошло второе. Нарт Урызмаг — он снова стал веселым — Сказал: «Пусть вестники пройдут по селам, Сзывая нартов бедных и богатых На поле игр, где часто пляшут нарты». Когда собрались все, призывам внемля, Сатана скромно бросила на землю Два ножичка стальных на удивленье, Два ножичка складных на загляденье И обратила с ловкостью отменной Их в мальчика и девочку мгновенно. Они сейчас же к делу приступили, Вкруг стада оживленно заходили. На них глядели нарты с изумленьем — Не видело таких чудес селенье.

Скот сосчитать помог Урыз им сам.
Часть бóльшую он рóздал беднякам.
Сказавши слугам: «Для меня пока
Вы отделите белого бычка,
А остальных меж нартскими домами
Распределите поровну вы сами».
И выполнили слуги тот приказ
С достоинством большим, не торопясь.
Они бычка от стада отделили,
Все остальное стадо разделили.
И каждый нарт ту долю получил,
Которую Урыз определил.
Сатану с Урызмагом весь народ
Благодарил, им оказав почет.
Все разошлись с подарками домой.
Тогда ушел и Урызмаг с женой
И белого бычка с собою взял,
Кувд будущий с Сатаной обсуждал.
Готовиться Сатана к пиру стала,
Напитки, кушанья приготавливала.
Закончив все, Сатана приказала
Глашатаю пройти по всем кварталам:
«Иди и крикни нартам, вестник мой,
Чтоб все собрались к нам на кувд большой.
Устраивает пир наш Урызмаг,
Пир на весь мир — благополучья знак».
И выполнил приказ ее глашатай,
С вершины крепости он крикнул нартам:
«Послушайте, что я скажу сейчас,
Есть весть одна, приятная для вас:
От стариков до маленьких детей
Спешите к Урызмагу поскорей».
Собрались все — и женщины, и дети,
Мужья, которых лучше нет на свете, —
Собрались к Урызмагу в дом большой

И забавлялись пеньем и игрой.
Неделю целую все пировали,
Затем из-за столов обильных встали,
Хозяев дружно отблагодарили
И разошлись. И все довольны были.
А Урызмаг с женой своей прекрасной
Жить стали снова мирно и согласно.

ПУТЕШЕСТВИЕ УРЫЗМАГА В ЧУГУННОМ ГРОБУ

Под старость Урызмаг, герой народный,
Тяжеловат стал для больших походов,
Народ порой подтрунивал над ним:
«Урыз, ты был когда-то молодым!»
Обидно стало нарту Урызмагу,
Что позабыл народ его отвагу.
«Ужель я стал ненужным для народа
И не гожусь для доблестных походов?»
Вот как-то на ныхас явился он,
В глубокое раздумье погружен.
На место то, где он всегда садился,
Он сел и к нартам с речью обратился:
«Издrevле мы в согласии живем,
К нам, как хозяин, путник входит в дом.
Не раз бежал от Урызмага враг,
Но постарел ваш славный Урызмаг.
Мое желанье вы не осудите,
В последней просьбе мне не откажите.
Не требую я жертвы никакой,
Не буду вас обременять собой».
И весь народ тогда зашевелился,
Сказал: «Спасибо, что ты нам открылся.
Нам честь и совесть потерять пришлось бы,
Коль мы твоей не выполнили б просьбы».

Сказал им Урызмаг: «Тогда идите
И мне чугунный ящик закажите
У друга нашего Курдалагона,
Чья кузница стоит у небосклона.
Пусть в ящике окошко он пробьет,
Слюду же мне Сатана подберет.
У мастера же золотых изделий,
Известного вам Сафа, на неделе,
Не отказав мне в маленькой услуге,
Нагрудные вы закажите дуги
И, принеся все эти украшения,
Мне положите в гроб для утешенья.
Когда закончите, без горькой думы
Вы разукрасьте ящик мой чугунный,
Его снаружи смажьте рыбьим жиром,
К Царцу-реке меня несите с миром.
И в волны бросьте мой чугунный ящик,
Чтоб он упал на дно реки бурлящей».
Тут у отважной нартской молодежи
От слов таких прошел мороз по коже.
Таков обычай: нарты держат слово,
Карая нарушителей сурово.
И поднялись они по небосклону,
Гроб заказали у Курдалагона.
И мастер гроб чугунный разукрасил,
Как порешили это на ныхасе.
Урызу сделали они тотчас
Напитков, пищи месячный запас.
И, думая об Урызмаге-друге,
Ему у Сафа заказали дуги.
В гроб положили нарты молодые
Все украшения эти золотые.
Чугунной крышкой гроб литой закрыли,
И наглухо его заколотили,
Потом, обильно смазав жиром рыбьим,

К реке отправились, покрытой зыбью.
Река Царцу их встретила разливом.
Гроб опустили нарты молчаливо
И, головы на грудь склонив в печали,
В последний раз «прощай» ему сказали.
Как люлька, гроб качался на волнах
И к морю Черному летел стремглав.
А там его донбетры увидали,
Они в то время жемчуг добывали.
Казался гроб им чудом неземным,
И целый день они играли им.
Смеясь, поймать его пытались в сети
И прыгали через него, как дети.
Устроили себе забавный пир
И слизывали жадно рыбий жир.
Устав возиться с ним, донбетры вскоре
Перенесли его на берег моря.
Там, у маликов, мельница вертелась,
И пошутить донбетрам захотелось.
Гроб в нук * они, играя с ним, вложили
И мельницу легко остановили,
А сами скрылись все в одно мгновенье.
И мельники пришли в недоуменье,
Друг друга спрашивали: «Что случилось?
Как это мельница остановилась?»
Вот к мельнице поближе подошли
И в нук гроб чугунный тот нашли.
Осматривали долго, удивлялись,
Возились с ним, открыть его пытались.
Один бросал, другой за дело брался,
Но гроб чугунный все ж не открывался.
Тогда они, кляня свое бессилье,
К царю маликов гроб послать решили.
Отправили они к царю людей,
Чтоб о находке рассказать своей.

«О милость царская да будет с нами!
То чудо не сравнится с чудесами.
Мы в мельнице нашли чугунный ящик,
Сочли его мы чудом настоящим.
Уже на небе солнце показалось,
Но гроб никак открыть не удавалось».
Царь милостиво приказал: «Возьмите
Вы ящик и его мне принесите!»
Под тяжестью сгибаясь до земли,
Чугунный гроб малики принесли.
Чтоб гроб открыть, всех мастеров позвали.
Когда взломали, удивляться стали:
«О странный гость! Как ты сюда проник?
Зачем залез в чугунный гроб, старик?»
«Нарт Урызмаг я, из страны великой,
Я лицезреть хотел царя маликов».
«Ну что ж,— ответил царь,— за лицезренье
Мне гости платят вечным заточеньем».
И заточил он нарта в подземелье,
А сам предался буйному веселью.
Шли дни, но дерзкий пленник не смирился.
Вот как-то раз он к страже обратился:
«Коль сердце старца биться перестанет,
Ваш мудрый царь счастливее не станет,
Ведь за меня — героя славных нарт —
Царь может выкуп требовать богатый».
И стража донесла царю маликов:
«Твой пленник просит милости великой.
Ведь за него — героя дерзких нарт —
Царь может выкуп требовать богатый».
«Что ж, мысль хорошая,— ответил царь,—
Старик умен, должно быть, как и встарь.
Подземную темницу отворите
И пленника скорее приведите.
Коль выплатит хороший выкуп он,

Свободой тотчас будет награжден,
А коли нет, от голода умрет».
Страж выполнил приказ царя. И вот
К царю он снова пленника ведет.
Вопрос такой царь грозный задает:
«Ну, старый нарт, испытанный в огне,
Какой ты выкуп предлагаешь мне?»
И голову свою склонивши, так
Царю ответил гордый Урызмаг:
«Есть однорогие вола у нас,
Их сотню сотен пригоню сейчас,
Двурогих я тебе две сотни дам,
Трехрогих тысячу. Моим словам
Поверь, о царь! Число четырехрогих
Сам назови в своих расчетах строгих».
Промолвил царь: «Пусть будет сотен восемь,
И большего мы от тебя не просим».
«И пятирогих цифру назови,
Я выполню веления твои».
Малик сказал: «Два раза сотен девять».
«Конечно, нарты весь свой скот разделят
И срочно приготовят выкуп весь.
Но кто доставит нартам эту весть?
Чтоб перегнать тебе гурты скота,
Двух вестников прошу я неспроста.
Пусть первый будет рыжим, а второй —
С большою чернокудрой головой».
И обойдя тогда немало сел,
Гонец царю двух избранных привел.
Здесь был и рыжий, и черноволосый.
К ним обратился Урызмаг с вопросом:
«Кто знает в нартское село дорогу?»
«Мы оба знаем путь тот, слава богу».
«Тогда идите и в моем квартале
Спросите нартов обо мне вначале,

Потом скажите, что в темнице я
И что за выкуп выпустят меня.
Пусть выполнят они, не дрогнув бровью,
Любя меня, все царские условия:
«Есть однорогие волы у вас,
Их сотню сотен дайте нам сейчас,
Двурогих нам две сотни отсчитайте.
Трехрогих тысячу вы пригоняйте.
Четырехрогих — восемьсот в дорогу,
Два раза девять сотен пятирогих».
Потом скажите: «Коли этот скот
К царю маликов тотчас не пойдет,
То обезглавьте черного вола,
И на виду у нартского села
Вы голову его скорей повесьте
На шею рыжего. Вот наши вести»».
Два парня в нартское село помчались,
В дороге пели песни и смеялись.
Когда добрались до ныхаса нартов,
Сказали старцам много слов приятных.
«Добро пожаловать! — им отвечали. —
Откуда гости? Видно, вы устали?
С какою новостью пришли вы к нам?»
Посланники сказали старикам:
«Мы посланы к вам от царя маликов,
У нас в плену ваш Урызмаг великий.
Вы выполнить должны беспрекословно
Царя маликов скромные условия:
Есть однорогие волы у вас,
Их сотню сотен дайте нам сейчас.
Двурогих нам две сотни отсчитайте,
Трехрогих тысячу вы пригоняйте,
Четырехрогих — восемьсот в дорогу,
Два раза девять сотен пятирогих».
Добавили потом: «Коль этот скот

К царю маликов тотчас не пойдет,
То обезглавьте черного вола,
И на виду у нартского села
Вы голову его скорей повесьте
На шею рыжего. Вот наши вести».
Тогда народ заговорил в тревоге:
«Достать, конечно, можно однорогих,
Двурогих нам не трудно отобрать,
Но где же нам трехрогих отыскать?
Четырехрогих, пятирогих нет».
Решили, что Сатана даст ответ.
Сатана рассмеялась и сказала:
«Я поняла все с самого начала.
Пусть здравствует храбрейший наш старик!
Ужель никто из нартвов не проник
В смысл слов иносказательных его?
Вам Урызмаг готовит торжество.
Нашел он где-то, гласу сердца внимля,
Богатые, нетронутые земли.
Когда он говорил об однорогих,
Сзывают, значит, пеших вы в дорогу.
Двурогие — то конных войск колонны.
Трехрогие — стрелки на горных склонах.
Четырехрогие — то щитоносцы,
Как зеркала, блестят щиты на солнце.
А пятирогие — в вооруженье
Все войско в целом, что пойдет в сраженье.
Лишь только войско вестники узреют,
То указать дороги не посмеют
И остановятся на полпути.
Тогда вам надо черного схватить
И, обезглавив, голову повесить
На шею рыжего. Укажет вестник
Тогда к царю маликов путь прямой,
Чтоб не расстаться с рыжей головой».

Вот войско нартв собиратья стало.
От топота коней земля дрожала.
Увидя это, вестники в волненье
Бежать хотели тайно из селенья,
Но беглецов поймали нарты вскоре,
Себе на радость, а врагам на горе.
Булатный меч успел сверкнуть едва,
Как черная скатилась голова.
И рыжему гонцу ее на шею
Повесили, чтоб шел он веселее.
И бедный вестник, ужасом объятый,
Путь указал врагам своим заклятым.
А в это время старый Урызмаг
Жене малика, как почтенья знак,
Дугу поднес из золота литого,
Но в тайне добивался он другого:
Узнать, какие клады есть у них
И где хранят их от врагов лихих.
Дугою золотой восхищена,
Клад указала царская жена
И, словно опьяневшая от хмеля,
Открыла вход заветный в подземелье.
Запомнив это, нарт, как часовой,
Тогда на башне стал сторожевой.
Заметив войско на большой дороге,
Вошел он смело в царские чертоги
И так сказал: «Уже идет мой скот,
Своим стрелкам вели идти вперед.
Но пусть возьмут они лишь хворостинки,
Чтоб на пути не вышло бы заминки.
Ведь если кто оружие возьмет,
То в страхе разбежится весь мой скот».
И царь решил, что слушать нарта нужно,
Велел стрелкам он выйти без оружия,
А сам взошел на башню, и с тревогой

Стал наблюдать он с нартом за дорогой.
Лишь к войску нартов подошли малики,
До них мгновенно донеслись их крики.
Земля тряслась от топота копыт.
Отряд маликов сразу был разбит.
Царь молвил: «Нарт, звездой своей хранимый,
Скажи, откуда в поле столько дыма?»
«Животные идут без понуканья,
То пыль от ног и пар от их дыханья».
Но царь сказал: «Я слышу шум и крики,
Что это значит? Где мои малики?»
«Прислали скот нам нартовские села,
Доносит ветер шум копыт тяжелых».
Но вот примчались нарты, наконец,
И окружили крепость и дворец.
Тут Урызмаг достал свое оружие,
Сказав царю: «Нам рассчитаться нужно.
Взгляни скорей на этот скот рогатый.
Прими же выкуп достославных нартов».
И он взмахнул мечом своим точеным,
И царь упал, ударом пораженный.
А Урызмаг богатство все связал
В тюки большие и с собою взял.
И войско нартов с радости великой
Весь тучный скот забрало у маликов.
И, торжествуя, в нартские селенья,
В свои дома вернулось войско с пеньем.
Там стали отдыхать и пировать,
Свою добычу бедным раздавать.
И чествовали долго Урызмага
За светлый ум и нартскую отвагу.

СОЗЫРКО И КОЛЕСО БАЛСАГА *

Из верхнего квартала как-то раз
Созырко с Урызмагом и Батрадз
Отправились в вооруженье полным
К Царцу-реке, что катит бурно волны,
К одной из родственниц, горя желаньем
Вдове добрейшей оказать вниманье.
Следов от Вдовьей башни не осталось,
Остатки крепости внушали жалость.
Среди травы — обугленные склепы,
Кругом — олустошенье, груды пепла.
«В чем дело? — молвил Урызмаг сердито. —
Чьи кони здесь плясали симд копытом?»
И всадники разъехались тогда,
Чтоб распознать, откуда шла беда.
Сам Урызмаг помчался на восток,
Батрадз — на запад. Путь их был далек.
Созырко ж по обочине дороги
На юг помчался. Смотрит он в тревоге:
Деревьев ветки срезаны повсюду,
Отрубленных голов он видит груды,
И все они насажены на колья.
Созырко меч сжимает свой до боли.
Стрелой несется конь его лихой
К врагам старинным по земле чужой.
Созырко видит: человек нагой

Сидит один с поникшей головой
Невдалеке от берега крутого.
Тогда Созырко так спросил нагого:
«Что делаешь ты, человек нагой?
Иль отдых ты устроил здесь дневной?
Коль путник, то откуда держишь путь?»
«Не путник я, - присевший отдохнуть.
Мне выпала нерадостная доля,
Врагами взят я в горькую неволю.
Нас взяли в плен, когда сожгли село,
Где много наших братьев полегло.
Оставшихся связали и толпой,
Плетьми рубцуя, гнали пред собой».
«Тогда садись скорей в мое седло,
Найдем мы тех, кто сжег твое село».
И сел в седло тогда к Созырко он,
Поехал к тем, кто взял его в полон,
К земле Гумира путь он указал,
К обидчику-алдару поскакал.
Невольники работали на пашнях.
Промолвил нарт: «Ужель то люди наши?»
«Да, это нарты гибнут от ударов,
На них здесь пашут ратники алдара».
Созырко ярости не мог сдержать,
Меч острый он схватил за рукоять,
И стал косить он им людей алдара,
В плену томившихся освобождал он.
Когда всех пленников освободил,
То к крепости он с боем приступил.
Тогда Гумир, познав врагов отвагу,
Послал гонцов за колесом к Балсагу:
«Будь милостив, прошу я об одном,
Без колеса мы вовсе пропадем.
Явился нарт, что гневен и бесстрашен,
Он отомстить решил за Вдовью башню».

И колесо Балсаг тогда пустил,
И колесу вослед проговорил:
«Катись вперед, не приходи обратно,
Пока совсем не уничтожишь нартов».
Гумир в тоске ждал колесо Балсага.
Но не дремал Созырко, и с отвагой
Он крепостные стены проломил
И голову Гумиру отрубил.
Тем временем и колесо Балсага
Явилось показать свою отвагу.
Других не трогая, оно бежало,
К ногам Созырко бросилось сначала,
Созырко колеса не испугался
И перед ним с мечом стоять остался.
Заволновалось колесо Балсага,
Смущенное неслыханной отвагой,
И от Созырко откатилось быстро.
Сверкали в спицах пламенные искры.
Созырко гнаться стал за колесом,
Грозя ему отточенным мечом.
Пред дубом очутившись молодым,
Созырко крикнул, поравнявшись с ним:
«Прошу тебя, дубочек молодой,
Мне угрожает колесо бедой,
Ветвями придержи его скорей».
Дубок сказал: «О прошлом пожалей,
Ведь ты меня для луков изрубил,
А то бы я его остановил».
От злости нарт заскрежетал зубами
И разразился гневными словами:
«Пусть желуди твои вовек отныне
Прожорливые пожирают свиньи!»
А в это время колесо катилось
И вот в ветвях орешника укрылось.
Созырко у орешника просил,

Чтоб колесо он веткой зацепил.
Тогда орешник зло ему ответил:
«Ты хочешь невозможного на свете.
Не ты ль мои кусты с корнями вместе
Так часто вырывал, как бы из мести,
Чтоб делать стрелы из моих ветвей.
Я не могу помочь в беде твоей
И колесо Балсага задержать».
И начал нарт орешник проклинать:
«Будь проклят ты, наглей тебя не сыщешь,
Отныне годеи будь на топорщица!
И вот тебе еще одна расплата:
Расти кривым, будь вечно суковатым!»
Вот колесо, летя вперед со скрипом,
Через минуту поравнялось с липой.
Созырко к липе быстро подбежал:
«О липа старая, ты сделай милость,
Чтоб колесо скорей остановилось,
Ветвями придержи его живей».
Ответила она под шум ветвей:
«Хоть я крепка и ветками обильна,
Но пред Балсагом грозным я бессильна,
Мне колеса никак не удержать».
Тогда Созырко начал ей кричать:
«Ты проклята навек отныне мной,
Бесплодна будешь весь свой век земной!»
Вот мимо хмеля колесо несется,
Дрожит оно от страха и трясется.
Сверкают искры и мелькают спицы.
Спешит Созырко к хмелю обратиться:
«Мой дорогой и славный хмель ветвистый,
С большими гроздьями, хмель золотистый,
Сбей колесо Балсага на минуту,
В своих ветвях его скорей запутай».
Ответил хмель: «Ценя твою отвагу,

Не пропущу я колеса Балсага».
Созырко-нарт до слез растроган был,
Он хмелю ласково проговорил:
«Отныне знай и помни, хмель красивый,
Бродильщиком хмельным ты будешь пива.
Ты будешь для людей всегда приятным,
А для богов — растением ароматным».
Хмель был проворен. Не прошло минуты,
Как колесо он ветками опутал.
Тут колесо Созырко изловил
И, под себя подмяв, проговорил:
«Кем послано ты?» И оно вскричало:
«Убей меня, но выслушай сначала.
Я — колесо Балсага. По приказу
Должно я было смять всех нартвов сразу.
Но нартам я вреда не причинило,
Да и тебе ничем не повредило».
Созырко отвечал, горя отвагой:
«Не называйся колесом Балсага.
Созырко имя будешь ты носить
И мне отныне преданно служить.
Катись же по проторенной дороге
И поскорей отрежь Балсагу ноги».
Прогрохотало колесо Балсага:
«Клянусь и богом, и твоей отвагой,
Что выполню я вмиг приказ твой строгий
И у Балсага я отрежу ноги».
Поверив твердо в обещанье это,
Созырко отпустил его к рассвету.
А с нартами на месте Вдовьей башни
Село построил и возделал пашни.

СМЕРТЬ СОЗЫРКО

Вот колесо Балсага покатилося
И к небесам далеким устремилось,
Но по дороге старца повстречало.
Был старец удивлен, и так сказал он:
«О колесо Балсага, дорогое,
Ответь мне без утайки, что с тобою?
Что ты понуро катишься, звеня,
И даже не приветствуешь меня?»
Ответило оно ему, звеня:
«Балсаговым не называй меня.
Нет, колесо Созырко я отныне
И вот спешу к небесным далям синим,
Чтоб там Балсагу ноги оторвать.
Я клятвы не привыкло нарушать».
Старик, таким ответом пораженный,
Сказал: «Совет тебе дам ухищренный.
Скорей к Балсагу подкатись неожиданно
И отхвати лишь палец безымянный.
Ты клятвы этим вовсе не нарушишь,
Зато спасешь от кар небесных душу».
«Нет, не согласен я с твоим советом
И не нарушу данного обета».
Ответило оно и поспешило
На небосвод с удвоенною силой.
Вот повстречало колесо старуху.

И встречная ему сказала сухо:
«Что ты сердито катишься, звеня,
И даже не приветствуешь меня?»
И колесо старухе отвечало:
«Созырко я сегодня обещало
Балсагу в небе ноги оторвать.
Грешно и стыдно клятву нарушать».
Старуха тоже очень удивилась,
И к колесу сурово обратилась:
«Несешься ты к хозяину родному,
Чтоб поступить с ним низко и сурово.
Тебя за это покарает бог.
Но ты не трогай у Балсага ног,
К нему скорее подкатись неожиданно
И отхвати лишь палец безымянный.
Ты клятву этим вовсе не нарушишь,
Зато спасешь от кар небесных душу».
«Нет, не согласно я с твоим советом
И не нарушу данного обета».
Ответило оно, заторопилось,
На небосвод проворно устремилось,
Взлетело к небесам оно в тревоге,
Там девушку застало на дороге.
Сказала та: «Что ты летишь, звеня,
И даже не приветствуешь меня?
О колесо Балсага, дорогое,
Ответь мне без утайки, что с тобою?»
Оно сказала девушке, звеня:
«Балсаговым не называй меня.
Нет, колесо Созырко я отныне,
И я спешу к небесным далям синим,
Чтоб там Балсагу ноги оторвать.
Грешно и стыдно клятву нарушать».
И девушка ответу удивилась
И к колесу тревожно обратилась:

«Несешься ты к хозяину родному,
Чтоб поступить с ним низко и сурово.
Тебя за это покарает бог.
Но ты не трогай у Балсага ног,
К нему скорее подкатись неожиданно
И отхвати лишь палец безымянный.
Ты клятву этим вовсе не нарушишь,
Зато спасешь от кар небесных душу».
То злой Сырдон коварно забавлялся
И колесу навстречу попадался.
Он принимал лик старика, старухи,
А в третий раз — красивой молодухи.
И колесо Балсага было сбито
Советами и думало сердито:
«Все мне дают совет один и тот же.
Что делать мне? О помощи мне, боже!
Коль я решусь лишить Балсага ног,
Меня за это покарает бог,
А если подкачусь к нему неожиданно
И отхвачу лишь палец безымянный,
То клятву этим вовсе не нарушу,
Зато спасу от кар небесных душу».
Тем временем Гумира сын тайком
Искал Балсага в небе голубом.
К могучему Балсагу устремился
И у дворца его остановился.
Он крикнул: «Счастлив будь в лучах зари
И на земного гостя посмотри».
Балсаг пришельца поманил рукою:
«Что привело тебя в мои покои?
Ты появился у меня неожиданно».
Гость так ответил. «Страшным ураганом
Прошел Созырко по земле моей,
Разрушил крепость, погубил людей,
И моего отца он обезглавил.

Веселым быть, как видишь, я не вправе.
Пылая мстью, к нартам я спешу,
И у тебя я помощи прошу.
Молю тебя, спаси наш бедный край
И в спутники мне колесо отдай».
Балсаг ответил: «Это — решено.
Я колесо послал уже давно
На помощь войску твоего отца,
Известного алдара-хребреца,
Но раз оно ко мне не возвратилось,
То, значит, с ним несчастье приключилось».
Взволнованный Балсаг поднял тревогу,
И всадника отправил он в дорогу.
Вот едет всадник, смотрит он кругом,
Чтоб встретиться с пропавшим колесом.
Вот видит он, как катится в долине
То колесо, летит оно к стремнине,
Гремит о камни, с грохотом несется,
И страшный грохот в небе отдается.
Воскликнул всадник: «Колесо Балсага,
Куда ты скрылось, где твоя отвага?»
Но колесо ответило, звеня:
«Балсаговым не называй меня.
Узнай, что я переменяло имя
И колесом Созырко стало ныне».
«О колесо Созырко, всяких благ
Тебе желаю, но зовет Балсаг
Тебя скорей. Я послан за тобою.
Помчимся вместе в небо голубое».
И колесо пойти сочло за благо
К могучему хозяину Балсагу.
Балсаг в то время на ныхасе был
И, колесо завидя, спросил:
«О, что с тобой случилось, друг пропащий?
Не заблудился ль ты в дремучей чаще?»

И колесо к Балсагу подкатило,
И палец безымянный отдавило.
Балсаг мечом хотел его сразить,
Но колесо успело отскочить.
«Будь милостив ко мне, Балсаг могучий,
Со мной в лесу случился сграшный случай.
Меня Созырко ловко изловил,
В ожесточенной схватке победил,
Одно ребро мне поломал копьем
И как хозяин имя дал свое.
Потребовал, чтоб я тебя убило,
И я обет свой клятвою скрепило.
Но, чтобы жизнь священную спасти
И в то же время клятву соблюсти,
Тебе слегка я только повредило.
Располагай теперь моею силой,
Тебе во всем я буду подчиняться
И грех невольный искупить стараться.
Созырко же никак нельзя сразить,
Он закален и вечно будет жить».
Чтоб колесо вновь стало закаленным,
Балсаг послал его к Курдалагону
И так сказал: «Как только закалишься,
К Созырко ты немедленно помчишься.
Но с хитростью за мщенье надо взяться.
Когда начнет он в море погружаться,
Скажи ему: «Владыка всех людей,
Я следую за славою твоей.
Боясь Балсага, сознаюсь я честно,
Не смею я подняться в свод небесный
И потому к тебе спустилось вниз».
И по ногам мгновенно прокатись.
Отрежь ему ты по колени ноги.
Лишь туловище закалили боги,
Колени же остались без закалки.

И тут конец он испытает жалкий».
Помчалось колесо к Курдалагону
И вскоре снова стало закаленным.
Потом на берег моря устремилось
И пред Созырко плавно закружилось.
«О властелин, прославленный отвагой! —
Сказало льстиво колесо Балсага.—
Ты будешь век владыкой всех людей,
Я следую за славою твоей.
Боясь Балсага, сознаюсь я честно,
Не смею я подняться в свод небесный,
И потому к тебе спустилось я,
Чтоб жить отныне около тебя».
Оно катилось, спицами сверкало,
Кружилось, терпеливо выжидало,
Когда Созырко выйдет из воды.
Не миновать тогда ему беды!
Лишь только вышел он на берег моря,
Оно его изранило и вскоре
Всех ближних нартов, где ни заставало,
Калечило иль сразу убивало.
И, причинив немало горя нартам,
К Балсагу в небо кинулось обратно.
Созырко, раненый, на камни пал.
А рядом конь его траву щипал.
Откуда-то явился вдруг Сырдон,
Понурый, словно горем удручен.
«Наставник славный,— шепчет он, скорбя,—
Как будем жить теперь мы без тебя?»
Созырко бедный посмотрел на нарта
И простонал: «Ступай в село обратно!
Спеши к моим односельчанам с вестью,
Что поражен Балсагом я из мести.
Пусть отнесут мой труп в места родные,
Чтоб вороны не заклевали злые»....

Сырдон ответил: «Вмиг отправлюсь я,
Но только дай мне своего коня».
«Могу ли я,— вскричал Созыр с испугом,—
В мой смертный час расстаться с лучшим другом!»
«Коль ты с конем боишься разлучиться,
То худшая беда еще случится:
Ты воронам отдашь при жизни очи
И всех волков накормишь этой ночью».
«Ну, что ж, раз конь необходим тебе,
То я печальной покорюсь судьбе».
И, колесо балсагово кляня,
Созырко отдал своего коня.
Жгут из колючек смастерил Сырдон,
Сел на коня и стал носиться он,
Хлестать коня, гонять его бесцельно.
Созырко вздрогнул, побледнел смертельно.
Сырдон же издевался над несчастным:
«Ты пренебрег своим конем напрасно.
Смотри, как славно я на нем гарцую».
Грызет Созырко пальцы, негодуя,
И, сдерживая горестные стоны,
«Спеши в селенье» говорит Сырду.
Тогда Сырдон, смеясь, погнал коня.
Конь полетел, копытами звеня.
Созырко же беспомощно лежал,
В своей крови несчастный утопал.
Почуя запах свежей крови, скоро
К нему спустился каркающий ворон.
Созырко говорит ему с тоской:
«О ворон, ворон посиди со мной.
То мясо, что несу я Барастыру,
Отведай, друг, и отправляйся с миром».
Но ворон отвечал ему с испугом:
«Могу ли я коснуться мяса друга!
Ведь каждый раз, охотясь в чистом поле,

Не забывал ты оставлять мне долю».
«О ворон, чем мне жизнь твою украсить?
Живи ты долго вестником несчастья
В горах высоких, летом и зимой
Неси ты горе вечное с собой.
Летай же над потоком крови красной
И пищу находи ты ежечасно».
Голодный волк в то время пробегал.
Созырко славный и его позвал:
«О волк, попробуй мяса моего!»
Но волк ответил на слова его:
«Нет, благодарным быть и я умею.
От голода скорее околею,
Но я тебя не трону никогда.
Охотясь, ты мне оставлял всегда
И диких коз и туров мяса вволю.
Ведь от тебя всю жизнь имел я долю».
Созырко выслушал, чуть помолчал
И, улыбаясь, так ему сказал:
«При каждом нападение на стада,
Мою отвагу ты имей всегда.
Насытившись, под сенью ночи темной
Беги скорей и быть старайся скромным».
Но вот к нему приблизилась лисица,
Она присела и не шевелится.
И к ней Созырко обратился тоже:
«Хитрее всех, со шкуркою пригожей,
Ко мне поближе, милая, садись
И к нартовскому мясу прикоснись,
И жажду утоли моею кровью».
Лисица молвила ему с любовью:
«Мне кажется, я стала бы отважной,
Когда бы кровью утолила жажду».
В ответ Созырко засмеялся только:
«Ты ко всему подходишь полегоньку.

За то, что ты так ласкова, пригожа,
Пусть лисья шкурка будет всех дороже».
Но вот к Созырко подползает еж.
От ужаса его бросает в дрожь,
Он смотрит на Созырко и вздыхает,
Но как помочь несчастному, не знает.
«Ты за меня болеешь всей душой,
Прими же, друг, подарок скромный мой.
Когда настанет час моей кончины,
Усы мои возьми ты на щетину».
Но вот сова к Созырко прилетела.
Он ей сказал: «Попробуй мясо смело».
Ему сова ответила смущенно:
«Нет, мяса друга я вовек не трону».
«Ну, раз не хочешь ты меня обидеть,
Твои глаза пусть ночью будут видеть».
И ласточка в то время пролетала
И над Созырко нежно щебетала.
«О ласточка,— сказал Созырко ей,—
Лети в селенье нартское скорей,
Скажи, чтоб нарты подняли тревогу
И собирались в дальнюю дорогу.
Скажи Батрадзу ты, Хамыца сыну,
Не далека уже моя кончина.
Скажи, что я лежу теперь в долине,
Израненный лежу под небом синим,
Что колесо Балсага наскочило
И ноги мне коварно отдавило,
Что здесь, один среди глухих степей,
Я ожидаю помощи друзей».
«Исполню все»,— так ласточка сказала.
Благословенье ласточке послал он:
«Будь, ласточка, всегда людьми хранима!»
И стала ласточка людьми любима.
Вот на ныхасе ласточка, под вечер

Спустившись к нартам, ласково щебечет.
Внезапно появился и Сырдон,
И этот щебет разъясняет он:
«Вот что ныхасу ласточка сказала:
«Созырко диких коз убил немало.
Спешите на арбах к нему навстречу,
Чтоб всю добычу привезти под вечер»».
Потом к Сатане поспешил Сырдон,
Но ей сказал уже другое он:
«Ты знаешь, славен наш Созыр отвагой,
Но он раздавлен колесом Балсага».
Сатана стала горестно рыдать
И, словно мать по сыне, причитать.
И на ныхас из своего квартала,
Как вестница несчастья, побежала.
На скакуне Сырдон уже скакал.
Примчавшись к нарту, он ему сказал:
«Весть о тебе до нартов долетела,
Слезы не вызвав у собратьев смелых.
«Пусть покорится он своей судьбе» —
Вот что они сказали о тебе.
Не огорчись и вестью ты печальной,
Что не блестящ твой саван погребальный.
Змею с лягушкой мы легко поймали
И осторожно кожу с них содрали.
Вот из чего тебе мы саван сшили,
Не позабыв и о твоей могиле.
Знай, не на кладбище, а в месте лучшем
Ты будешь погребен, в навозной куче».
Созырко мог ответить только стоном.
Вздыхнув, взглянул, — но нет уже Сырдона.
На самом деле нарты в гóре были
И о Созырко с болью говорили:
«Он был отважен и душою чист,
Мы сделаем ему богатый хист».

Печальные они к нему пришли
И поклонились нарту до земли.
И на руках в молчании суровом
Созырко отнесли полуживого
В селенье нарттов, в горестной тревоге.
Волнуясь, он спросил еще в дороге:
«Хотел бы я, о родичи мои,
Чтоб вы во имя дружбы и любви
Мне показали траурный наряд,
В котором будет совершен обряд».
Его волнение удивило нарттов.
«Наряд тебе готовим мы богатый,
Тебя с большим почетом похороним
И честь твою вовеки не затронем».
«Нет я хочу,— сказал Созыр печально,—
Увидеть сам наряд свой погребальный.
Плохую весть мне сообщил Сырдон,
Я этой вестью до сих пор смущен».
Тогда Созыру показали нартты
Наряд его печальный, но богатый.
И вот, на солнце искрами играя,
Пред ним парча сверкнула золотая.
Все поняли по радостному взгляду,
Что он доволен траурным нарядом.
«Кто отомстит,— сказал он,— за меня,
Тому оставляю меч свой и коня».
Откликнулся тогда Батрадз Стальной
И так сказал: «Клянусь землей родной,
Что колесо Балсага пополам
Мечом булатным разрублю я сам,
И у могилы нартского героя
Две половины колеса я врою.
А конь твой славный, как и меч стальной,
Пусть навсегда останется с тобой».
Когда Созырко дух свой испустил,

Народ с почетом труп похоронил.
Построили ему западз богатый.
Запомнились его поминки нартам.

СМЕРТЬ БАТРАДЗА

Сказал Батрадз: «К обидчику народа
Подняться должен я до небосвода.
В единоборстве колесо Балсага
Разбить я должен с нартскою отвагой».
Он поднялся тогда по небосклону
И к кузнецу пришел Курдалагону:
«Ты сделай лом мне из хорошей стали,
Чтоб от него и горы задрожали».
И мастер изготовил лом стальной.
Батрадз могучий взял его с собой.
Послал сказать он колесу Балсага:
«Ты от меня не сделаешь ни шага.
К тебе иду на рукопашный бой,
В долине Хиза встретимся с тобой».
Пришел Батрадз, гордясь железной силой,
И колесо Балсага прикатило,
Чтоб яростно с врагом своим сразиться.
Стальной Батрадз ему сломал все спицы.
Оно от страха превратилось в утку
И скрылось в небе в эту же минуту.
Тут обратился в ястреба Батрадз,
Летел за уткой, не спуская глаз.
Когда была уже в когтях она,
Вдруг обратилась утка в кабана.

И в камышах густых кабан укрылся.
Батрадз мгновенно в барса обратился,
За кабаном помчался без оглядки,
Кабан же обратился в куропатку,
И куропатка скрылась за осокой.
Вернул Батрадз свой образ огнеокий.
Рукой о руку он ударил быстро,
Посыпались из рук мгновенно искры,
Осока загорелась. Но неожиданно
Та куропатка сделалась фазаном
И в воздухе опять приют нашла.
Тут обернулся сам Батрадз в орла.
И колесо опять пришло в смятенье,
Помчалось к Кулбадаг, в ее селенье.
Батрадз мгновенно человеком стал,
Он к Кулбадаг пришел и так сказал:
«Где курочка? Она к тебе слетела.
Ну, где она? Ты отвечай мне смело.
Коль не поведаешь ты мне о том,
Сожгу тебя и весь твой ветхий дом».
И женщина, конечно, плакать стала,
Батрадзу все немедля рассказала:
«Та курочка от страха заскочила
На кладбище и спряталась в могилу».
Тогда Батрадз в бычка вмиг обернулся
И к кладбищу затихшему метнулся,
И над могилою он стал реветь.
Тут не смогло и колесо стерпеть: -
«Будь проклят, не даешь ты мне покоя!
Я спряталось нарочно под землею».
Батрадз опять свой прежний образ принял
И громко крикнул в свежую могилу:
«О колесо, я человек тот самый,
Тот, от кого запряталось ты в яму».
Сказавши так, он колесо поймал,

С собой к Созырко на могилу взял.
«Созырко-нарт, прославленный отвагой!
Пусть в царстве мертвых колесо Балсага
Жить будет в подчинении твоём».
И колесо он разрубил мечом.
Две части пали, обливаясь кровью.
Одну он крепко вбил у изголовья,
Другую вбил у самых ног его,
В душе испытывая торжество,
И обратился к нарту с восклицаньем:
«Батрадз, твоё исполнил завещанье.
И памятником жившему отвагой
Отныне будет колесо Балсага!»
Хотел Батрадз подняться к небесам,
Решил Балсагу отомстить он сам.
У Солнца просит золотых лучей,
Чтоб в небеса подняться поскорей.
Но Солнце и лучей не посылает,
И в небеса Батрадза не пускает.
Тогда Батрадз на берег моря вышел,
Просил Луну. Но не хотела слышать
Луна об этой просьбе и молчала,
Своих лучей Батрадзу не давала.
Он вдруг услышал в вышине небесной
Шум пляски, звуки отдаленных песен.
Спросил Луну: «Что приключилось там,
Что весело так синим небесам?»
«Когда б ты знал,— скажу я не тая,—
Была б душа в смятении твоя.
Балсаг на небе пышный кувд устроил,
Полны гостей дворцовые покои».
Батрадз пошел к владыке облаков
И речь повел владыке облаков:
«О милостивый, светлый Бардуаг,
Как гостю, окажи мне дружбы знак.

Будь милостив к друзьям своим земным,
Дай лучшим луком поиграть твоим».
И Бардуаг великий так ответил:
«Ты знаешь сам, бывает все на свете.
Тебе достигнуть цели удалось бы,
Коль обратился б к сыну с этой просьбой».
Пришел сын Бардуага, друг Батрадза.
«Добро пожаловать,— сказал он сразу.—
Будь гостем, нарт, из сильных самый сильный.
Что нового в стране твоей обильной?»
«Я с просьбою,— Батрадз ответил быстро,—
Дай лук твой на один хотя бы выстрел».
«Да хоть на семь, коль нравится мой лук,
Ведь ты, Батрадз, мой самый лучший друг».
И подал он ему свой лук и стрелы.
И дар чудесный принял воин смелый.
Вернулся к нартам он и на земле
Велел себя вмиг привязать к стреле.
Он так сказал, легко взмахнув рукой:
«Во двор Балсага выстрелите мной».
И нарты дружно выстрелили сразу,
И в небеса забросили Батрадза.
Благославляя этот меткий выстрел,
Несется нарт, летит, как птица, быстро,
Летит на небо, сидя на стреле,
Как будто он находится в седле.
Свист той стрелы и эды услышали,
Они с тревогой озираться стали,
И вскоре разбежались все в испуге,
Забыв о чашах, вспомнив о кольчуге.
«Что приключилось? Что за страшный свист?
Дрожит весь мир, как на осине лист».
А в это время в крепость сам Батрадз,
Пробивши брешь, попал в неожиданный час.
Он со стрелы мгновенно соскочил

И в яростный с Балсагом бой вступил.
Тут зэды все опомнились и сразу
Накинулись на смелого Батрадза,
В него метали огненные стрелы.
Батрадз Стальной сражался с ними смело.
Но сам Балсаг пришел уже в смятенье
И в бегстве захотел найти спасенье.
Но тут Батрадз с мечом его настиг
И голову на землю сбросил вмиг.
Потом он быстро и за зэдов взялся.
Рой зэдов в исступлении метался.
Уничтожал он всех по одному.
Оставшиеся к богу своему
Помчались с жалобой и горьким стоном:
«О наш владыка, к зэдам благосклонный,
Ты научи скорее, что нам делать.
Нас побеждает нартский воин смелый,
С Батрадзом смелым сладить мы не можем.
Пришли к тебе мы, помоги нам, боже!»
Им без раздумья бог ответил сразу:
«Всегда любил я смелого Батрадза,
Но с зэдами он низко поступил,
И от него мой взор я отвратил.
Он на земле рожден и на земле
Падет от вас, но не в своем селе.
Скорей его в пустыню заманите,
Которая лежит в земле кибитов.
И если там от огненного жара
Не упадет он, словно от удара,
И не испеплится в той пустыне.
То значит все вы перед ним бессильны».
Тут голосу своей надежды внемля,
Спустились зэды радостно на землю.
В пустыню ловко нарта заманили
И там с Батрадзом сразу в бой вступили.

Не выдержал жары Батрадз Стальной
И раскалился. Зэды все толпой
К нему, упавшему, подкрались тихо.
И напустил ужасный чад на них он
И половину войска уничтожил,
Другие в небо поднялись: «О боже!
У нас, несчастных, не хватает сил.
Он даже мертвый зло нам причинил».
Ответил бог: «Под облачный покров
Идите вы к владыке облаков.
Пусть он пошлет в пустыню дождь и град,
Чтоб уничтожить этот страшный чад».
Владыка облаков их просьбе внял,
И на пустыню дождь он ниспослал,
И этот дождь принес земле отраду,
И прекратился страшный запах чада.
Лишь охладился пламенный Батрадз,
Он на сырую землю пал тотчас.
И на земле, от родины далекой,
Нашел покой Батрадз огненноокий.
Лишь эта весть до нартов долетела,
Народ пришел, чтоб взять героя тело.
Но не могли поднять его с земли.
Тогда они западэ там возвели,
Насыпали над ним курган большой,
Что высится громадною горой.
Остался он на вечные века,
Вершиной упираясь в облака.
А нарты клятву принесли святую,
Что не простят обиду эту злую
И поведут, решив свою судьбу,
С богами беспощадную борьбу.

РЕШЕНИЕ БОГА

Батрадз погиб, и все в немой печали
О самом храбром нарте вспоминали,
Объятые тоской необычайной,
Как в самый страшный год неурожайный.
Сердца героев кровью обливались,
И юноши с тех пор не улыбались.
Печально было на ныхасе нартов,
Ушел Батрадз от нартов безвозвратно.
Поник главою Урызмаг старейший,
Из лучших нартских мудрецов мудрейший,
И на ныхасе он сидел суровым.
Но вот, подумав, произнес он слово:
«Немало бед мы в жизни испытали,
Но эти беды дух наш закаляли.
Нас не смутят тяжелые потери,
В победу над врагами свято верим.
Как прежде, будем с ними яро биться,
И сохраним мы в памяти Хамыца.
Ценя порыв души, живой и пылкой,
Век будем помнить славного Созырко.
Не запятнаем честь свою ни разу
И сохраним мы в памяти Батрадза.
Мы победили на земле врагов,
Не побоимся и самих богов.

В былые дни мы жили с ними дружно,
Но час настал, и нам решиться нужно.
Должны мы все откинуть всякий страх,
Теперь сражаться будем в небесах.
Раз зэды на Батрадза нападали,
То и они врагами нартов стали.
Час пробил, нартов наступило время,
Чтоб рассчитаться с недругами всеми.
Во имя счастья нартов на земле,
Пусть наше горе скроется во мгле.
Теперь все мысли наши и стремленья
Направлены должны быть к наступленью.
А на богов мы не хотим смотреть.
Чем в рабстве жить, уж лучше умереть!»
И от села к селу промчались вести
О предстоящей беспощадной мести,
О наступленье на врагов жестоких,
Чья жизнь проходит в небесах высоких.
И клятву дал весь нартовский народ,
Что в бой с богами смело он пойдет.
И в небе поднялось тогда смятенье,
И замелькали зэды, словно тени,
И стали у небесного порога,
Объятые мучительной тревогой.
Уастырджи примчался на коне.
В лучах закатных был он, как в огне.
Казалось, бурка белая горела
И жгла в боях испытанное тело.
Афсати, бросив всех зверей в лесах,
Мгновенно очутился в небесах.
Курдалагон на молоте верхом
Летел в смятенье в небе голубом.
А вор Тутыр пришел туда последним,
Хоть он бодрился, но был страшно бледен.
Собравшись вместе, так они решили:

«В своих делах без бога мы бессильны.
Нет выхода у нас иного:
Должны мы к богу обратиться снова».
Сказали: «Боже, что нам делать ныне?
Как воевать без божьей благодости?
Настали снова времена крутые,
Возносим мы моления святые.
Дай силу нам, чтоб нарттов победить,
Ведь с ними в мире невозможно жить.
Ты знаешь сам, что не идет на убыль
Их ненависть, что нартами погублен
Сайнаг-алдар, наш почитатель славный,
За ним погиб и мощный Қарадзау,
Они убили самого Балсага,
Прославленного силой и отвагой.
А сколько зэдов враг наш уничтожил,
И сосчитать, наверно, невозможно.
Но нартам этих злодеяний мало,
От дерзости их нам житья не стало.
Они подняли бревна косяков,
Чтоб и на миг не наклонять голов,
Чтоб никогда на собственном пороге
Не появилась даже мысль о боге.
Они боятся, чтоб мы не сказали:
«И вы пред богом головы склоняли».
Тебя ж они врагом считают главным
И, страх забыв, грозят концом бесславным».
Разгневанный гордыней небывалой,
Бог проклял вскоре нартские кварталы.
Он богу солнца приказал на землю
Послать два солнца, гласу злобы внимая,
Чтоб накалилась бедная земля
И высохли все нартские поля.
И богу мора также приказал он
Послать болезни в нартские кварталы.

А богу урожая приказал,
Чтоб все посевы он уничтожал.
Тутыру, что служить всегда готов,
Велел на нартов выпустить волков.

БОРЬБА С НЕБОЖИТЕЛЯМИ

Свершилось вдруг неслыханное чудо:
Взошли два солнца в небе изумрудном.
И вот, как два единокровных брата,
Остановились над землею нартов.
И в ярости они кору земли
Своим огнем с двойною силой жгли.
И треснула тогда земля от жара,
Охваченная солнечным пожаром.
С раскрытым клювом пролетали птицы,
Но не было росинки, чтоб напиться.
Не стало трав, иссякли родники,
И люди изнывали от тоски.
Болезни, голод в этот трудный год
Одолевали и людей и скот.
Тем временем с густыми облаками
Сам Бардуаг пронесся над полями.
Стенаньям нартов благосклонно внемля,
Дождь проливной он ниспослал на землю.
Все прославляли щедрость Бардуага.
Насытилась земля живящей влагой,
Как будто вспомнив вдруг о человеке,
Опять в ущельях забурили реки,
На склонах гор зазеленели травы,
И зашумели пышные дубравы,
В густых ветвях запели песни птицы,

И звери в чащах начали резвиться.
Но вот внезапно мор напал свирепый,
Не успевали нарты строить склепы,
Бродила смерть опять средь нартских сел.
Тогда Сырдон лекарство изобрел.
Он крикнул громко жителям селений:
«Ко мне спешите все на излечение.
Авдадз-лекарство вмиг излечит вас,
То средство я испытывал не раз.
Лекарства нет целебней и дороже,
Оно с постели встать больным поможет».
Народу помогло оно, и скоро
Все нарты были спасены от мора.
И дауаги стали говорить,
Что гордых нартов трудно победить,
Что нелегко их уничтожить мором,
И возвратились в небеса с позором.
Когда в полях посевы пожелтели
И нарты их собрать уже хотели,
На их глазах вдруг чудо совершилось.
Им зрелище нежданное открылось:
Лишь серп прильнет к пшенице золотой,
Становится она травой простой.
Они Сатану стали донимать:
«Ты объясни, как это все понять?»
Ответила Сатана им, вздыхая:
«То злые козни бога урожая.
Он сделал так — должны вы это знать,—
Что урожая днем вам не собрать.
Лишь прикоснется острый серп к пшенице,
Она в траву мгновенно превратится.
Чтоб недруга скорей перехитрить,
Вам надо будет в поле выходить
Лишь ночью. И тогда идите смело,
Возьмите разветвленные вы стрелы,

Срезайте быстро стрелами колосья.
Об этом вас Сатана ваша просит».
Спать не ложились нарты лунной ночью,
Колосья собирали в поле молча,
Пока рассвет не начинал сиять.
Но много ли они могли собрать?
Афсати им не посылал оленей,
И жили нарты впроголодь в селеньях.
Бог урожая, проклиная нартов,
Ушел домой, досадою объятый.
Поднялся к зэдам он и так сказал:
«До нартов я рукою не достал,
И мне не удалось их уничтожить.
Примите вы в бою участие тоже.
Тутыра также мы должны призвать,
Чтоб сообща жестокий бой начать».
К сраженью начали приготовления,
И зэды ждали часа наступленья.
Тутыр же злобный всех волков собрал,
К отарам нартским ночью подослал.
Надеялся Тутыр, что, наконец,
Лишатся нарты всех своих овец.
Но был Тутыр Сатаною обманут,
Умом недаром славилась Сатана,
И хитростью и ловкостью своей
Она сковала челюсти зверей,
А нарты стрелами их осыпали
И стаю злобную уничтожали.
С небес в то время зэды прилетели,
От нетерпенья их мечи звенели.
Вот начался ожесточенный бой,
И нартских стрел летел за роем рой,
Одна стрела семижды семь врагов
Сражала разом, к ужасу богов.
Семижды семь от ран изнемогали

И на земле беспомощно лежали.
Тут зэды все от страшного испуга
Бежали ночью, прячась друг за друга.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Хоть боги войны с нартами вели,
Но уничтожить нартов не могли
Ни голодом, ни холодом, ни мором.
Прогнали нарты, как врагов, с позором
Дуагов, зэдов, мести не боялись
И с небесами вовсе не считались,
На кувдах больше их не вспоминали,
Как будто их вовеки не знавали.
Собрались как-то нарты на ныхас,
И все они решили в тот же час:
«Враждебны нам и зэды и дуаги,
Их гложет зависть к нартовской отваге.
А бог на небе, первый небожитель,
Их злобных козней — друг и покровитель,
Считаем бога первым мы злодеем.
Коль мы его в бою не одолеем,
И не отгоним за небес пределы,
Он будет снова запускать в нас стрелы,
Покоя в жизни никогда не даст,
И весь народ проклятью он предаст».
Узнав об этом, зэды, впав в тревогу,
С дуагами вновь устремились к богу.
Хоть знал владыка о разгроме, все же
Хитро спросил их: «Что же вас тревожит?»
И те сказали, стоя на пороге:

«О, как нам не испытывать тревоги!
Ты видишь сам: вернулись мы обратно.
В бою разбили наше войско нарты,
Немало эдов преданных они
Убили в эти горестные дни.
Покрыты наши имена позором,
И наш позор тебя коснется скоро».
Тогда владыка, яростный и властный,
Сказал, волнуясь, ласточке прекрасной:
«Лети скорее в нартское селенье,
Оповести их злое население,
Что бог готовит нартам наказанье,
И передай словесное посланье:
«Сыны земные, совесть вы забыли,
Дуагов, эдов обрекли на гибель,
И сам владыка впал у вас в немилость»».
Тут ласточка с небес к земле спустилась,
Над крышами села мелькнули крылья.
В то время нарты на нихасе были.
Посланье бога сообщила им.
Прослушав речь с терпением большим,
Они сказали, правды не тая:
«Ты передай пославшему тебя:
«Мы все в своем решении упрямы,
И знать отныне не хотим тебя мы.
И в трудный час ты нам не помогал,
Зато всегда поддерживал врага.
Ты нас лишил великого Батраджа,
Который не был побежден ни разу,
На землю нартов посылал ты войско,
Чтоб уничтожить наш народ геройский.
Зачем болезни ниспослал и мор?
Зачем хотел увидеть наш позор?
Иль тучные тебе мешали нивы?
Иль надоел тебе народ счастливый?»

Мы ни одной обиды не простим,
Тебя, владыка, мы уже не чтим,
Тебе не будем больше мы молиться,
И от тебя мы отвратили лица,
Как равные, мы говорим с тобой
И вызываем на открытый бой»».

И ласточка, ответ прослушав нартов,
Вмиг улетела в небеса обратно.
Едва она пред богом появилась,
Как в божий дом стрела уже вонзилась.
Владыка вспыхнул, яростью объятый,
И ласточку опять направил к нартам:
«Спроси, что мой противник предпочтёт:
Чтоб я совсем искоренил их род,
Коли сломяю я нартское упорство,
Иль им оставил жалкое потомство?»

И снова к нартам ласточка слетала
И божии слова пересказала.
И ласточке, смеясь, сказали нарты:
«Лети к тебе пославшему обратно
И передай ответ: «Чем в рабстве жить
И жизнь свою позорную влачить,
Уж лучше нам тогда погибнуть вместе.
Мы нартоvsкой не опозорим чести,
Мы не хотим ничтожного потомства,
Идти готовы на единоборство»».

И ласточка явилась к богу снова,
Пересказала нартское слово.
Бог молвил: «Ласточка, лети обратно
В последний раз к забывшим бога нартам.
Пусть на заре по божьему приказу
Подымутся на гору, на Уазу.
Пусть выйдут все, от мала до велика,
С оружием, как повелел владыка.
Приду я с войском утренней порой,

И вступим мы в ожесточенный бой!»
И нарты смело собрались в дорогу,
Они готовы были к битве с богом.
Вот на горе Уаза, на вершине,
Под пологом расположились синим.
Палатки развернув, в молчанье строгом
Все ожидали появления бога.
Но в этот миг природа взбунтовалась,
Все сокрушая, буря разыгралась,
И молния, как молот, ударяла
И разрушала каменные скалы,
И сломанные падали деревья.
Не испугалось войско нартов гнева
И терпеливо бога ожидало.
Вдруг цепь небесная загрохотала,
И зэды все, летя под облаками,
На землю нартов низвергали пламя.
Тогда и нарты быстро луки взяли
И стрелами все небо забросали.
Летели в цель отточенные стрелы,
И стая зэдов в небесах редела.
И охватила ангелов тревога,
И вновь они бежали в страхе к богу.
Еще сильнее разгневался владыка,
И у него сомнение возникло:
Посильную ль взял на себя задачу
И будет ли конец войны удачен?
Но ненависть его ожесточила,
На землю он послал двойные силы.
Все поле загорелось от огня.
Сражались нарты до исхода дня.
Дрожали горы, разбегались тучи,
Бежали звери из лесов дремучих.
От грома в небе и огней палящих
И птичьи стаи покидали чащи.

И дал совет Сырдон во время боя:
«Нам надо в горы уходить, герои,
В ущельях мы укроемся глубоких
От гнева неба и от стрел жестоких».
И нарты в горы двинулись толпою.
Великого не прекращая боя.
Так год еще они среди гор блуждали,
Потом друг другу так они сказали:
«Что делать нам? Ответили мы сами,
Когда вступили в битву с небесами:
Чем в рабстве жить нам и позор терпеть,
Уж лучше всем со славой умереть».
Таков конец был мужественных нартвов.
Пусть помнит мир о подвигах их ратных!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В устном поэтическом творчестве осетинского народа, отличающемся богатством содержания и оригинальностью сюжетов, одно из центральных мест принадлежит нартовским сказаниям¹, издавна привлекавшим к себе внимание исследователей.

Нартовский эпос, созданный в глубокой древности народами Северного Кавказа и формировавшийся в течение многих веков, особенно широко распространен у осетин, кабардинцев и абхазцев. Перед нами, таким образом, весьма редкий случай, когда эпос не ограничен какими-либо определенными национальными рамками, а принадлежит нескольким народам.

Нартовский эпос, в частности осетинские его сказания, по богатству содержания и художественной ценности может быть поставлен рядом с такими выдающимися памятниками мировой культуры, как «Илиада» и «Одиссея», «Песнь о Роланде», «Калевала», «Давид Сасунский» и др.

Творческий гений народа нашел широкий простор в эпосе. В сказаниях о нартах отражены упорная борьба многих поколений за счастливое будущее, любовь к свободе, пламенный патриотизм.

Хронология возникновения и этапов развития нартовского эпоса пока не может быть установлена с абсолютной точностью.

¹ Название «нартовский» происходит от термина «нарт», который является общим (фамильным) наименованием героев эпоса, так же, как, скажем, «Нибелунги» — общее наименование героев германского эпоса.

Анализ отдельных циклов показал, что многие сюжеты и мотивы сказаний восходят к древним скифским мифам и относятся к VII—VIII вв. до н. э. С другой стороны, несомненно, что отношения с монголами в XIII—XIV вв. н. э. наложили свой отпечаток на нартовский эпос. Такие имена главных героев, как *Хамыц* и *Батрадз*, указывают на монгольское влияние. В этот же период (XIII—XIV вв.) появился, по нашему мнению, термин «*нарт*». Между двумя датами — VII—VIII вв. до н. э. и XIII—XIV вв. н. э. — складывался, как нам кажется, нартовский эпос. В позднейшие века в него не вносилось уже ничего существенного.

Собирание осетинских нартовских сказаний и их исследование началось около ста лет назад. Исключительно важную роль в этом деле сыграли русские ученые и центр научной мысли России — Академия наук, а также осетинская интеллигенция, воспитанная на традициях передовой русской науки.

Первые записи нартовских сказаний, произведенные В. Цораевым и Д. Чонкадзе, в переводе и с комментариями академика Шифнера, были напечатаны в «Осетинских текстах», опубликованных в «Записках Академии наук» за 1868 г. Появление «Осетинских текстов» пробудило значительный интерес к устному народному творчеству осетин.

Первыми видными собирателями нартовских сказаний были братья Джантемыр и Гацыр Шанаевы. В 80-х годах в «Сборнике сведений о кавказских горцах» они опубликовали на русском языке ряд нартовских сказаний, в большинстве представляющих значительную научную ценность.

Почетное место в деле собирания нартовских сказаний принадлежит русскому ученому В. Б. Пфафу, неутомимому исследователю истории и быта осетин. Материалы о нартах, собранные им, были изданы в «Сборнике сведений о Кавказе» (1871). Неоценимый вклад в изучение истории, языка, этнографии и народного творчества осетин внес известный русский ученый академик В. Ф. Миллер. Он опубликовал на русском языке большое количество нартовских сказаний, снабдив их обширными ком-

ментариями. Эти тексты он напечатал в своих знаменитых «Осетинских этюдах» и в ряде других изданий. В. Ф. Миллер впервые дал научное истолкование некоторым сюжетам эпоса.

Работы В. Ф. Миллера пробудили интерес среди значительной части осетинской интеллигенции к истории, этнографии и фольклору родного народа. В 80—90-е годы появился новый отряд собирателей памятников осетинского народного творчества. А. Кайтмазов, И. Собиев, С. Туккаев, М. Гарданов, Г. Гурнев и М. Туганов в периодических изданиях дореволюционного Кавказа опубликовали большое число образцов нартовских сказаний. Собрание и публикация нартовского эпоса производились и представителями других народов Северного Кавказа. В Кабарде, например, первые записи о нартах появились в русской периодической печати еще в 40—50-х гг. XIX в. Авторами этих записей были известный кабардинский просветитель Шора Бекмурзаевич Ногмов и этнограф Султан-хан-Гирей.

Однако только при советской власти стало возможным осуществить в широких масштабах сбор и публикацию нартовского эпоса. Силами научно-исследовательских институтов Северной и Южной Осетии собрано большое количество сказаний о нартах, которые изданы отдельными сборниками. В то же время опубликован ряд научно-теоретических работ, посвященных изучению нартовского эпоса. В начале 1940 г. для подготовки издания сводного текста эпоса в Северной и Южной Осетии были образованы «Нартовские комитеты», в которых приняли участие научные работники и писатели. Развернулась большая и кропотливая работа по сбору нового материала и систематизации имеющихся рукописей и опубликованных текстов, продолжавшаяся даже в трудные годы Великой Отечественной войны. Посланные в различные районы Осетии, экспедиции производили записи не только новых вариантов нартовских сказаний, но также собирали музыкальный фольклор, связанный с эпосом.

В результате проделанной работы в Северной Осетии был подготовлен к печати на осетинском и русском языках полный

текст (около 160 авторских листов) всех вариантов сказаний о нартах. В конце 1946 г. в Северной Осетии был впервые опубликован на осетинском языке сводный текст (около 30 печатных листов), куда вошли лучшие сказания эпоса. На русском языке этот текст в переводе Юрия Лебединского был издан в прозе в 1948 г. Государственным издательством Северо-Осетинской АССР, а в 1949 г. в том же переводе — в Москве издательством «Советский писатель». Он был опубликован также в переводе белыми стихами Валентины Дынник Государственным издательством художественной литературы в 1949 г.

В Южной Осетии еще в 1942 г. был подготовлен к печати большой сборник (около 30 печатных листов) под названием «Нарты. Осетинский народный эпос». Сборник издан Государственным издательством Юго-Осетинской автономной области. Богатый и разнообразный материал, опубликованный в сборнике, явился опровержением имевших место в буржуазной науке утверждений о постепенном исчезновении, забвении произведений осетинского народного творчества, в частности, нартовских сказаний.

Нартовский эпос своими корнями связан с народом, чем и объясняется его огромная популярность.

Народ бережно хранил свой эпос, передававшийся в течение многих веков из поколения в поколение талантливыми народными сказителями.

Большую популярность приобрели такие профессиональные сказители, как Кудза Джусоев, Дзагко Губаев, Илико Маргиев, Баир Кабисов, Леван Бегизов, Я. Гаглоев, Бибо и Дзарах Саулаевы, Хату Гусов, Вано Гуриев. Народным певцам оказывают особый почет и уважение. Вот что пишет об этом один из видных собирателей и исследователей осетинских нартовских сказаний М. С. Туганов: «В старину на народные празднества стекались лучшие силы со всех концов Осетии, устраивалась настоящая (говоря современным языком) олимпиада. Лучшие сказители, представители разных ущелий, рассаживались на игорном поле и один за другим состязались в содержательных, луч-

ших напевах и пересказах нартовских сказаний. Играли они чаще всего на «кисын фандыре»¹ («хуйысар»), реже на двенадцати-струнной («дуадастанон») арфе. Музыкальный мотив каждого сказания о каждом герое был строго определен»². Мастерство народных сказителей часто передавалось из рода в род, от отца к сыну.

Нартовский эпос широко распространен по всей территории Северной и Южной Осетии и является общим достоянием всего осетинского народа. Сказания нартовского эпоса Северной и Южной Осетии имеют большое сюжетное и композиционное сходство. Главные действующие лица в них также одни и те же.

Настоящее издание нартовского эпоса состоит из 62 сказаний. В основу его положено вышеупомянутое южноосетинское издание «Нарты», вышедшее в Сталинире в 1942 г.

Как литературный памятник нартовский эпос отличается глубоким своеобразием и архаичностью. Несмотря на фантастичность описываемых событий, нартовский эпос глубоко реалистичен. В нем нет схематизма и штампов. Это — сама жизнь, народная во всех своих проявлениях. Нартовские образы относятся к тем могучим созданиям народного вымысла, о которых М. Горький сказал: «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа»³.

Народ — творец эпоса — наделил нартовских героев лучшими моральными качествами: отвагой и благородством, мудростью и непреклонностью, бесстрашием и любовью к родине. Несмотря на мифологическую условность, их образы являются жизненными, реальными. Нет нужды, что Урызмаг, Батрадз, Созырко, Ацамаз и Сатана никогда не существовали в действительности. Их образы покоряют неотразимой силой правды.

¹ Фандыр — национальный музыкальный смычковый инструмент.

² М. С. Туганов. Новое в нартовском эпосе. «Известия Юго-Осетинского Научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР», вып. I». Сталинир, 1946, стр. 172.

³ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 395.

Как живые встают перед нами герои нарттовского эпоса — суровые воители и беспечные плясуны, могучие, как титаны, и наивные, как дети, жестокие с врагом и бесконечно любящие и щедрые дома.

Особенно ярко рисуется в эпосе образ Урызмага, старейшего нарта, храброго воина, умного и талантливого предводителя. Урызмаг не раз водил нарттовскую молодежь на ратные подвиги. В борьбе с врагами он всегда одерживал победы.

Один из любимых героев эпоса — Батрадз. Народ видел в нем идеал мужчины, воина, члена родовой дружины. Все-сокрушающая сила, отвага, не знающая границ, стремительное нападение на врага, неукротимая ненависть к насильникам — все это в соединении со стальным, неуязвимым телом, закаленным в кузнице Курдалагона, делает из него идеального витязя:

...Батрадз рожден стальным.

Нет сил, которых испугался б он,

Лишь хитростью он может быть сражен.

В сказании «Батрадз и сын Тара — Мукара» Батрадз вступает в жестокий бой с насильником Мукарой и войсками маликов внезапно напавшими на нарттовское селение и разорившими его. Врагу удалось увести в плен много жителей, которых освобождает Батрадз. О его подвиге в этом сражении говорится:

Так в этой битве, грозной и великой,

Он победил Мукару и маликов

И пленникам, кто в рабстве прозябал,

Освобождение от неволи дал.

В сказании «Как Батрадз отомстил за смерть отца» герой в открытом бою сразил мечом убийцу своего отца — Сайнаг-алдара. Храбрость и необычайная сила Батрадза особенно ярко рисуются в сказании «Смерть Батрадза». Победив земных врагов, он вступил в решительный бой с небесными силами: зэдами, дуагами и даже с самим богом. Заключительная битва Батрадза с небесными силами приобщает его к сонму титанов-богоборцев,

к греческому Прометею, кавказскому Амирану. Батрадз борется с грозowymi божествами христианской эпохи — уациллами (св. Илья). Эта борьба является как бы отражением борьбы двух религий: языческой, представленной Батрадзом, и христианской, представленной уациллами.

Многочисленные параллели между нартскими сказаниями, связанными с именем Батрадза, и скифо-аланскими реалиями, а также отражение в нартских сказаниях древнего быта осетин дают нам право утверждать, что эти сказания в своей основе являются вполне оригинальными и весьма древними. С другой стороны, не подлежит сомнению, что имена *Хамыц* и *Батрадз* не являются оригинальными, осетинскими. Они явно монгольского происхождения и, наряду с некоторыми другими фактами, свидетельствуют о том, что аланский ¹ эпос о нартах в какую-то пору испытал на себе монгольское влияние. В эпосе рассказывается о том, что Батрадз первые годы жизни провел в море. Нарты очень хотели заполучить его себе, но это им не удавалось. Наконец, мудрая Сатана научила их, как выманить Батрадза из моря. Сделав так, как она советовала, нарты сумели привести мальчика к себе. Совершенно аналогичный сюжет мы находим и в одном монгольском сказании ².

Большое место в эпосе отводится Созырко.

«Я — нарт Созырко, нарт огненноокий,
Я пир люблю и бой люблю жестокий».

Созырко является гордостью нарт, их непобедимым воином. В бою с врагами он умен. В сказании «Созырко и Карадзау» Созырко, выдавая себя за пастуха, сумел обмануть и уничтожить опасного, «сильнейшего из сильных» врага нарт — Карадзау. Нужно отметить, что Созырко — любимый герой не только осетинских, но также кабардинских, балкарских, чеченских, дигорских (под именем Сослан) и других вариантов ска-

¹ Аланы — предки осетин; аланский период (с IV в. н. э. по XIV в.) нашел наиболее яркое отражение в нартском эпосе.

² См. «Этнографическое обозрение», XXI. М.

заний. О популярности и глубоко национальном характере этого героя свидетельствует, помимо самих сказаний, множество местных преданий, связанных с его именем, особенно те, которые распространены в Северной Осетии. Многие древние могильники, например в Дигории, слынут за могилы Сослана (Созырко); показывают также камни, на которых он якобы сидел.

В сказании «Ацамаз — сын Уаза» дан образ музыкально одаренного нарттовского юноши Ацамаза, игра которого на свирели пробуждает не только сердце красавицы Агунды, но и всю природу:

Он заиграл, как не играл никто.
Под переливы золотой свирели
В глухом лесу раздались птичьи трели.
Ветвистые рога закинув вверх,
Олени в пляс пустились раньше всех...

Ацамаз — старое аланское имя. В опубликованных греческих надписях, найденных на Северном Кавказе, которые относятся к первым векам нашей эры, это имя встречается четыре раза: в двух надписях из Горгииппии (Анапы), в одной из Танаиды (Нижний Дон) и в одной из района Краснодара. В греческом, как известно, не было звуков *ц* и *ч*, их заменял звук *t*, поэтому аланское имя Ацамаз, или Ачамаз, по-гречески произносилось как Атамазас.

Среди женских образов наиболее интересным и значительным является образ Сатаны.

Ни одно важное событие у нарттов не обходилось без участия Сатаны. К ней постоянно обращаются за советами Урызмаг, Батрадз, Созырко и другие герои. Не раз мудрая Сатана выручала нарттов из беды. В сказании «Смерть безымянного сына Урызмага» она спасает их от голодной смерти. Открыв свои «глубокие подвалы» с запасами, Сатана говорит Урызмагу:

«...Теперь, Урыз, пройди по всем кварталам
И созови голодных и усталых».
И Урызмаг отправился в селенье,

Где уж давно не раздавалось пенья.
Он ослабевших нартов созывал,
На все селенье так провозглашал:
«Народ почтенный! В этот тяжкий час
На кувд большой я приглашаю вас.
Придите выпить и поговорить
Все те, кто в состоянии ходить,
Не оставляйте старцев и больных,
И на носилках принесите их».

Образ Сатаны — умной женщины и гостеприимной хозяйки — очень популярен среди осетинского народа. «Наша хозяйка — Сатана» — вот лучшая похвала женщине в устах каждого осетина до настоящего времени. С именем Сатаны народ связывает многие явления в жизни, в частности, ей приписывают изобретение пива.

Женщина в нартовском эпосе обычно выступает как существо сильное и властное, пользующееся большой личной свободой и самостоятельностью. Таковы Сатана и Агунда, бесцеремонно отвергающая претендентов на ее руку и выбирающая жениха по своему усмотрению.

Оскорбление женщины считалось тягчайшим преступлением и строго осуждалось в народе. В сказании «Сын кривого великана» Батрадз во время симда сломал руку и ногу сыну великана за его недостойное поведение. Отец-великан говорит своему сыну:

«Ведь я предупреждал тебя, мой сын,
Чтоб не спускался со своих вершин,
Я говорил, что нарты не прощают
Того, кто женщин нартских оскорбляет».

В эпосе, как мы уже говорили, нарты рисуются умными и храбрыми воинами, умело использующими в сложной обстановке военную хитрость, отважно защищающими свою родину от врагов. Великаны же, с которыми они борются, изображаются коварными, жестокими и вместе с тем глупыми, вызывающими презрение и насмешку. Несмотря на то, что великаны в эпосе наделены огромной физической силой, гигантским ростом и живут в неприступных крепостях, они терпят поражения в борьбе

с нартами, которые громят великанов и ма́ликов в их же собственных крепостях.

Нартские герои во многих сказаниях выступают активными защитниками интересов бедных. Большую долю добычи — крупного и мелкого рогатого скота, захваченного ими в борьбе с врагами, — они часто отдают вдовам, сиротам, нуждающимся односельчанам.

В борьбе с враждебными силами на помощь нартам обычно приходят кони, собаки и птицы.

Исключительную роль в жизни нартов играет конь — верный друг, без которого не совершается ни один поход. Более того, конь наделен даром речи:

Батрадз в пути беседует с конем
О поединке будущем своем:
«Коль в схватке злой я загорюсь в огне,
Какую помощь ты окажешь мне?»
Конь отвечал, копытами звеня:
«Рассчитывать ты можешь на меня.
Коль будет враг упрено наступать,
Его смогу копытами подмять.
Коль все же будет враг одолевать
И станет, как в тисках, тебя сжимать,
Тогда зубами, чтоб глаза смежил он,
Я мигом разгрызу ему все жилы».

Растения, звери и птицы также говорят в эпосе человеческим голосом, они понимают язык нартов. Так, чудесные песни Ацамаза очаровывают не только красавицу Агунду, их слушают также горы, леса, звери и птицы. Умиравший Созырко беседует с вороном, волком, лисицей и ласточкой, которая является вестником нартов, посредницей между ними и небожителями. В сказании «Последний бой» небесный владыка посылает ласточку с поручением.

Бог молвил: «Ласточка, лети обратно
В последний раз к забывшим бога нартам.»

В эпосе рассказывается о дружбе между нартами и небожителями. Нартовские герои не раз были гостями небожителей, и,

наоборот, среди пирующих нартов мы часто встречаем Уастырджи, Уацилла, Фалвара и других небожителей. В особенно тесных связях с нартами находятся Уастырджи, который является отцом Сатаны, и небесный кузнец Курдалагон, сделавший видных нартовских героев неуязвимыми.

Однако нарты, разгромив своих врагов на земле, объявляют войну и небожителям:

«...Чем в рабстве жить
И жизнь свою позорную влачить,
Уж лучше нам тогда погибнуть вместе.»

Эти богоборческие мотивы с наибольшей силой отразились в последних сказаниях эпоса:

«Мы победили на земле врагов,
Не побоимся и самих богов.
В былые дни мы жили с ними дружно,
Но час настал, и нам решиться нужно.
Должны мы все откинуть всякий страх,
Теперь сражаться будем в небесах.»

Большой интерес в нартовском эпосе вызывают мотивы, связанные с представлениями о нравственном идеале народа. Особенно сильное звучание эти мотивы получили в сказании «Созырко в стране мертвых», где изображается загробная жизнь.

В эпосе мы не находим упоминания о сотворении мира богом. Все небожители — боги, зэды и дуаги — изображены такими же существами, какими являются сами нарты.

Нартовские сказания, по справедливому замечанию многих исследователей, представляют собой энциклопедию жизни древних осетин. В них с исключительным художественным мастерством и правдивостью отражены хозяйственный и общественный уклад, обычай и быт, психология и мировоззрение осетин далекого прошлого.

Не подлежит сомнению, что эпос в существенной своей части был создан еще тогда, когда осетины — аланы — были не гор-

ными, а степными жителями. Степной ветер веет в сказаниях. Ареной нартовских походов и богатырских подвигов часто является степь.

Наряду со степью в сказаниях часто упоминается и море. С морем и вообще с водной стихией нарти связаны тесными и многообразными узами. Знаменитые нарти-титаны Урызмаг и Хамыц родились от дочери водного владыки Донбетра; могучий Батрадз первые годы жизни проводит в водном царстве, откуда его удастся выманить только хитростью.

Есть ли в нартовских сказаниях историческое зерно? Можно ли рассматривать этот эпос, как эпос исторический, или перед нами особая разновидность сказок? Ответить на этот вопрос не так легко. Анализ других мировых эпических памятников показал, что нет эпосов чисто исторических, как нет чисто мифологических или чисто сказочных. Обычно в эпосе наблюдается смешение разнородных элементов: исторических, мифологических, сказочных, обрядово-песенных. Однако уместно поставить вопрос, какой из этих элементов является в нартовском эпосе ведущим, доминантным, какой послужил ядром эпоса, дал первоначальный толчок к эпическому творчеству.

По мнению А. Н. Веселовского, эпическая песня создается «по горячим следам» какого-либо исторического события. В нартовских сказаниях мы этих «горячих следов» не видим. Не видим, может быть, потому, что вообще мало знаем историю алан. Если песня о Роланде, сербские песни о битве на Коссовом поле, эпос о Давиде Сасунском легко связываются с определенными событиями из истории франков, сербов и армян, если многие былинные сюжеты восходят к сюжетам рассказов из русских летописей, то для суждения об историческом или неисторическом характере тех или иных нартовских сказаний мы не имеем пока достаточных данных. Нам кажется, однако, что если бы были обнаружены какие-либо памятники или документы, которые позволили бы с достаточной подробностью установить всю историю алан и скифов, то для объяснения нартовских сюжетов и мотивов это дало бы очень мало материала. В лучшем случае

мы обнаружили бы в сказаниях смутный отзвук одного или двух исторических событий, которые, благодаря внесению в повествование элементов фантастики и сказочности, изменены до неузнаваемости. Это наше убеждение основано на том, что нарттовский эпос по своему складу и характеру относится к тому более древнему типу сказочно-мифологических эпосов, где всякая историческая конкретность подавляется бурным потоком вымысла, фантазии и символики. Исторические сюжеты уступают место мифологическим и сказочным мотивам, так же как в финской «Калевале», киргизском «Манасе» и др.

Есть все же некоторые исторические события, на которые нарттовский эпос откликнулся, хотя опять-таки здесь использована символика. Такова борьба языческих культов с новой, христианской религией. Заключительная борьба двух героев эпоса — Сослана и Батрадза — с небесными силами представляется символическим изображением борьбы языческого мира с новой религией-победительницей.

Можно было думать, что встречающиеся в сказаниях названия равнин, гор, рек, морей, поселений, а также имена собственные и названия народов позволят определить конкретно-историческую обстановку, в которой жили нарттовские герои. Но и эти надежды не оправдываются. Географические и этнические упоминания в эпосе в большинстве случаев имеют смутный и как бы нарочито нереальный характер. Нельзя не видеть эту нарочитость в таком, например сочетании, как *Терк-турк*, где *Терк* — название реки Терека, а *турк* — название народа турок, — два понятия, никогда не соприкасавшиеся между собой, объединение которых по признаку звукового ассонанса призвано как бы подчеркнуть, что речь идет о чистом вымысле, о фантастическом, нереальном народе. Этой же тенденцией объясняем мы искажения хорошо известных географических названий, когда, например, *Хъуымы быдыр* 'Кумская (Пятигорская) равнина' превращается в *Гуымы быдыр*; или *Сау денджыз* 'Черное море' — в *Саденджыз* и т. д. Такие же названия, как *Сау хох* 'Черная гора' или *Уас къуыппи* 'Священный холм', ни о чем не говорят, они не на-

рушают впечатления сказочной, ирреальной обстановки, в которой действуют герои нартовских сказаний. В эпосе мы не видим стремления локализовать во времени и пространстве происходящие события, наоборот, мы находим в нем очевидное желание завуалировать, лишить всякой реальности арену совершающихся действий¹. Создавая чудесный, сказочный мир «детей Солнца», творцы эпоса чувствовали, насколько было бы неуместно прикрепить этот идеальный, фантастический мир к обыденным, общеизвестным, лишенным всякой таинственности местам.

Итак, нартовский эпос не может быть назван эпосом историческим в точном смысле. Значит ли это, что он оторван от всякой действительности и лишен исторического значения? Конечно, нет. Ведь помимо правды исторических фактов существует еще правда художественная.

Возражая тем, кто отрицал историческую реальность образа летописца в «Борисе Годунове» Пушкина, Достоевский писал: «Неужели пушкинский летописец, хотя бы и выдуманный,— перестает быть верным древнерусским лицом? А поэтическая правда? Стало быть, поэзия — игрушка? Неужели Ахиллес не действительно греческий тип, потому что он, как лицо, может быть, никогда и не существовал?»² Интересно, что Достоевский в качестве образца художественной правды привел образ народно-эпического героя Ахиллеса. Нартовские герои в этом отношении не менее замечательны. К ним приложима характеристика, которую дал Достоевский художественным образам произведений Пушкина: «Главная красота этих типов — в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные»³.

«Стоят, как изваянные» — это определение как нельзя лучше подходит к нартовским героям. Именно изваянными каким-то

¹ «Песня об Ацамазе» в записи М. Туганова, где дается ряд точных географических названий района Осетии и прилегающих областей, является едва ли ни единственным исключением. Несколько локализованных названий, как *Зилахар*, *Гур* (*Гори*) и т. п., в других сказаниях не меняют общей картины.

² Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч., 1883, т. 10, стр. 80.

³ Там же, т. 12, стр. 426.

скульптором-титаном, высеченными из цельных глыб кажутся фигуры Урызмага, Сатаны, Батрадза и других героев.

Не потому ли так трудно убедить простого горца в том, что нарты не существовали в действительности? Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартовских героев вымышлены; но что эти герои, такие живые, выдуманы «из головы» — этого он никак не может допустить.

Нартовские сказания, в особенности если они исполняются выдающимся певцом, производят сильное и незабываемое впечатление. Вы знаете, что все это, — сказка, миф, фантастика, но на эту фантастику наложены такие живые краски, что вы почти начинаете верить в ее реальность.

Эти тысячелетние «сказки» до сих пор являются образцом реализма.

Нартовский эпос, возникший в глубокой древности, носит на себе следы ряда исторических эпох. Являясь, как и все большие национальные эпосы, многослойным (полистадиальным), заключая в себе много различных напластований, он тем не менее в своей основе может быть охарактеризован как типичный эпос родового строя с яркими пережитками матриархата (образ Сатаны). О разделении нартов на три рода (Бората, Ахсартаггата и Алагата) говорится во многих сказаниях. Встречающиеся в эпосе элементы и черты, относящиеся к эпохе феодализма, привнесены в него в позднейшее время. Гомеровские поэмы, германский эпос, русские былины отражают более позднюю стадию общественного развития. В них уже фигурирует институт государства, которого и в помине нет в нартовском эпосе. Ближе к нартовским сказаниям стоят древнейшие ирландские саги. Отсутствие упоминания о государстве сближает нартовский эпос и с «Калевалой». В древнейших частях «Калевалы», «Риг-Веды» и «Авесты» мы находим много параллелей к нартовскому эпосу из области мифологии, мировоззрения и быта.

В эпосе отразилась одна из характерных черт родового общества — кровная месть. В сказании «Как Батрадз отомстил за смерть отца» месть героя продиктована не вспышкой гнева или

прихотью, а идеей долга. Больше того, он проявляет при этом рыцарское благородство. Так, когда Батрадз приносит Сатáне в виде трофея руку убитого Сайнаг-алдара, Сатáна предлагает победителю вернуть руку врага его родным, чтобы тело убитого можно было предать земле, поскольку по обычаю он не может быть похоронен без руки. И Батрадз, не возразив ни слова, соглашается исполнить просьбу Сатáны.

В эпосе мы находим отражение древних общественных отношений — матриархальных. В нем выведен обаятельный образ Сатáны — главной нартовской героини. Она — мать народа, хозяйка и хранительница запасов всего рода. Эта ее роль интересна и важна для характеристики примитивного общинного хозяйства матриархального общества. В отдельных сказаниях встречаются и другие следы древних общественных и семейных отношений, например, группового брака. В сказаниях о женитьбе Сослана есть варианты, в которых уже отражен переход от группового брака к парному. Однако следует отметить, что архаические черты не являются в эпосе ведущими, они сохраняются в нем как пережитки. Более полно и красочно изображены общественные формации, относящиеся, по периодизации Энгельса, к высшей ступени варварства, — родо-племенная формация и в особенности строй военной демократии.

В эпосе нарты изображены оседлым народом. Они живут в селении, разделенном на отдельные кварталы, располагают вооруженными отрядами для совместной борьбы против врагов. Излюбленным местом в нартском селении является ныхас, куда часто собираются односельчане для решения важных общественных и военных дел и спорных вопросов. Так, например, когда три нарта убили на охоте черную лису и никак не могли поделить между собой ее шкуру, Урызмаг сказал:

«...Не сговориться, видно, нам друг с другом.
Домой вернувшись, выйдем на ныхас,
И старики рассудят лучше нас.
Там сам народ определит, кто прав
И что нужнее — шапка иль рукав».

В наиболее ранних сказаниях часто упоминаются пещеры и шалаши, служившие жильем человеку в глубокой древности. В более поздних сказаниях есть описания многоэтажных башен, неприступных крепостей и дворцов.

Нартам были хорошо известны золото, серебро, медь, железо и сталь. Из золота и серебра они делали украшения, из меди — предметы домашнего обихода, а из железа и стали — вооружение: мечи, копья, луки, стрелы, панцыри, щиты, шлемы и т. д. Особенно процветало у нартов кузнечное дело, которое пользовалось большим почетом. Бог-кузнец Курдалагон — один из популярнейших персонажей эпоса. Многие герои сказаний, заключенные в стальную броню, наводят ужас на врагов.

Главное занятие нартов — охота и скотоводство. Основное оружие охотника — лук и стрела. В эпосе часто упоминаются многочисленные стада мелкого и крупного рогатого скота. В некоторых сказаниях речь идет и о распространении земледелия. Из хлебных злаков называются просо, ячмень и пшеница, из сельскохозяйственных орудий — соха. В сказании «Как Сослан возвратился к нартам» рассказывается:

Сын Уацилла к ним пришел с сохой,
Ячмень с пшеницей сыпал им горой.
И мельничные жернова донбetry
Несли с собою, чтоб связать их с ветром.

В эпосе большую часть своего времени нарты уделяют балцам (походам), в которых участвует все взрослое мужское население. Охотой, скотоводством и земледелием также занимаются мужчины. Женщины же выполняют домашнюю работу. В частности, они с большим искусством готовят ронг — медовый напиток, пиво и брагу, шьют одежду, делают из шерсти сукно. Умением делать все это особенно славится Сатана.

Главной пищей нартов, судя по многим первоначальным сказаниям, служило оленьё мясо. В большом количестве его подавали на пирах. В позднейших сказаниях упоминается уже мясо домашних животных и хлеб. Наиболее древним и любимым напитком нартов был ронг.

Яркое отражение в эпосе получили различные национальные обычаи и обряды: свадебный, похоронный и т. д. Нашли отражение в сказаниях и такие обычаи, как умыкание и калым, в прошлом широко распространенные у народов Северного Кавказа. В сказании «Ацамаз — сын Уаза» рассказывается о намерении небожителей Уастырджи и Афсати украсть для нартовского певца Ацамаза дочь несговорчивого Сайнаг-алдара, красавицу Агунду. Похищение женщин — как одна из форм заключения брака в родовом обществе — совершалось главным образом из-за калыма, который в большом размере уплачивался за невесту. В эпосе семь братьев говорят Созырко, похитившему их сестру:

«Ты за сестру обязан дать калым,
Нам предоставить должен ты скорей
Оленей, туров и других зверей.
Среди равнины раннею весной
Ты должен выстроить дворец стальной...»

В нартском эпосе содержится большой и интересный материал по религиозным верованиям осетин и их предков. В нем мы находим указания на борьбу старых, языческих культов алан с новыми, христианскими, получившую свое отражение в битвах нарттов с небожителями. Так, Созырко борется с колесом Балсага — христианизированного солнечного «бога» — и погибает в этой борьбе. Батрадз борется с христианизированными грозowymi богами уациллами и тоже погибает. В обоих случаях победа на стороне христианских божеств.

В сказании «Созырко в стране мертвых» раскрываются представления осетин о загробной жизни, описываются обряды и обычаи, сохранившие весьма древние черты, характерные для эпохи родового строя.

Значительный интерес в нартском эпосе представляют следы тотемизма и анимизма.

Нарты изображаются веселыми, жизнерадостными. Их досуг целиком заполнен пиршествами, плясками и спортивными играми. После особенно удачных походов они устраивают пиры

с обильными угощениями, на которые, по зову особого «крикуна» (*фидиуаг*), собирается все население. На пирах происходят состязания знаменитых нартовских танцоров и музыкантов. В сказании «Созырко и Челахсартаг» лучший плясун нартов Созырко в состязании с сыном Хиза поражает зрителей своей ловкостью:

Созырко в пляс пустился огневой,
Смеясь задорно и гордясь собой,
На стол поднялся на носках легко,
На пальцах ног взлетая высоко.
Народ следит за пляской с восхищеньем,
В глазах рябит от быстрого движенья.
Скользит, как лебедь, он по краю чаши,
И крошки хлеба, к удивленью старших,
Он со стола, танцуя, не роняет,
И капли ронга он не проливает.

Любимый танец нартов — симд. Это — популярный массовый танец, до сих пор распространенный у осетин, которому в эпосе посвящается много красочных строк:

Все заплясали в симде круговом,
От песен их гремело все кругом,
От пляски их сама земля дрожала.

Нарты — страстные любители музыки. Не только Ацамаз, о котором говорилось выше, но и все главные герои эпоса — хорошие музыканты. Одному из них — Сырдону — принадлежит изобретение двенадцатиструнной арфы. В сказании «Созырко в стране мертвых» Сатана получает от Афсати свирель и дарит ее Созырко.

Вот заиграл Созырко на свирели,
И стаями к нему сбегались звери.
На зов его, как будто по веленью,
К нему пришли и туры, и олени.

Сочетание воинственности с особой любовью к музыке, песням и пляскам составляет одну из характерных особенностей нартовских героев. Меч и фандыр — это как бы двойной символ нартовского народа.

Необыкновенная живучесть нартовского эпоса объясняется прежде всего тем, что в нем осетинский народ сквозь фантастическую оболочку видел действительную жизнь, самого себя. Герои нартовского эпоса получили широкую известность и популярность среди осетинского народа, они дороги ему и близки. Слово *нартон* 'нартовский' до сих пор употребляется для обозначения всего, что поражает мощью, величием, изобилием, красотой, необычайностью. Когда осетины впервые познакомились с кукурузой — злаком, не похожим ни на один из прежде известным им, — они дали ему наименование *нартхор* 'нартовский злак'.

Сравнить хозяйку дома с Сатаной, а хозяина — с Урызмагом — это значит похвалить их, дать им такую характеристику, которую поймет каждый осетин без всяких комментариев.

Народный поэт Осетии Коста Хетагуров в своем творчестве часто приводит имена нартовских героев, сравнивает героев своих произведений с героями эпоса. В поэме «Кто ты?» он говорит об одном лице:

С соседями груб он,
А дома — Сырдон¹.

В двух словах дается исчерпывающая характеристика человека, который сравнивается с Сырдоном, отличающимся коварством и жестокостью.

В стихотворении-сказке «Пастух-батрак» упоминается Урызмаг:

«Не успеет пусть и шубы
С шапкой износить,
Кровь пусть тот застудит в жилах
В нартский зимний мрак,
Кто из шкуры зайца сшил их —
Нартов Урызмаг»².

¹ Коста Хетагуров. Собр. соч. в трех томах, т. I, М., изд-во АН СССР, 1951, стр. 161.

² Там же, стр. 251.

В черновой рукописи поэмы «Хетаг» хозяйка несколько раз именуется Сатаной. В этой же поэме о старике Солтане говорится:

Пил он, как нарт, веселился, как юноша...¹

Высшая мечта поэта — уподобиться нартоvesкому певцу Ацамазу:

Если бы пел я, как нарт вдохновенный,
Если б до неба мой голос взлетал...²

В народных свадебных и застольных песнях постоянно упоминаются прославленные нартоvesкие супруги Урызмаг и Сатана, особенно последняя.

Ряд названий местностей в Осетии, могильники, склепы, камни, святилища, явления природы связываются с нартами.

Так, ковыль по-осетински называется «ус Хамыца», млечный путь — «след Арфана» (Арфан — имя коня Созырко), радуга по-дигорски значит «лук Сослана». О ласточке говорят, что хвост ее раздвоился, когда Сослан задел его своим мечом.

Характерные особенности многих растений, зверей и птиц связываются с теми благословениями и проклятиями, которые произнес по их адресу Созырко во время борьбы с колесом Балсага и перед своей смертью. Орешник растет суковатым и кривым, ива — бесплодна, ворон — долговечен, волк — отважен, сова видит ночью и т. д.

В Дигории показывают могилу Сослана (Созырко). Там же в старину справлялся летом особый праздник, посвященный этому герою. В Куртатинском ущелье, близ села Лац, показывают нартоvesкий ныхас — место совета нартоves. Большие камни служили, как говорит предание, креслами, на которых восседали могучие нарты. Там же показывают и могильники нартоves. Известен также камень с начертанным на нем лабиринтом, слышущим за точное изображение дома Сырдона.

¹ Там же, стр. 297.

² Там же, стр. 65.

Из приведенных фактов, которые можно было бы умножить, видно, насколько глубоки корни нартовского эпоса в народе.

Говоря о художественных достоинствах нартовского эпоса, нельзя не отметить его большого сюжетного богатства. Общее количество самостоятельных сюжетов превышает сотню, и мы не видим, чтобы они в какой-то мере повторяли друг друга. Напротив, не только каждый цикл имеет свой отпечаток, но и внутри цикла сюжеты разнородны. При всем трагизме основных конфликтов в эпосе нет однообразной сумрачности скандинавской Эдды или ирландских саг. Эпизоды, насыщенные драматизмом — как смерть Ахсара и Ахсартага, гибель Созырко и Батрадза, бой Созырко с Тотрадзом, гибель детей Сырдона и другие, — перемежаются с эпизодами, где имеются элементы комизма; таковы сказания, связанные с именем Сырдона, а также эпизоды из других циклов (развод Урызмага с Сатаной, Урызмаг и циклоп, Батрадз и сын кривого великана и др.). При этом драматическое сочетается с комическим и анекдотическим весьма искусно, органически. Вообще юмор является существенным элементом нартовских сказаний, он свойствен народу, создавшему этот эпос.

При большом сюжетном богатстве нартовский эпос характеризуется относительной бедностью художественной формы. Эта бедность — явление не случайное. Она порождена примитивностью той общественной формации, в период которой создавался эпос. Древние охотники и воители были не требовательны к духовной пище, они привыкли к здоровой простоте и невзыскательности. Однако эта бедность формы не снижает художественную ценность эпоса. Богатство может быть уродливым и безвкусным, а бедность — красивой. Взгляните на горские боевые башни. Сложенные из неотесанных глыб, без цемента, они не могут быть названы богатыми в архитектурном отношении сооружениями, но это не лишает их своеобразной прелести и очарования. Больше того, именно этой своей простотой, гармонирующей с ансамблем аулов и с суровой окружающей природой, они и производят незабываемое впечатление. Таковы же осетин-

ские нартовские сказания. Они, как мегалитические постройки: никакого орнамента, никаких украшений, но дыхание глубокой древности, сила и мощь чувствуются в них и пленяют человека.

Когда выше мы относили создание нартовского эпоса к родовому строю, то основывались преимущественно на содержании сказаний. Но даже только одно изучение художественной формы сказаний могло бы нас утвердить в мнении, что нартовский эпос — продукт доклассового общества. Достаточно прочитать несколько сказаний, чтобы стало очевидным: нет, это не феодальный эпос, феодализму присущ другой стиль. Обстановка феодального двора, где профессиональные певцы состязались между собой перед высокопоставленным покровителем, порожидала ту изысканность стиля, ту перегрузку художественных средств, нередко в ущерб сюжетной динамичности и содержательности, которые немыслимы в условиях родового строя, где певец, он же воин, он же старший в семье или в роде, пел не для феодала, а для всех членов рода.

Жизнь, наполненная борьбой, опасностями и лишениями, породила тот героический дух в народе, который на протяжении столетий питал его эпическое творчество. Эти суровые условия наложили свой отпечаток и на нартовский эпос, сдержанный и строгий в выразительных средствах, но полный внутренней силы и динамичности.

Народная поэзия осетин бедна лирическими элементами. Это характерно и для нартовских сказаний.

Каковы художественные особенности нартовского эпоса? Композиция сказаний проста, в них нет отступлений. Синтаксис также не сложен: преобладают простые предложения, сложно-подчиненные конструкции почти отсутствуют. Описания скупы до сухости. Действие превалирует над описанием и риторикой. Характеры героев раскрываются именно в действии, в поступках, а не в оценках и характеристиках. Художественные образы — реальные. Язык лаконичный, но в то же время богатый и меткий.

Отметим некоторые образы и выражения из художественного арсенала нартовских сказаний¹.

О женской красоте: «От нее изливался свет солнца и месяца», «Ее золотые косы до щиколоток», «Ее слезы, как обильный жемчуг».

О глазах героя: «Его глаза величиной с сито».

О жилище донбетров: «Пол — синее стекло, стены — перламутр, потолок — утренняя звезда».

О всаднике-великане: «Конь — величиной с гору, сам — величиной со стог сена».

О витязе: «Приближается чудный всадник, от него исходит сияние солнца и луны, перед ним клубится туман, над ним кружатся вороны, за ним тянется глубокая борозда. Сияние солнца — это блеск его шлема, сияние луны — блеск рукоятки меча, туман перед ним — это пар из ноздрей коня, вороны, которые над ним кружатся, — это комья земли, вылетающие из-под копыт, глубокая борозда — это царапина от кончика меча».

Излюбленными и весьма характерными для нартовских сказаний являются парные сочетания: парные образы, парные эпитеты и сравнения, парные имена.

О снегопаде говорится: «Заловский снег и вечный глетчер»².

О вьюге: «Крутящийся ветер и кутающая вьюга».

Об отчаянном крике: «Крик орла и вопль сокола».

Хитрость и прозорливость Сатаны и Сырдона характеризуются словами: «Хитрость неба и чародейство земли».

О бедно одетом герое: «Со свернутыми ноговицами и со стоптанными арчи»³.

О множестве говорится: «Сто раз сто и тысячу раз сто».

Эта же склонность к парным сочетаниям наблюдается и при употреблении имен: «Терк и турк», «Кайтар и Битар» и др. Некоторые из парных сочетаний являются синонимическими

¹ Здесь использован материал осетинского оригинала, а не поэтического перевода, поскольку речь идет о художественных особенностях эпоса.

² Значение слов *залты*, *заловский* неясно.

³ Арчи — горская обувь.

параллелизмами, когда оба слова или сочетания слов заключают одно и то же понятие, выраженное разными словами.

Нам остается вкратце остановиться на вопросе о жанре и метрическом размере сказаний.

Героические нартовские сказания — «кадаг»¹ — среди других фольклорных жанров занимают совершенно обособленное место не только по содержанию, но и по манере исполнения. Они, с одной стороны, противостоят «аргъау» — сказке, с другой — «зараг» — песне (исторической, застольной и пр.). От сказки «кадаг» отличается тем, что он поется, а не рассказывается, от «зараг» — тем, что он поется в сопровождении музыкального инструмента (скрипки или арфы) и имеет совершенно особую мелодию. По типу «кадаг» исполняются только нартовские и даредзановские (идушие из Грузии) сказания, а также несколько героических песен («Сказание об Одинском», «Сказание об Анзоре Анзорове», «Сказание о Дзамболате Дзанаеве» и др.). Песни об исторических героях (Чермена, Хазби и др.) не называются «кадаг» и исполняются без музыкального сопровождения.

Характер исполнения «кадага» дает право думать, что он облечен в поэтическую форму и ему свойствен стихотворный размер и ритм. Между тем, обращаясь к имеющимся записям «кадага», мы видим, что почти все они имеют форму прозаических рассказов, по внешнему виду ничем не отличающихся от сказок. Откуда такое противоречие? Насколько можно судить, оно вызвано следующими двумя причинами. Первая заключается в том, что большинство записывающих само просит сказителя не петь, а рассказывать, так как в этом случае сказителя можно останавливать, переспрашивать, просить повторить, что при пении совершенно исключено. Вторая причина заключается в том, что поэтическая форма «кадаг», хотя она несомненно существует, не выдержана, во всяком случае в исполнении новейших рапсодов, строго до конца. При рассказывании не улавливается стихотворно-ритмический размер «кадага», и он невольно записывается как прозаическое произведение.

¹ По-видимому, от слова *кад* — «слава», «хвала».

Но, поскольку существуют записи целых песен в стихотворной форме (например, песни об Ацамазе, о Маргудзе, записанные М. Тугановым), поскольку даже в прозаических записях попадаются отдельные куски с правильным ритмическим членением, есть все основания ставить вопрос о метрике осетинского «кадага». Проведенный весной 1941 г. в Дзауджикау съезд сказителей дал для этого дополнительный ценный материал.

Анализ типических и лучших образцов песенных записей привел нас к следующим выводам: существует не один, а несколько размеров песенного стиха; каждое сказание, посвященное тому или иному герою, имеет свою мелодию. Наиболее распространенный тип песен характеризуется следующим:

1. Число слогов в стихе колеблется от 9 до 13. Именно это число слогов свободно укладывается в большинство нартовских мелодий. Правда, сказители иногда включали в музыкальную фразу большее количество слогов, но это производило впечатление напряженности и перегрузки.

2. После 5-го или 6-го слога обязательна цезура.

3. Каждое полустушие имеет, как правило, одно главное ударение.

4. Главное ударение полустушия тяготеет к его началу, но может стоять также в середине, а иногда (очень редко) и в конце.

5. Избегается соседство двух ударений равной силы.

Рифма, как концевая, так и внутренняя, не характерна для «кадага». Правда, есть тенденция ставить в конце каждой строки сказуемые с одинаковыми окончаниями, что создает впечатление рифмы. Все эти наблюдения имеют предварительный характер. В деле изучения мелодики, ритмики и поэтики осетинского нартовского эпоса предстоит еще большая работа. Задача фольклористов, занимающихся нартовским эпосом, состоит в том, чтобы произвести полные записи и публикации этого памятника народов Северного Кавказа и дать ему научное истолкование.

В. И. Абаев, Б. А. Калоев

КОММЕНТАРИИ¹

- Авсароны* — миф. из *авд-сарон* — 'семиглавый', название великанов.
- Авсур* — легендарный конь.
- Адайхох* — гора в Северной Осетии.
- Адат* — араб. обычай, неписанный закон. Нормы обычаев народов Кавказа, выработанные в течение многих веков.
- Алдар* — владетель, феодал, князь.
- Альчик* — бабки.
- Аминон* — миф. привратник царства мертвых. «По дороге в загробный мир около моста сидит какое-то существо Аминон, которое спрашивает дух покойника, что он сделал на свете хорошего и дурного, и указывает праведному путь в рай» (В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. М., 1886, ч. 2, стр. 246—247).
- Арвырасуд* — досл. 'Небесная красавица'. Бабушка двух мальчиков-близнецов — Ахсара и Ахсартага, сыновей нартовского героя Уархага (см. *Уархага*).
- Ардхорд* — побратим.
- Арфан* — имя коня знаменитого нартовского героя Созырко, в других вариантах — Урызмага.
- Арчи* — вид горской обуви, которую в основном носили бедняки. Арчи изготовлялись из сыромятной кожи. Внутри арчи на подошвы клали мягкое сено, чаще всего в зимнее время, чтобы было удобнее ходить и чтобы предохранить ноги от холода.
- Арын* — деревянное корыто, в котором месят тесто.
- Афсати* — миф. покровитель диких зверей. Он изображался стариком с длинной бородой. Особенно почитали Афсати охотники (См. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 244—245; Коста Хетагуров. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., изд-во АН СССР, 1951, стр. 165—171).

¹ Многие географические названия, имена и названия народов, которые встречаются в эпосе, остаются пока неясными.

Барастыр — миф. владыка загробного мира. Он встречает мертвецов и определяет их места в загробном мире: одних отправляет в *зындон* — 'ад', других в *дзанат* — 'рай' (См. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 245—246).

Бардуаг — миф. ангел, святой. «Болезни, эпидемии, эпизоотии, по мнению осетин, посылаются некоторыми духами, которым следует совершать кувывд и приносить жертву. В горах пользовался особым почитанием такой дух под названием Рыныбардуаг — ангел (дуаг), имеющий власть (бар) над повальными болезнями (рын)». (В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 249).

Бидаса шлем — чудесный, непробиваемый шлем.

Бицента — название фантастического рода карликов.

Гумиры — так называются в эпосе великаны, которые будто бы населяли землю до нартов.

Далимоны — по древним верованиям осетин, злые существа, живущие под землей.

Дзуар — миф. святой, покровитель. Дзуарами называли также рощи, горы, часовни, которые осетины считали священными местами.

Дзыкка — любимое национальное блюдо осетин, которое готовят из сыра и пшеничной или ячменной муки.

Донбетры — миф. обитатели водного царства. Донбетр — владыка водного царства. Как рассказывается в эпосе, нарты жили недалеко от морских просторов (в сказаниях часто упоминается море), на нартовской земле протекали большие реки, в доме Донбетра воспитывались известные нартовские герои. По преданию, нарты произошли от дочери Донбетра — Дзерассы. С именем Донбетра у осетин был связан ряд поверий и семейных обрядов (См. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2).

Дауаг (или *дауаги*) — миф. небожители, покровители животного и растительного мира, гор, морей, рек.

Емылык — необъезженная лошадь.

Западз — склеп, который был широко распространен в горах центрального Кавказа, в частности на территории Осетии и Кабарды. Различают три вида склепов: подземный, полуподземный и надземный. Подземные склепы являются наиболее древними. По мнению В. В. Бунака, они пришли на смену каменным ящикам и древним погребальным камерам, так называемым катакомбам, в IX в. (См. В. В. Бунак. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIV. М.—Л.,

1953). Полуподземные и надземные склепы более позднего происхождения. Первые датируются XIII—XVI вв., вторые — XVI—XVIII вв. Склепы сооружались преимущественно из необтесанного камня. С одной стороны склепа оставляли проходы, через которые проносили покойников. Умерших клали в запад без гробов, на легкие деревянные настилы.

Зэды — миф. небожители, ангелы.

Кадзи — миф. злые существа, бесы. В эпосе кадзи враждуют с нартами.

Камень знаков — чтобы не сбиться с пути, нарты во время походов на дороге, по которой они шли, ставили так называемые камни знаков.

Картá — деревянное ведро.

Кахц — гарелка, на которой приносили подарки в праздник кахцгáнан; иногда так назывался сам праздник.

Кахцгáнан — старинный осетинский праздник, связанный с рождением сына. В прошлом у осетин, как и у других народов Кавказа, рождение мальчика было радостным событием, рождение же девочки не отмечалось. При рождении сына устраивали пир, на который приглашались родственники и знакомые.

Кен (кин) — волчок.

Колесо Балсага — фантастическое существо в виде колеса, обладающее необычайной силой. Посланное богом, колесо небожителя Балсага поражает нартовских героев, боровшихся с небожителями.

Куэд (или куывд) — пир, пиршество. Руководит пиршеством старейший. Он произносит молитву, следит за порядком. Пирующие рассаживаются на кувде по старшинству. Если присутствует посторонний гость, то его сажают со старшими. Прислуживает на пиру один или несколько человек из молодежи. Они накрывают стол, подают кушанья и напитки. Пиршество сопровождается песнями и танцами.

Курдалагон — миф. небесный кузнец. Он помогает нартам в их борьбе с врагами.

Кутуганан — народный праздник, существовавший в Осетии вплоть до революции. В этот день из теста делали всевозможные фигурки.

Ламз — по поверьям, чудесная мазь, делавшая предметы невидимыми.

Мали́ки — феодалы, князья. В эпосе они совместно с великанами постоянно ведут борьбу с нартами.

Налы́гач — русск. устар. род пóвода, веревка, привязанная концами к рогам.

Нук — желоб в мельнице.

Ныхас — место народных собраний, букв. «беседа».

Пилтхор — фантастическое существо, пожирающее огромные пласты дерна.

Рифтаг — двухсторонняя сумка, которую обычно привязывали к седлу лошади. Она шилась из домотканного сукна. Рифтаг был предназначен для небольшого груза.

Ронг — любимый напиток нартов. Вероятно, он был распространенным напитком у алан — предков осетин. Ронг приготовлялся из меда и отличался большой крепостью и приятным вкусом.

Сайнаг — алдар, убийца нартовского героя Батрадза.

Сафа — миф. покровитель домашнего очага.

Симд — массовый танец осетин, который распространен также у кабардинцев, черкесов и адыгейцев. Он является одним из древнейших танцев осетин. Круговой симд, или симд нартов, до сих пор бытующий во многих местах Осетии, — хороводный танец мужчин. Его обычно танцуют на свадьбах. Как считают некоторые исследователи, из этого танца затем возникли общие тимды, исполняемые совместно мужчинами и женщинами (См. А. Болаев. Горские народные танцы. «Народное творчество», 1938, № 10—11).

Сынаг — игра, состоящая в толкании друг друга плечами и грудью.

Тар — миф. великан, владетель больших земель, неоднократно выступавший против нартов.

Таск — плетеная из прутьев корзина.

Терк-турки — название несуществующего народа.

Тутыр — миф. покровитель волков. С этим духом у осетин был связан ряд поверий и обрядов. В. Ф. Миллер пишет: «Существует убеждение, что Тутыр — пастух волков, что без его воли они не могут причинять вред человеку и скоту... Если на стада нападает волк, осетины призывают на помощь Тутыра, говоря: «Спаси меня и скот мой от пастей твоих волков, прогоняя их далеко»» (См. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 243).

Уазай — местность в Дигорском ущелье в Северной Осетии.

Уаиг — миф. великан, циклоп.

Уаливыхи — пироги с сыром.

Уархаг — родоначальник нартов.

Уархтанаг — родоначальник нартов.

Уастырджи — миф. покровитель мужчин, воинов, а также всех путников. По народному представлению, он всегда находится с правой стороны от путника. Уастырджи оказывает помощь нартам в трудное для них время. Он является отцом Сатаны. В прошлом Уастырджи был одним из наиболее почитаемых божеств. «Имя его часто произносится в клятвах и благословениях, — пишет В. Ф. Миллер. — Про него ходит в Осетии много легенд...» (В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 242).

Уацилла — миф. бог грозы и урожая.

Фалвара — миф. покровитель мелкого рогатого скота. Ежегодно в августе в честь Фалвара устраивали кувды (см. *кувд*). В. Ф. Миллер сравнивает его с христианскими святыми Флором и Лавром — покровителями лошадей (См. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 2, стр. 278).

Фандыр — старейший осетинский музыкальный инструмент. Он встречается двух видов: 1) «дуадастанон фандыр» — двенадцатиструнный фандыр или арфа и 2) «хъисын фандыр» — смычковый струнный инструмент.

По преданию, осетинская арфа была изобретена Сырдоном. На севере Кавказа арфа появилась, вероятно, в период средневековья. В далеком прошлом арфа у осетин была самым распространенным музыкальным инструментом. Но во второй половине XIX в. она уступает место другим музыкальным инструментам, в частности русской гармонике.

Другим широко распространенным музыкальным инструментом в Осетии был «хъисын фандыр». Он напоминает скрипку. Фандыром у осетин называется также и русская гармоника.

Фарн — мир, спокойствие, изобилие, счастье.

Фасал — мягкая сухая трава, которую кладут в чувяки.

Фыдис — вилка с загнутыми концами, которой вынимают мясо из котла.

Фынг — 1) всякий накрытый для еды стол; 2) старинный осетинский круглый столик на трех ножках, украшенных фигурной резьбой.

Хист — поминки. По религиозным представлениям осетин, душа человека после смерти переходит в «дзанат» (потусторонний мир), где она продолжает жить. Причем она нуждается во всем, что имел на земле человек. Поэтому родные покойника в течение года устраивали поминки. Число поминок у осетин-христиан за год достигало 12, а у магометан — 10. Коста Хетагуров писал по этому поводу: «Поминки устраиваются довольно часто и настолько роскошно, что иногда приводят к разорению. Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер арака (водки.— Б. К.), испечь до 3000 пшеничных хлебов,— было нелегко в Нарской котловине» (Коста Хетагуров. Собр. соч. в трех томах, т. III, стр. 255. См. также В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1 и 2).

Хуандон — алдар, выступающий обычно как враг нартов, иногда — их союзник.

Церека кольчуга — чудесная, непробиваемая кольчуга, сама являющаяся к герою при боевой тревоге.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Слово о нартах	7
Бора у донбетров	9
Бора в заповедном лесу	18
Свадьба Бора	22
Дзылау на охоте	26
Дзылау у авсаронов	29
Похищение сестры авсаронов	32
Битва великанов	35
Смерть Бархуна, сына Ноза	37
Смерть Болатбарзая	41
Единоборство	49
Бой Уархтанага с Кáром и Карáфом	52
Исчезновение Уархтанага	56
Ахсар и Ахсартаг у далимонов	60
Битва далимонов	66
Золотое яблоко	72
Урызмаг и Хамыц у донбетров	81
Рождение Сатáны	86
Поход Урызмага и Хамыца	90
Путешествие Хамыца к Белому морю	94
Шкура черной лисицы	101
Рассказ Урызмага	105
Рассказ Сахуга	113
Рассказ Хамыца	116
Игры нартов	120
Как Урызмаг женился на Сатáне	125
Свадьба Сайнаг-алдара	132
Как Хамыц женился	140
Как родился Батрадз	146
Батрадз, Урагом и сын Бардуага	151

Рождение Сослана	156
Смерть Хамыца	162
Батрадз и сын Тара — Мукара	167
Как Батрадз закалялся	177
Батрадз и Хафтангур	182
Кувд Бурафарныга	185
Как Сослан возвратился к нартам	189
Ацамаз — сын Уаза	195
Как Батрадз узнал убийцу своего отца	206
Как Батрадз отомстил за смерть отца	211
Гибель семьи Сырдона	219
Созырко и Карадзау	226
Созырко и сын Албёга Тотрадз	235
Созырко и Челахсартаг	243
Взятие крепости Хиза	251
Созырко и Адирухс — дочь Солнца	259
Созырко в стране мертвых	262
Кадзи лже-Сатана	271
Кадзи кахц	275
Гибель кадзи	282
Сын кривого великана	285
Смерть безымянного сына Урызмага	288
Путешествие Урызмага с его безымянным сыном	294
Урызмаг и кривой великан	302
Как Сатана поддалась соблазну	308
Путешествие Урызмага в чугунном гробу	322
Созырко и колесо Балсага	331
Смерть Созырко	336
Смерть Батрадза	348
Решение бога	354
Борьба с небожителями	358
Последний бой	362

Приложения

Послесловие (В. И. Абаев и Б. А. Калоев)	369
Комментарии (Б. А. Калоев)	395

Нарты. Осетинский народный эпос

*

Утверждено к печати
редколлекцией „Литературные памятники“
Академии наук СССР

*

Редактор издательства Д. П. Лбова
Оформление художника Н. А. Седельникова
Технический редактор Е. Н. Симкина

*

РИСО АН СССР № 2491-В. Сдано в набор 7/VIII 1956 г.
Подп. в печать 28/II 1957 г. Формат бум. 70×92¹/₁₆.
Печ. л. 25,25=29,54+9 вкл. Уч.-издат. лист. 19,1
Тираж 6000. Изд.: № 1282. Тип. зак. 777
Цена 13 р. 60 к.

*

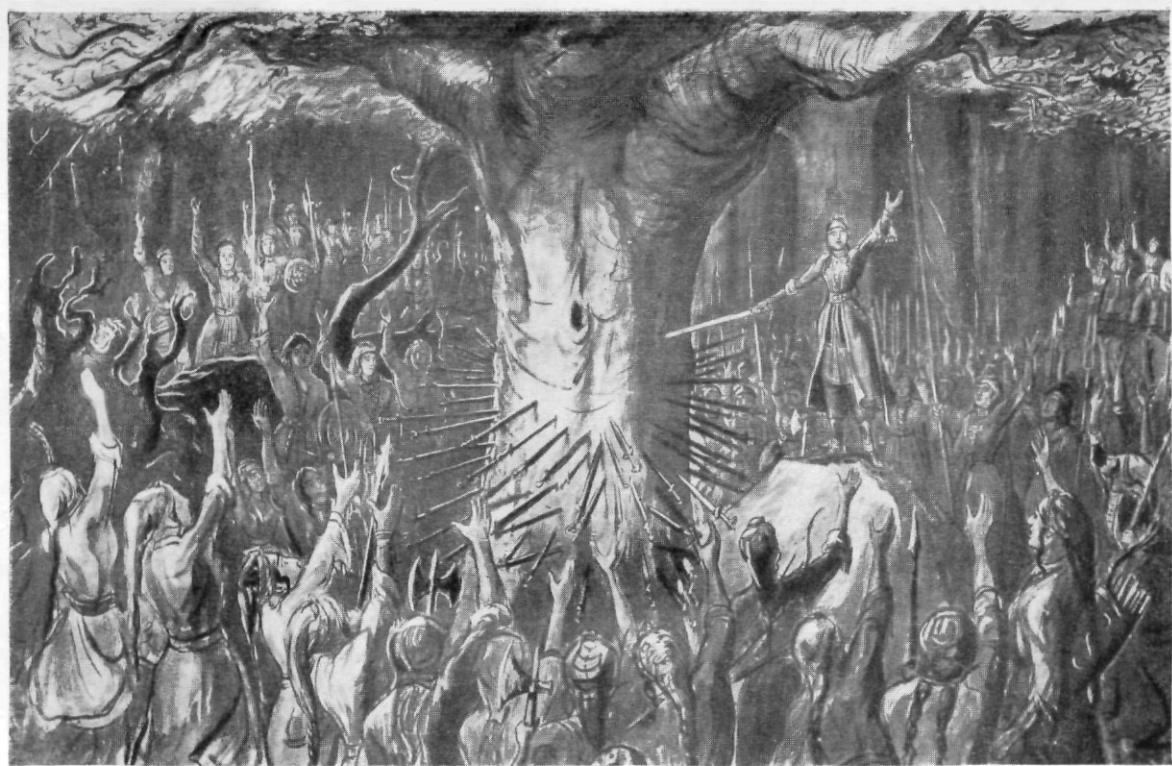
Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21
2 я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
144	7 сн.	трое,	трое, дружно
147	1 сн.	Водою нартской	Водой морскою
275	13 св.	Уже готовы	Готовы
306	13 сн.	спасти	пасти
356	3 св.	у нас	у нас теперь
376	14 сн.	звук	знак
393	16 св.	Одинском"	Одиноком"

Сын Бардуага на небесной бороне

Клятва войска дочери Даргавсара

Camăna

Игры партов

Созырко и Карадзау

Бой Созырко с Тотрадзом — сыном Албег

Пир партов

Орел уносит Урызмага

Бой Батрадза с небожителями